

Екатерина Дей

**Я
однажды
приду...**

Часть IV

Екатерина Дей

Я однажды приду... Часть IV

«Издательские решения»

Дей Е.

Я однажды приду... Часть IV / Е. Дей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909631-9

«...Как я не упала, не потеряла сознание и не побежала в разные стороны непонятно — между боевиками под тентом появился Хранитель. Прав Глеб, ещё вчера я бы не смогла пережить такой встречи, а сегодня, после Совета и ночи любви, я смогла устоять на ногах и посмотреть Хранителю в глаза...»

ISBN 978-5-44-909631-9

© Дей Е.
© Издательские решения

Я однажды приду...

Часть IV

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-9631-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Глеб встал и посмотрел на меня с высоты своего роста, мне пришлось высоко поднять голову. Он улыбнулся и сказал:

– Олег прав, нам с тобой ничего не страшно.

Я никак не могла прийти в себя, беспомощно посмотрела на Глеба, оглянулась на замершего Олега. Закрыла ладонью себе рот, вопрос возник, но такой, который задать вслух я не могла. Но Глеб его понял, кивнул головой, едва коснулся пальцами моей щеки, его вопрос не смущал:

– Да, Катя, ты права. Это наша общая энергия, а камень власти его усилил.

– Которую... мы ...создали?

– В любви.

Обернулся к двум статуям и позвал:

– Лея.

Она проявилась мгновенно и улыбнулась мне, сверкнула глазами, истинно женский взгляд, никакой не боевик, мудрая молодая жена. Какая она красавица удивительная: длинные волосы собраны на затылке и глаза от этого стали еще больше, но в них проявилась какая-то тайна, та, которую Андрюша будет разгадывать всю их счастливую жизнь. И я сразу успокоилась, раз Лея сказала, что камень власти нас с Глебом защищает, значит, защищает. Олег только улыбнулся и головой покачал, конец пришёл Амиру, две женщины – это страшная сила, особенно такие женщины.

Командор кивнул Лее, действуй. Она подошла ко мне и взяла за руку, через мгновение сказала:

– Да, это твоя энергия в камне власти.

Взяла брошь и подала мне:

– Подержи в руках.

У меня сразу задрожали руки, и я от внезапного волнения чуть не уронила Диану, сама поймала и зажала в кулачке – помощи богиня Диана. Через минуту напряженной тишины Лея открыла мою ладошку и тронула брошь, сразу кивнула и высказала вердикт:

– Всё, он работает, в нём ваша с Глебом энергия, необычная и очень сильная.

– Почему необычная?

– Катя, просто такой больше нет, сравнить не с чем.

– Как у Амира?

– У него другая, она агрессивная, жёсткая, а у тебя она... добрая.

Неожиданно Виктор хихикнул, покачал головой и не удержался, спросил:

– И что, Катиной добротой отбиваться от Амира будем?

Лея спокойно подняла на него свой взгляд и ответила:

– Там ещё энергия Глеба есть.

Виктору ничего не оставалось, как только кивнуть головой, это уже серьёзно. Вместе с моей добротой, от которой он уже достаточно настрадался, энергия становилась действительно непробиваемой. Прозвучал вопрос Олега:

– Когда ты поняла?

– На первой встрече Кати и Амира. Я тогда только заметила, что Амир странно отреагировал на камень власти – для него он не мог быть опасным, однако Амир забеспокоился.

– Точно! Он тогда так странно на Глеба посмотрел! Такой... мгновенный взгляд, жёсткий, он чему-то удивился, когда посмотрел на Глеба.

Лея удивлённо посмотрела на меня и кивнула.

– А когда он уже Катю лечить пришёл, то всё стало ясно, он не мог пробить силу камня, поэтому и попросил, чтобы Глеб не был рядом с ней. А сегодня на встрече он даже не мог близко подойти к Глебу, такова сила камня. В нём ваша общая энергия – твоя и Глеба.

Глеб смотрел на меня странным взглядом, полным любви и ещё чего-то, совершенно мне непонятного, но очень таинственного, и где-то в глубине этой таинственности сверкала звёздочка.

Рядом со мной появился Олег и вопросительно посмотрел на Лею:

– Можно?

– Да, твоя энергия не может разрушить силу камня. Амир не смог ничего сделать с камнем власти Глеба.

Она опять улыбнулась и, опустив глаза, тихо сказала:

– Его всегда можно восстановить, даже если он и ослабнет немного. Достаточно Кате и Глебу его коснуться.

И я облегчённо вздохнула. Не зря я всё время пыталась отковырять этот камень с галстука Глеба, вертела и вертела, и чаще всего в сильном волнении, значит, моя энергия была сильна и передалась камню, наша с Глебом энергия – доброта и сила. Созданный нами в любви энергетический кокон вернулся к нам, наполнил нас и теперь защищает, наша любовь защищает нас на физическом уровне.

Олег долго рассматривал маленький камешек власти на украшении лука Дианы, потом коснулся его пальцем, провел ладонью над брошью, удовлетворённо хмыкнул и спросил:

– Лея, я чувствую энергию, но она не отталкивает, почему Амир не смог подойти к Глебу? Может быть, этот камешек слишком мал, чтобы так воздействовать, как камень власти Глеба?

– Размер камня не важен, твоя энергия тоже есть в этом камне, ты давал много своей энергии Кате, когда ей было плохо, она знакома ей, поэтому нет отторжения, а энергия Амира незнакома и слишком агрессивна.

– Получается, что энергия камня защищает лишь от неизвестной ей энергии?

Виктор был напряжён и взгляд оставался пронзительным, но ушло страшное ощущение тигра в прыжке, какой-то неотвратимости боя. Лея посмотрела на него, задумалась на пару секунд, чем вызвала лёгкую бледность на лице Глеба, но ответила так же спокойно:

– Агрессивной энергии. Я думаю, сила камня проявляется в случае появления агрессивной энергии.

– Надо проверить.

Командор лишь повёл глазами на Олега и тот сразу исчез. Я удивлённо посмотрела на него – и на ком мы это будем проверять? Мари он вряд ли пока ко мне допустит, а чужих в доме никого и нет. Это я так думаю, просто не вижу тех, кого видеть не должна. Хотя, должны же проверить именно на агрессию, а кто может быть в доме такой – с агрессией ко мне?

Глеб подошёл и осторожно прикрепил брошь мне на платье, погладил её пальцем, коснулся маленького красного пятнышка камня власти. А я улыбнулась ему, вот всё и решилось, теперь можно никого не бояться в этом нашем таком интересном мире.

Я испугалась так, что Глебу пришлось меня поддержать и положить руки на плечи, чтобы я не вскочила со стула. В дверях рядом с Олегом стоял мальчик с корнями. То же милое личико с яркими голубыми глазами и алыми губами, несколько корней упирались в пол, совсем как ноги, а остальные корни были обернуты вокруг тела, и он опирался на них своими маленькими ручками. Ни одна мысль не возникла, только пустота, заполненная страхом, я закамнела, застыла, вдавилась в спинку стула, даже не вспомнила, что рядом стоит Глеб. А Олег стал подходить с этим... этим существом всё ближе и ближе, и смотрел на меня строгим взглядом, даже жёстким, недоверчивым. И когда я уже готова была закричать изо всех оставшихся у меня сил, они неожиданно встали, казалось, что упёрлись в стену, Олег даже тронул воздух перед собой и вдруг улыбнулся, кивнул, посмотрел на меня сразу повеселевшими глазами. Кто-то за моей спиной облегченно вздохнул, и я поняла, что мне тоже можно дышать.

– Катя, всё получилось, даже не нужно дополнительной агрессии, достаточно твоих эмоций, ты немного испугалась, и всё – камень заработал.

Когда я смогла поднять глаза, увидела Лею и Глеба, они стояли рядом со мной и улыбались. Моих сил хватило только чтобы кивнуть и распрямить плечи, сведённые страхом. Глеб что-то сказал, и Олег с мальчиком-пнем повернулись к выходу, а я прошептала:

– Стойте, не уходите.

Они остановились, но не повернулись ко мне, так и стояли спиной. Я опять прошептала:

– Олег, вернитесь. Глеб, скажи ему.

– Что ты хочешь сделать?

– Верни мальчика.

Я сама не очень понимала, зачем хочу, чтобы они вернулись, может, мелькнувшая мысль – это не тот, не из клана Элеоноры, это другой, просто на него похож. Казалось, Глеб молчит уже вечность, а Олег с мальчиком так и стояли спиной к нам, совершенно не двигаясь, как неудачно остановленные кадры немого кино. Наконец, Глеб сказал:

– Олег.

А я так и сидела недвижимо, застывшая фигура, даже не ощущала на плече руки Глеба, просто смотрела на спины мальчика и Олега. Они постояли ещё несколько секунд, потом Олег произнёс непонятный звук, мальчик обернулся и посмотрел на меня. Мне понадобилось какое-то время, чтобы осознать, что он мне улыбается обычной улыбкой маленького мальчика, сыгравшего шутку над взрослыми гостями своих родителей. Я медленно вздохнула и попросила уже нормальным голосом:

– Подойди ко мне.

Мальчик посмотрел на Олега и тот мрачно кивнул: иди, жена командора зовет. Лихорадочно сцепив пальцы, я ещё раз глубоко вздохнула – это не он, это другой. Такого, каким был тот, Глеб бы не стал держать в доме рядом со мной, его для того сюда привели, чтобы действие камня проверить, он не виноват. Мальчик медленно подходил ко мне на своих ногах-корнях и время от времени посматривал то на Лею, то на Глеба, стоявших рядом со мной. А я всё повторяла про себя: он не виноват в том, что такой, что похож на то чудовище, он просто мальчик, просто мальчик. Олег шёл чуть в стороне и немного позади мальчика, напряжённо всматриваясь в моё лицо – видел, как я борюсь со своим страхом – даже руку вперед вытянул, пытаюсь ощутить энергию камешка. Мальчик остановился в паре метров от меня и опять посмотрел на Олега, не зная, что дальше делать. Я попыталась улыбнуться, но получилось плохо, судя по довольному лицу Олега, его мой страх в этом случае вполне устраивал. Прозвучал строгий голос Глеба:

– Ты чувствуешь что-нибудь? Силу, энергию?

Мальчик чуть наклонил голову, прислушивался к себе, понимал, о чём говорит командор, потом отрицательно покачал головой, ответил звонким голосом:

– Нет, сейчас сила едва ощутима, она спала. Жена командора справилась со своим страхом.

И улыбнулся мне чуть удивлённо. А я закрыла лицо руками и прошептала:

– Прости меня, я так испугалась... я вспомнила другого, я уже видела другого и испугалась его. Прости, это я его испугалась.

– Свободен.

Глеб подхватил меня и сел на диван, когда я смогла опустить руки от лица, мальчика уже не было. Олег смотрел на меня грустным взглядом понимания, ведь я очередной раз была вынуждена окунуться в ужас страха, но другого выхода нет. Я кивнула ему – другого выхода нет.

– Кто он?

– Слухач. Они определяют уровень агрессии в каждом, кто может оказаться в доме. У него много способностей.

Помолчал, но решил добавить:

– Он всегда в доме, но ты его видеть не должна.

– Кто ещё есть в доме, кого я видеть не должна?

– Ты их не должна видеть.

Ну да, еда по волшебному слову, уборка после моих истерик, одежда неизвестно как появляется и исчезает, розы и свечи в бассейне. Много кого, кого я видеть не должна. А ещё внутренняя и внешняя охрана. Населённый получается дворец. Я подняла глаза на Глеба и только увидела, что на его галстук нет камня власти, проверяли только маленький камешек на моей броши.

– А свой камень ты уже проверил?

– Да.

– На ком?

– На Амуре.

Грянул такой хохот, что в дверях появился удивлённый Самуил, не выдержал, пришел посмотреть, почему в доме смех, когда кругом опасность.

– Катенька, девочка моя, я вижу всё хорошо, ты так смеёшься, значит всё хорошо, раз ты смеёшься.

– Самуил, я от страха совсем перестала понимать, представляешь, а они смеются надо мной. Подумаешь, мне можно... я слабая женщина, мне можно бояться.

– Самуил, не верь ей, она ничего не боится, сейчас такой страх в себе победила, едва дышала, но победила.

Олег смеялся и покачивал головой, но говорил почти серьёзно. Лея в нескольких фразах объяснила ситуацию. Самуил даже руки к груди прижал, качал головой и как-то двигался всем телом, потом решительно обратился к Глебу:

– Глеб, надо Катю сейчас обследовать, неизвестно, как на её энергии сказался такой опыт, она только что отдавала Мари, едва выжила, ноги ещё только заживают, а вы опять придумали ей нервы...

– Самуил, всё хорошо, я чувствую себя хорошо, зато мы точно знаем, что Амир ничего не сможет мне и Глебу сделать, можно с ним встретиться и узнать, что же ему теперь от меня нужно.

– Самуил, видишь, только отдышалась, даже ещё понимает плохо от пережитого страха, а уже на подвиги потянуло.

Виктор едва сдерживал смех, глаза так и сияли, а руки махались в разные стороны. А я вдруг подумала – это они за меня так боялись. Никто из них не беспокоился о себе, хотя каждый мог оказаться в плену у Амира, как было с Леей и Олафом. Притом, что у них у всех уже есть свой страшный опыт встреч с ним.

– Глеб, я теперь защищена, а остальные... вдруг Амир ещё кого-нибудь пленит, выкрадет? Как остальных защитить?

И опять смех, не грохотом, просто смехом – я такая и ничего со мной не сделаешь, и эта я такая их радую, своим беспокойством о них, просто тем, что думаю и переживаю о них. Глеб чмокнул меня в щёку и заявил голосом командора:

– Он никого не посмеет тронуть.

– Ну да, тронь кого-нибудь из твоей свиты, опять по лицу бить будешь, я Амира предупредил.

Олег хитро посмотрел на меня, и я поняла, картинку ему послал, показал, что его может ожидать. И опять смех, даже Лея позволила себе громко засмеяться, интересное зрелище, а может даже представила, как я Амиру пощёчину даю. Глеб тоже смеялся, обнимал меня, тихо в ушко прошептал:

– Я же сказал – он тобой восхищён.

– А что ты ему ещё показал?

– Много интересного.

Уточнять не стал, но так улыбнулся, что стало понятно – удовольствие получил от одной мысли, что Амир это увидел. А я вспомнила, как пыталась понять после своей потери памяти, как я оказалась с ними, и Глеб сказал, что мутанты и генетические эксперименты – это только малая часть моих подвигов. Действительно, совсем малая: каждый день что-то происходит, всё двигается, всё меняется, я даже думать не успеваю, сразу вынуждена действовать, в чём-то участвовать. Если, конечно, компания во главе с моим мужем позволит. Значит, ничего не боимся и встречаемся с Амиром. Олег понял мои мысли и сразу заволновался:

– Катя, ты, конечно, храбрая девушка, но...

– Олег, камень меня защитит, вы защититесь сами...

– Что?! Глеб, это что, она за нас теперь и переживать не будет?

– Буду, я Амиру уже сказала, что он дурак, надеюсь, что понял.

И опять смех, Виктор даже лицо закрыл, а Самуил радостно замахал руками, наконец-то опять мир, все смеются, всё хорошо. И совсем не страшно, что где-то рядом есть ужасный Амир, которого никто в этом доме уже не боится, он в том числе.

Муж шёл по дому и нёс меня на руках, а я прижималась к нему и улыбалась. Я с ними стала совсем другой – сильной маленькой девочкой. Когда тебя всё время носят на руках, обнимают и целуют, постоянно думают о тебе – а я в этом уже не сомневаюсь – то начинаешь привыкать к этому и воспринимать себя именно такой, какой они тебя представляют. Ага, ещё скажи, что богиня и королева.

– Я с тобой стала совсем... не такая, совсем другая стала. Если бы мне раньше кто-то сказал, что я стану такой, никогда бы не поверила, только бы посмеялась.

Глеб даже остановился, подумал и сел прямо на пол:

– Со мной?

– Конечно с тобой, с вами со всеми. Понимаешь, я теперь даже представить себе не могу, что может быть как-то иначе... я всегда знаю сразу, что вы меня защитите от всего, всегда сделаете всё для меня, всё-всё. Разве я думала в своём одиночестве, что появишься ты и полюбишь меня, что вокруг меня будут такие Олег, Виктор, Андрюша и Лея, такая удивительная девушка. И такой Самуил, который рад и счастлив только от того, что я есть, со всеми моими... всякостями.

– Чем?

– Ну, со мной всякого разного было, а он всё равно счастлив тому, что я есть, просто – я.

– Я люблю тебя.

– Я знаю.

Он смотрел на меня и улыбался такой тихой домашней улыбкой, что я уткнулась ему в грудь, чтобы не заплакать – никакой Амир не сможет с нами ничего сделать, когда твой муж вот так на тебя смотрит и улыбается.

– Ты моё солнце в темноте, такое яркое и красивое, что я боюсь иногда смотреть на тебя.

– Почему? Если я такая красивая?

– Потому что я – это темнота и ужас.

Неожиданно глаза потемнели, он вскочил на ноги и мгновенно перенёс меня в спальню. Я удивлённо посмотрела на него, когда он уложил меня на кровать.

– Глеб, что ты такое себе надумал?

– Я люблю тебя.

И всё, поцеловал нежно и исчез. Какое-то время я лежала без единой мысли, потом села на постели и позвала:

– Лея.

Почему именно Лея, я не понимала – в голове так и не проявилось ничего, только удивление на поведение Глеба – но, наверное, какой-то процесс всё-таки шёл, раз я её позвала. Она появилась и вопросительно посмотрела на меня, только что меня отнёс Глеб и вдруг её зову – неужели я опять что-то партизанское придумала. Но я долго молчала, не могла сформулировать вопрос, что хочу узнать, а она безропотно ждала, понимая, просто так я бы не стала её звать среди ночи. Наконец, вопрос проявился:

– Лея, скажи, я поняла, что ты присутствовала на встрече Глеба и Амира, что там произошло, о чём они говорили?

Она только покачала головой, ясно – приказ Глеба.

– Лея, я не хочу знать подробностей, это дело командора. Пойми меня, что-то было в этом разговоре, что очень подействовало на Глеба, что-то такое... не могу сформулировать, он опять думает, что он для меня – темнота и ужас.

Лея задумалась, поняла, о чём я говорю, пытаюсь сказать. Я не выдержала и приподнялась с кровати, она сразу оказалась рядом, мягко опустила меня на постель и сказала:

– Тебе нельзя вставать. Я посмотрю твою энергию.

Взяла меня за руку, а сама внимательно посмотрела мне в глаза и кивнула. Я опустилась на подушки и закрыла глаза – было. Лея не может открыто сказать, что было такого в разговоре с Амиром, но может подтвердить моё подозрение. Она чуть погладила мне руку и отпустила её:

– С тобой всё хорошо, энергии достаточно, ты её не отдаешь и не берешь. Ты сильная женщина, женщина-человек.

И что? Глеб это знает. Лея грустно посмотрела на меня и опять погладила по руке. Проблема в том, что я – человек?

– Лея, свободна.

В дверях стоял Глеб, конечно, как он может допустить тайны между мной и Леей. Ну да, в доме, где всё записывается и все всё слышат. И как я заведу себе подругу? Например, о мужчинах посплетничать?

Лея исчезла под недовольным взглядом командора, а я отвернулась к окну и укрылась одеялом – сам виноват, исчез без объяснений, можешь и сейчас уходить.

– Катя.

Я никак не показала, что слышу его, раз сам меня не хочет слышать, не хочет объяснить, почему ужас и темнота.

– Я люблю тебя.

Можешь любить, сколько угодно, это твоё дело, я только плотнее завернулась в одеяло.

– Ты человек.

– И что?! Мы это уже сто, нет, двести раз обсуждали! Я люблю тебя, понимаешь, люблю! И мне всё равно, какие там ужас и темнота, что ты там себе надумал, глупости очередные,

мало ли что сказал этот дурак... да он тебя вывести из себя хочет! Он завидует тебе, что у тебя есть то, чего у него нет, столетиями самый страшный, а никто его не любит! Только его дочь, но ей сейчас у тебя, понимаешь – у тебя так хорошо и счастливо! Не смей ко мне прикасаться, я всего лишь человек!

Кричала и махала руками, отбивалась от Глеба, пытавшегося меня обнять, стучала кулачками по бетону его груди:

– Зачем спасал? Вот зачем, зачем сейчас спасал? И живи со своим ужасом! Не смей целоваться! И как это ты человека целовать собрался? А? Я всего лишь человеческая, ха-ха, смешно, человеческая тётка, а ты целоваться!

Глеб пытался меня успокоить, но сильно к себе прижимать боялся, вдруг покалечусь об его руки, хотя попыток поцеловать не прекращал, несмотря на мои вопли, и не позволяя встать с постели. Наконец, не выдержал, закрыл мне рот ладонью и прижал к себе:

– Катя, я люблю тебя, я твой муж и сделаю для тебя всё.

Я только грозно прорычала что-то, что сама не очень поняла в праведном гневe. Он молчал и удерживал меня до тех пор, пока я не успокоилась и не перестала мычать. Когда у меня на глазах появились слёзы обиды, тихо сказал:

– Я люблю тебя, так люблю, что боюсь своей темнотой погубить тебя.

Интересно, откуда эта мысль? Как же Амир сумел так на него подействовать, что в душе Глеба опять появился этот страх, что он недостоин меня и может меня погубить. Я смотрела в эти чёрные глаза, полные боли и думала лишь о том, что это меня придётся завтра на встрече держать двумя руками, чтобы я сама этого Амира на ленточки не порвала. Прав Виктор, ой прав – хитёр лис, но никто ещё не мог переиграть женщину в борьбе за любовь. Особенно такую, как я – богиню и королеву. Ещё чего вздумал, да я столько сил и терпения потратила на то, чтобы убедить Глеба в своей любви, что теперь не позволю какому-то шейху разрушить своё, наше счастье!

Глеб удивлённо приподнял бровь, увидел мой взгляд, и он ему понравился – истерика закончилась, и я что-то придумала. Он осторожно убрал свою ладонь с моих губ, и я сразу потребовала:

– Целуй.

И так решительно сказала, что Глеб даже не сразу смог выполнить требование, задумчиво смотрел и не понимал, откуда такая решимость.

– Целуй.

Он целовал меня так бережно, что казалось, вернулись те времена, когда он ломал меня, не в состоянии удержать свою силу. Я обняла его за шею и заставила лечь рядом со мной, заявила непререкаемым тоном:

– Твои дела подождут, у меня ноги рядом с тобой лучше заживают.

Шантаж сработал, Глеб улыбнулся, обнял меня и едва слышно прошептал:

– Любимая моя, единственная, ты моя жизнь...

И опять тяжело замолчал, закрыл глаза, чтобы я их не увидела. Я прошептала:

– Я твоя жизнь. Помни об этом.

Глеб вздрогнул, сразу посмотрел на меня тревожно.

– Помни.

– Почему я должен об этом помнить?

– Потому что моя жизнь очень хрупка.

– Что случилось?

Он напрягся и уже смотрел на меня внимательной штормовой синевой. Я выдержала этот взгляд, и думаю, что мой взгляд тоже был не тихой заводью любви. Всё время я доказывала ему и всем, что всё и всегда выдержу, и вдруг сама заявляю, что моя жизнь хрупка.

– Ты забыл один момент.

– Момент?

– Я сразу умру, если ты не будешь меня любить.

– Я люблю тебя, почему...

– Потому, что ты засомневался в себе.

– Я люблю тебя и не сомневаюсь...

– Ты позволил себе, не так, ты позволил Амиру вложить в твою душу сомнение в любви. Даже не важно – сомнение в чьей любви, твоей или моей, в самой возможности любви.

Я замолчала и опустила голову, он должен меня понять – то, о чём он думал после разговора с Амиром, на самом деле его собственные страхи, которые он никак не может изжить из себя. Амир просто их увидел, почувствовал, унюхал и воспользовался моментом, нажал на эту боль, всколыхнул её. Мои страхи, которые пришлось смывать целым бассейном, выходили и продолжают выходить, но он их понимает, а если и не понимает, то решительным действием командора рубит гордиев узел, заявляет – их нет, и я о них думать не должна. А сам страдает от своих страхов, не позволяя мне на миллиметр к ним приблизиться, и они вот так неожиданно проявляются. Притом, что я постоянно ему заявляю, что их не должно быть, что я его люблю, и буду любить всегда.

Глеб молчал и смотрел на меня, я чувствовала тяжёлый взгляд, но головы не поднимала, пусть думает, это он должен понять сам. Всё разложить внутри себя, разобраться во всех полочках, проанализировать разговор с Амиром и понять, что если он сейчас позволит сомнению поселиться в его душе, то мы проиграли. Проиграли во всём, не только в борьбе с Амиром, но и в борьбе за свою любовь, за нашу жизнь.

Не знаю, сколько времени Глеб молчал – долго, очень долго. Он поглаживал меня по голове и пальцы были твердыми, мыслительный процесс был настолько сложным, что напряглось всё тело, но объятия не превратились в мраморный обхват, он себя ещё мог контролировать. Когда заговорил, голос был глухим и напряжённым:

– Ты права. Я очень боюсь, что наступит момент, и ты поймёшь, что не можешь меня любить. Что... всё что угодно... но не любовь.

– Почему?

– Что почему?

– Почему я так должна понять? Потому, что я человек?

Глеб вздохнул так тяжело и длинно, что меня придавило его руками, и я чуть не распалась на молекулы. Мой смех превратил его в статую.

– Глеб, если ты забудешь, что я человек, то да – я могу исчезнуть в пространстве. Тебе придётся всегда об этом помнить, я сейчас как нейтрино растекусь по твоей груди.

– Прости.

Расслабил руки на мгновение, потом опять прижал к себе, но уже другим объятием – любящими руками, которые живут своей жизнью, ничего не знают о его страхах и сомнениях, они просто любят меня обнимать, просто касаться меня, ощущать меня. Глеб повторил:

– Ты права. Я всегда должен помнить, что ты человек, человеческая женщина, и я люблю тебя и никому не отдам. И свою... нашу любовь никому не отдам, не позволю её убить.

Я погладила ладонью ему лицо, глаза стали синими, шторм в них ещё оставался, но это уже шторм, уходящий в сторону, надеюсь, в нужном направлении. Только одним я могла сейчас доказать ему свою любовь. Молитва звучала едва слышно, я не пела её, а шептала, водила пальцем по его лицу, смотрела в эти синие озёра и произносила слова, которые отправляла ему на войну.

А потом он лечил мои ноги своей энергией, и мы оба радовались, что от его рук моя кожа заживает на глазах. Я сама попросила его попробовать снова, сейчас кровь уже не шла, и его сила должна действовать, ведь был нужен лишь толчок Амира, а уж остальное сделает муж. Глеб улыбнулся и достал мои ноги из-под одеяла, долго на них смотрел, хотя выглядели они

так, как будто их достали из кофемолки. Удивительно – такое жуткое зрелище, а боли совсем нет, даже не чешутся и покалывание тоже постепенно прошло. Чтобы его отвлечь от тягостных дум, я помахала ими и заявила:

– Немедленно лечи, я хочу завтра предстать перед Амиром при полной красоте.

Муж недовольно на меня посмотрел и ревниво спросил:

– Голыми ногами будешь размахивать?

Мой хохот должен был разбудить весь дом, хорошо, что в нём кроме меня никто не спит. Но отсмеявшись, я задумалась: как же Амиру показать, что мои ноги лечатся ещё и энергией Глеба? Он водил ладонью над кожей и раны затягивались на глазах, кожа светлела, и их вид уже не был таким ужасным. И то, что его энергия сработала, так обрадовало Глеба, что он тоже засмеялся, видимо, представил лицо Амира. И я придумала, как продемонстрировать свои ноги, но при этом соблюсти приличия, в смысле не очень вызывать ревность мужа.

Утром Глеб опять лечил меня энергией, потом он позвал Лею, она тоже лечила меня, и кожа на ногах стала почти нормальной, если не считать ярких красных шрамов, но и они таким лечением должны скоро исчезнуть.

Когда Глеб зашёл отнести меня на завтрак, то от моего вида даже остановился у двери, чтобы прийти в себя. Я восседала на кровати в холщовой рубахе и замотанными холстом ногами. Он хмыкнул, качнул головой и спросил:

– Ты в таком виде собираешься восхищать Амира?

– А что, он уже ждёт?

– Ждёт.

– Значит, идем восхищать.

Глеб опять хмыкнул, но спорить не стал – что поделаешь, женщин не понять, легче согласиться исполнить каприз, чем пытаться выяснить причину этого каприза – молча взял меня на руки. А я решила уточнить:

– Он что, уже в столовой сидит?

– Нет, на подступах к дому.

Я уже понимала, что это означает – где-то близко ждёт приглашения. И что же Амиру от меня надо, может, посмотреть, как я реагирую на страдания Глеба? Он слишком умён, чтобы не понимать, что я так просто не дам Глебу уйти от меня, значит, будет пытаться влиять на меня. Ну, ну.

В столовой сидели Олег с Виктором и что-то весело обсуждали на ассасинском, казалось, что после вчерашнего действительно всё изменилось – вражеские войска отошли на дальние рубежи и нам уже не угрожают. Олег поднял на нас глаза и тоже сильно удивился, а Виктор сразу спросил:

– Интересно, Катя, доброе утро, это что означает? В поход собралась? Или лабиринты покорять?

– Да, доброе утро, я тоже не очень понял.

– Доброе утро. Поход пока отменяется, а холст помогает сохранить энергию Глеба.

Оба посмотрели на Глеба, Олег кивнул головой, понял, что лечение началось домашнее, а Виктор сделал лицо и хмыкнул, тоже неплохо. Глеб усадил меня за стол и прикрепил Диану на мою рубаху, смотрелось необычно – золото и драгоценный камень на холсте. Что ж, пусть буду авангардисткой, заведу новую модную линию одежды. Я хихикнула, и Глеб удивлённо посмотрел на меня.

– А что, Амир уже едет?

– Он на крыльце, ждёт твоего приглашения.

– Пусть заходит.

Который раз убеждаюсь, что правильно подобранная одежда – в смысле, когда женщина не думает, что надеть, а подчиняется неосознанному порыву – может решить всё. Амир был поражён, мало того – он был восхищён. Именно восхищён, почему-то эта холщовая рубаша и обмотанные холстом ноги произвели на него такое впечатление, что он даже не смог ничего сказать, так и замер у дверей столовой. Глеб тоже выдержал театральную паузу, я сидела рядом со столом, лицом к дверям, так, чтобы Амир сразу увидел мои обмотанные в холст ноги, а он стоял рядом, положив мне руку на плечо. Такой реакции Глеб не ожидал: Амир встал как столб, не в состоянии сказать слово, глаза сверкнули яркой голубизной, и на лице замерла странная улыбка. Наконец, он тихо произнёс какое-то длинное слово, в нём были в основном гласные звуки, и мне показалось, что он что-то пропел. Олег сразу вскочил, и встал передо мной, рядом оказался Глеб, я уткнулась взглядом в их спины. Какое-то время стояла тишина, наконец прозвучал глухой голос Амира:

– Глеб, прости, но Катя в этом одеянии так похожа на...

И опять повторил это слово, на что Олег вдруг что-то произнёс, тоже состоящее из одних гласных звуков и Амир удивлённо спросил:

– Ты знаешь наш язык?

– Немного, он сохранился фрагментарно. Имя твоей дочери.

Ясно, узнав имя дочери Амира, Олег выяснил язык, на котором они говорят, и выучил его. Латинский, ну, почти латинский, староитальянский.

Прозвучал голос командора:

– Что ты хотел сказать моей жене? На кого она похожа?

– Амир сказал: Катя похожа на женщин, занимавшихся колдовством в их время.

Ага, королева, богиня, а теперь и ведьма. Олег поправил меня, догадавшись о моих мыслях:

– Катя, они не ведьмы, они... занимались здоровьем, лечением людей.

– Знахарки.

– Да. От слова «знать».

Уточнив значение слова, я решила всё-таки узнать, о чём Амир хочет со мной поговорить, и попросила:

– Глеб, я как-то ничего не вижу за вашими спинами, может, вы покажете мне гостя.

Они ещё постояли передо мной, переглянулись и Глеб спросил ещё раз:

– Что ты хотел сказать моей жене?

– Глеб, твоя жена удивительная женщина, я таких ещё не встречал в своей долгой жизни.

– Что ты хочешь ей сказать?

Ничего не изменилось в тоне Глеба, но воздух наполнился угрозой.

– Я понимаю твоё стремление защитить свою прекрасную жену, но я не причиню ей никакого зла, в твоих руках моя дочь. Я лишь хотел убедиться, что с её ногами всё хорошо, и они заживают. Глеб, ты прав, я хочу добиться её доверия. Попытаться.

Неожиданно послышался тихий смех, я не поняла, кто смеялся, потом Олег сказал:

– Амир, эта попытка может превратиться в пытку, которую тебе будет сложно пережить.

Он посмотрел на Глеба и тот кивнул. Они что-то придумали, и эта придумка им нравится, по расслабившимся спинам сразу стало заметно.

Неожиданно Глеб обернулся ко мне и спросил:

– Будешь говорить?

Мог не спрашивать, улыбнулся и подошёл ко мне, положил руку на плечо. А Олег постоял ещё минуту и тоже отошёл к дивану, по дороге хитро улыбнувшись мне. Лицо Амира меня не просто удивило, я замерла, даже не смогла ничего сказать. Широко открытые глаза Амира смотрели куда-то в сторону, казалось, что он видит что-то, что привело его в шок, такой,

от которого он никак не может прийти в себя. Олег, он картинку какую-то ему показал, что-то такое, от чего Амир и не может прийти в себя, и эта картинка очень нравится Глебу.

Когда Амир смог посмотреть на меня, Глеб неожиданно погладил меня по плечу и быстро поцеловал в губы, даже рукой по груди провёл. И теперь уже я была в состоянии шока – что это с ним? Перед Амиром такую нежность продемонстрировал. А ведь прав, именно нежность, он показал Амиру наши чувственные отношения, мою реакцию, реакцию моего тела на его поцелуй и прикосновение. Амир слишком умён, чтобы не понять, что я на самом деле Глеба люблю, и у нас настоящие отношения мужа и жены, мужчины и женщины. Смутившись, я не сразу смогла посмотреть на Амира, попыталась спрятать улыбку после поцелуя, но потом решила, что он должен её увидеть, раз Глеб этого хочет, и подняла на Амира светящийся взгляд. Я смотрела в эти яркие, мгновенно пожелтевшие глаза и улыбалась. Ну что, великий и всемогущий Амир, что ты хочешь узнать у меня, простой человеческой женщины, которая счастлива в своей любви с таким же могущественным и удивительным мужем. Возможно только одно, что ты пока не узнал в своей длинной страшной жизни – таким как вы всё же можно получить от судьбы такой подарок, настоящую любовь. И эту любовь Глеб получил, боролся за неё и защитит её от всех, от тебя тоже, великий Амир. Мы долго смотрели друг на друга: я улыбалась, а Амир бледнел всё больше, его глаза темнели, но чёрными не стали, неожиданно вернули свой цвет, и он смог улыбнуться, поклонился гордым поклоном, чуть склонив голову:

– Приветствую тебя, Катерина.

Интересно, а куда делась жена командора? Только Катерина? Уже интересно, он что-то надумал себе, пока бледнел и смотрел на мою счастливую улыбку.

– Здравствуй, Амир. Я знаю, что ты виделся со своей дочерью.

– Да.

И всё, никакого комментария. Он не хочет говорить о ней, она слишком неожиданно для него пришла в себя. И главное, неожиданно для него она не просто здорова – она счастлива.

– Серж дал ей другое имя – Мари. Прости, но нам не произнести её настоящего имени.

– Как он попал к вам?

– Катя послала его к Илье, чтобы Серж его спас.

Последовал внимательный взгляд на Глеба, но Амир не стал уточнять, как это я его к Илье послала, признал за мной тайну колдовства, раз я так похожа на знахарок его времени. Я улыбнулась Амиру:

– Он хороший мальчик, можешь не волноваться за свою дочь.

– Я не волнуюсь.

И неожиданный взгляд в сторону Олега, который сидел на диване и внимательно слушал наш разговор. Он сидел спокойно, никакой позы воина, но было件нятно, что такая расслабленность ни о чём не говорит, Олег не тот, которого можно обмануть. Амир спросил его:

– Когда ритуал свадьбы?

– Скоро.

Никакого удивления в голосе Олега, спокойный взгляд, уверенный ответ, как всегда готов ко всему – знает Амир о свадьбе и знает, ничего страшного. Амир снова посмотрел на меня:

– А невест для Олега и Виктора тоже ты нашла?

– Одну на золотом приiske, другую в бархане. Изумительные девочки.

Почему ответ прозвучал именно так – неизвестно никому, мне в особенности, но я смотрела на Амира совершенно чистым честным взглядом, ведь ответ был в соответствии с его представлением обо мне, как знахарке, немного ведьме. Или много, лучше пусть думает, что много ведьме. И неожиданно для себя я добавила:

– И Олаф тоже скоро женится.

Как устоял Глеб – его рука даже не дрогнула на моем плече – я не видела, любовалась удивлением на лице Амира.

– Олаф?

– Да. У нас будет домашний праздник, ритуал само собой, это закон вашего мира, но и праздник мы дома обязательно устроим. И Лею с Андрюшей тоже поздравить хочется.

Амир не удержался, чуть дрогнула бровь, и глаза потемнели, а ты как думал? Неужели надеялся, что я прощу тебе похищение Леи и Олафа? Я почувствовала, как изменилось моё лицо и взгляд, но даже не пыталась улыбнуться:

– Амир, ты хотел со мной поговорить, я слушаю тебя. Будем считать, что светская часть беседы закончилась.

Он смотрел на меня странным взглядом, в нём было столько всего намешано, что определить, о чём он думал на самом деле, оказалось невозможно. Цвет его глаз постоянно менялся от яркого желтого, до глухого чёрного, без всякого проблеска голубизны. Наконец, Амир опустил голову и тихо спросил:

– Почему ты им верила с первого дня? Что в них такого, что ты им сразу поверила?

– А я не верила.

Шейх поднял голову и пронзительно посмотрел на меня.

– Я им не верила очень долго, а они каждую минуту доказывали мне, что я им нужна, просто я, без всякой там энергии. Они боролись за меня, свои жизни за меня отдавали, когда можно было не бороться, когда Глеб уже энергию получил... всё закончилось, и можно было просто дать мне умереть. Амир, это не я такая удивительная, они сами такие, они уже были готовы свою жизнь изменить, только ещё не знали – как.

– А ты пришла и показала.

– Виктор, ну не совсем пришла, закон вас выбрал, а меня инструментом к вам послал, вернее, Глеб этот инструмент почувствовал. Только всё надо делать самому, вы могли и не делать, ну получил Глеб энергию – хорошо, посадили бы в сейф...

– Катя, так иногда хотелось...

И неожиданный смех после признания Олега поразил Амира даже сильнее моих слов. Амир переводил взгляд с Виктора на Олега, внимательно смотрел на смеющегося Глеба и, наконец, посмотрел на меня. Я тоже улыбалась – вот и проговорился Олег о своей тайной мечте. Но моя следующая фраза прекратила этот смех мгновенно:

– Амир, а как они при мне держались каждую минуту? Все, не только Глеб. Когда я постоянно находилась рядом с ними со своим сердцем и живой кровью. Олег, покажи бассейн.

Я не смотрела на них, опустила голову и сцепила пальцы на коленях. Длинный вздох через какое-то время подтвердил, что Амир увидел картинку с кровавым бассейном. Не поднимая глаз, я сказала:

– Вот поэтому верю.

И в звенящей тишине, всё ещё не поднимая головы, я продолжила:

– Хотя ты прав, я им верила, сразу верила. Потому что Глеб не погубил людей, когда мог, даже должен был погубить, ведь для этого акция и проводилась.

Тишина стояла такая, что она уже даже не звенела, а слегка вибрировала напряжением, казалось, что энергии этих сверхчеловеков отдельно от их тел встретились в невидимой схватке. И в этой субстанции плотной энергии вдруг прозвучал ехидный голос Виктора:

– Амир, вот что я в Кате люблю, так это способность перевести внимание на кого-нибудь другого – мол, я что, я ничего, совсем ни в чём не виновата. Ты учти, она ещё и повязать всех друг с другом может так, что и не понял ничего, а уже столько на тебе клятв разных, что никакой жизни не хватит. Представляешь, я ей уже три раза поклялся, а командору только один. А Олег так тот только ей и поклялся. Она его от всех клятв освободила, так, ручкой махнула, сказала слово, и всё – свободен как птица. Он долго потом бегал, всё искал, кому бы клятву принести в верности, так опять же только ей и смог. Ему теперь даже Глеб ничего сказать не может без разрешения своей жены.

Я возмущённо обернулась на Виктора, а тот плечами пожал, правду сказал, чистую правду. И Олег только улыбнулся, сверкнул глазами на Амира и кивнул ему – так и есть. А когда Амир поднял взгляд на Глеба, тот сразу ответил голосом командора:

– Олег поклялся только Катерине.

И что теперь? Я посмотрела на Глеба, он погладил мне плечо и улыбнулся. Но тон, которым затем обратился к Амиру, был уже тоном недовольного командора:

– Амир, Катя устала, ей пора отдохнуть. Ноги заживают, скоро она будет ходить.

– Я могу посмотреть?

Звук, который издал Глеб, явно не был согласием, но кивнул – врач должен увидеть результат своего лечения, и посмотрел на меня. А я улыбнулась ему и опустила голову, вот муженек, как я правильно оделась. Почему согласился Глеб, я поняла только тогда, когда Амир подходя ко мне, вдруг остановился и стал водить рукой перед собой. Диана, я опять забыла по ходу разговора, что на мне охраняющая меня брошь – сила и любовь в маленьком камешке. Амир посмотрел на Глеба и глаза стали темнеть, я быстро сказала:

– Амир, я покажу.

Зрелище напоминало кадры эротического фильма: моя вытянутая ножка и Глеб на коленях медленно разматывает перед шейхом полоски холста с моей ноги. Всё зажило, остались лишь едва заметные шрамы, практически здоровая кожа, и я сразу спросила Глеба:

– Мне уже можно в бассейн? Глеб, я хочу плавать. Амир, мне ведь уже можно плавать, скажи Глебу, что можно!

Щебеча невинным голоском, я смотрела на Амира умоляющим взглядом, почти канючила. Он стоял соляным столбом и смотрел то на меня, то на Глеба тяжёлым мрачным взглядом. Неизвестно, что он собирался выяснить в разговоре со мной, какой цели добиться, но, судя по глазам, ничего у него не получилось, всё пошло как-то не так, и он растерян. Амир говорил со мной, но больше, чем я, говорили другие, он увидел мою почти нормальную ногу, но подойти ко мне не смог. И разговор закончил не он, а Глеб и ему просто позволили увидеть домашнюю сценку кокетства жены перед мужем. Наконец, Амир произнёс металлическим голосом:

– Катерина, ноги заживают хорошо, даже очень хорошо, тебе кто-то помог?

– Глеб и Лея, мне уже совсем не больно. Амир, я ведь могу плавать, вода не мешает, правда?

– Можешь плавать.

Амир посмотрел серым взглядом на Глеба, кивнул ему и, посмотрев на меня, вдруг улыбнулся и сказал:

– Катерина, я благодарю тебя за разговор, можно мне ещё раз с тобой встретиться?

– Как скажет муж, ты с ним обсуди, когда мы сможем с тобой поговорить.

Мой ответ добавил удивления в глазах Амира, он не ожидал от меня такой демонстрации полного подчинения мужу. А как он думал – я всего лишь жена-человек, абсолютная власть мужа, как скажет, так и будет. Глеб обратился властным голосом:

– Амир.

Тут же встали с дивана Олег и Виктор. Амир чуть наклонил голову в поклоне и попрощался:

– Глеб, Катерина, благодарю за встречу.

Потом кивнул Олегу с Виктором и исчез. Глеб сразу сказал:

– Сезам.

Ну да, я же крошки в рот ещё не брала, а чай? Олег улыбнулся и сразу успокоил:

– Катя, чай готов.

Я ела всякие вкусности, а они сидели и молча смотрели на меня, пока я не засмеялась:

– Будете так смотреть, я подавлюсь, и спасать меня придётся.

Грянул такой хохот, что меня от него чуть не сдуло со стула. Виктор даже лицо закрыл руками, а Олег откинулся на спинку дивана, пытался что-то сказать, но у него ничего не получалось, он продолжал смеяться и лишь махнул рукой. А Глеб просто смеялся, смотрел на меня счастливыми глазами и смеялся радостно. И что я такого опять сказала? Наконец, Олег смог произнести сквозь смех:

– Катя, нам с тобой никаких боевиков не надо, ты своим взглядом и словом кого угодно можешь победить.

– Кстати о боевиках, Амир уже обратил внимание, что боевики тебя охраняют не только из-за клятвы жене командора.

– Как это?

Глеб встал с дивана и подошёл ко мне, стоял и смотрел на меня, потом обернулся к Виктору:

– Расскажи.

– Катенька, ты понимаешь, Амир, он такой наивный, думал, с Леей и Олафом не получилось, ты сразу ему дала понять, что разговора не будет, пока их не отпустит, так он глупый решил боевика...

– Что? Он посмел кого-то опять похитить? Глеб, почему ты мне не сказал? Я бы с ним разговаривать не стала!

– Катя...

– И вы позволили ему...

– Не мы. Катя, ты дослушай сначала, потом уже сама решишь, как с Амиром разговаривать. Ну, так вот, да я узнал всё уже потом, когда... все живы, не переживай. Они стали сами... такими умными, представляешь?

– Виктор!

– Амир захватил одного из боевиков охраны и пытался узнать о тебе что-нибудь. Конечно, он и так о тебе много знает, только ему ещё хотелось подробностей выяснить, как ты живёшь, что ты кушаешь...

– Виктор!

– Катенька, так тот ему ничего и не сказал, заявил, что поклялся в верности и всё равно его жизнь принадлежит тебе, и он радостно её за тебя отдаёт. А у Амира служба серьёзная, всякая такая, тебе и знать не надо, как они его допрашивали. Только не долго мучили мальчика, не бледней, жив и уже бегаёт, потому что другие верные тебе боевики разнесли в пух и прах его службу, перебили всех, да ещё и пленных взяли. Одного оставили, чтобы передал послание, мол, не дадим в обиду никого из своих, нам так жить жена командора наказала, она нас никому не позволяет обижать, американцам никого не отдала, сказала: ещё чего, своих не отдаём. А мне только доложили: был пограничный инцидент, но мы справились сами.

Я растерянно посмотрела на Глеба, а он только улыбался, опять подошёл ко мне и чуть коснулся пальцем щеки:

– Они верны тебе, жена командора. Ты забываешь о своих подвигах, а они помнят. Это первый случай, когда боевики действовали самостоятельно, без приказа вернуть захваченного боевика, находящегося в свободном движении. На самом деле его задача в этой ситуации и состояла в том, чтобы погибнуть, но ничего не сказать. А они помнили твои слова, что никому своих не отдаём, и решили не отдавать.

– Как это, он же сказал, что хочет заслужить моё доверие?

Они опять засмеялись, уже негромко, больше иронично, Олег посмотрел пронзительно и объяснил глупой жене командора:

– Катя, да Амир даже представить себе не может, что ты, ты – жена командора Глеба, можешь не просто думать о каком-то там боевике, которого ты и видеть-то не должна, а переживать о нём. И не просто переживать, а отказать во встрече с ним из-за этого. Он сейчас,

небось, никак переварить не может, что ты послала мальчика Сержа спасти Илью, свою энергию потратила.

– Ага, он ещё про Лею самого интересного не знает!

Они говорили, а сами переглядывались, и Глеб странно по столовой ходил, к чему-то прислушивался, даже иногда голову наклонял, чтобы лучше слышать. Как только я осознала необычность их поведения, то сразу поняла – глушителя нет, Амир стоит где-то и слушает весь разговор. Ну что ж, слушай великий Амир!

– Глеб, я, пожалуй, больше не буду встречаться с ним. Ты, конечно, можешь мне приказывать, тогда куда денусь, буду разговаривать, а сама не хочу.

– Из-за боевика?

– Конечно! Какое может быть доверие? Как ему можно в чём-то доверять, если он готов всё что угодно сделать, какую угодно подлость.

– Он не считает такой поступок подлостью, обычная разведка.

– Если он хочет добиться моего доверия, то ему придётся... как это... принимать мои представления о поведении дружественных сторон.

Глеб остановился в своём движении и внимательно посмотрел на меня, потом улыбнулся – понял, что я обо всём догадалась, и сказанное мною было предназначено для Амира. Олег с Виктором переглянулись, и Виктор поднял большой палец правой руки, молодец, жена командора, точно, кино смотрит, явно в Италии этот жест означает что-то другое. Я улыбнулась им, и не так можем, подумала и сказала:

– Если Амир не поймёт, что я человек, обычная человеческая женщина и думаю я так, только как женщина, не как генерал, значит, и отношусь к его поступкам, как женщина, то вряд ли ему удастся завоевать моё доверие. Вы же научились принимать мои женские глупости.

Олег сделал большие глаза, Виктор засмеялся, закрыл себе рот рукой, закивал головой, ну да, ага, женские штучки, от которых весь их мир перевернулся. А Глеб подошёл ко мне, поцеловал руку и очень серьёзно сказал:

– Ты никогда не говорила глупостей, ты мудрая жена командора. Амир уже многое понял, ему осталось только научиться соответствовать тебе, твоему доверию. Ты действительно устала...

– Бассейн мне поможет в усталости и Амир сказал, что можно плавать.

Ему ничего не оставалось, как согласиться, ничего не сделаешь, рыба есть рыба. Он что-то произнёс, какое-то слово, и я радостно помахала рукой Олегу и Виктору, Виктор мне подмигнул, они тут ещё поговорят интересно, Амиру будет, что послушать.

Но Глеб отнёс меня не в мою комнату, а даже не знаю куда. Вообще-то я неправильная хозяйка дома: когда осматривала дом в первый раз, у меня возникла мысль, что я не нашла лестниц на второй этаж, но потом отвлеклась и решила поискать в другой раз. Конечно, потом об этом забыла, мне хватало и тех комнат, которые находились на первом этаже. Да и все пути у меня ограничивались столовой и бассейном. Которые, между прочим, ногами я уже прохожу редко. То есть, я так и не была на других этажах дома, справедливо решив, что это епархия Глеба и раз он не настаивает на знакомстве с этими этажами, даже в разговоре ни разу не коснулся этой темы, значит, и не надо мне там бывать. Хотя, всего скорее, сказывается многолетняя привычка жить в маленькой квартирке, ну да, она вся по размеру была меньше моей нынешней спальни.

Мы оказались в небольшом космическом центре: чуть меньше стадиона, но больше зала заседаний какого-нибудь парламента. Кругом экраны и компьютеры, это я так решила, потому что в моём словарном запасе нет тех слов, которые бы могли описать ту технику, которая стояла на столах, была прикреплена на стенах и потолке. Космос. И никого, совершенно никого среди этого космоса, настоящий вакуум.

Я вопросительно посмотрела на Глеба, который внимательно рассматривал меня, пока я оглядывалась кругом. Он пояснил:

- Система охраны нашего дома и территории в пределах досягаемости техники.
- Катя, это достаточно далеко.

Откуда-то появился улыбающийся Андрей, ну, конечно, кто ещё может быть в этом космическом центре.

- Это здесь ты всем управляешь?

Глеб кивнул и потребовал у Андрея:

- Амир.

Андрей сразу подошёл к какому-то столу, понажимал кнопки, и на большом экране, занимавшем половину стены, появилось лицо Амира – жёсткое, мрачное, брови сведены, а губы плотно сжаты. Оглянувшись на Глеба, увидела почти такое же лицо, властный мрачный командор.

- Ты недоволен разговором? Я что-то сделала не так, неправильно?

– Катя, ты вела себя так, как я даже предположить не мог. Амир получил тот удар, которого он не ожидал, да и я тоже.

Улыбнулся мне, чмокнул в нос, но лицо сразу стало лицом командора, как только он снова посмотрел на задумавшегося Амира. Я решила уточнить, чтобы самой понять, какой такой удар я нанесла Амиру:

- Как это?

– Ты дала ему понять, что только кардинально изменившись, он может рассчитывать на твоё доверие. И внимание.

– А оно ему нужно, моё внимание? Мне кажется, он пока просто не знает, что делать, как жить дальше со своей дочерью.

– И это тоже. Он намеревался подключить тебя к процессу соединения со своей дочерью. Самуил сказал, что она действительно почти всё время спала. Энергия Амира как бы законсервировала её, она не погибала, но и не росла, не развивалась никак, ни физически... ни как человек. Она из своего древнего прошлого сразу попала к нам, очнулась у Вердо, она даже Амира уже плохо помнит. С памятью тоже проблемы.

- Бедная девочка. А я чем могу ему помочь?

- Он уверен, что ты можешь всё. Ты человек, человеческая женщина.

– Амир может найти любую другую женщину, которая полюбит девочку, станет ей матерью, научит новой жизни.

Глеб так на меня посмотрел, а Андрей так хмыкнул, и я поняла, что сказала очередную глупость. Но почему? Мой вопрос повис в воздухе, и Глеб решил мне помочь:

- Он никому не доверит её.
- А как тогда он сейчас тебе доверяет?
- Не мне – тебе.

Ещё интереснее, да я вообще не встречалась с девочкой, ни разу с ней не говорила! Моё возмущение Глеб не дал высказать, сразу пресёк:

- Даже не думай. Достаточно Амиру узнать, что ты встречалась с Мари, начнётся война.
- Он меня похитит...
- Попытается.

Андрей кивнул, подошёл к другому столу, опять нажал несколько кнопок, и на экране появилась другая картинка. Это было заседание штаба войск, вражеских войск. У стола стоял Амир, а вокруг него... боевиков было лишь несколько, а вот остальных я даже определить не смогла – какие-то очень странные мутации человеческого или нечеловеческого организма. Казалось, что у некоторых даже не было рук и ног, совершенно непонятно, как они находились

у стола – разноцветные шары с масками на том месте, где должно находиться лицо. Андрей каким-то указателем коснулся экрана и стал объяснять:

– Телепаты, очень сильные, могут воздействовать на всех, на нас тоже. А эти круглые управляют энергией на большом расстоянии, концентрируют невероятную силу, очень направленную. Это они захватили Лею и Олафа.

Я вся сжалась и тихо спросила:

– А как тогда от него защититься?

– Тобой.

– Мной?

– Ты ему нужна очень добровольная.

И неожиданно оба засмеялись, хитро так, даже переглянулись весёлым взглядом. Я попыталась стукнуть Глеба по груди, но только вздохнула, опять смеются надо мной, резвятся над глупой женщиной. Андрей радостно сказал:

– Катя, у нас такие тоже есть, всякие есть, не переживай, мы сможем тебя защитить.

А я вдруг поняла, почему Глеб на встрече поцеловал меня, демонстрировал Амиру реакцию моего тела на поцелуй и его касание, показал ему мою любовь, вот она – добровольность. И Амир осознал: меня нельзя ни купить, ни заставить, я просто умру в неволе без Глеба. Хотя, заставить можно – Глеб. Только им можно меня шантажировать так, что я сделаю всё. Я так испуганно посмотрела на Глеба, что он догадался, о чём я подумала, усмехнулся:

– Катя, ему меня не взять, я единственный, кого он не сможет пленить. А остальные в доме посидят, сюда войти он не сможет.

– Осада?

– Точно. И здесь его дочь.

– Почему он её так и не забрал?

– Пока неизвестно, как она будет дальше себя чувствовать. Вердо её лечит, да и Серж помогают с Ильей, но что будет с ней без них, не знает никто. Тайна психики человека, так сказал Самуил.

– Поэтому я?

– Да.

– И я ему нужна сильно добровольная.

– Но ты ему популярно объяснила, что твою добровольность очень сложно заслужить.

– А что Олег ему такое интересное показал?

Глеб усмехнулся, весело посмотрел на меня, долго думал, но потом решился – кто знает, вдруг придётся с Амиром ещё раз говорить, и мне эта информация поможет в разговоре:

– Клятву Аарона.

Андрей даже брови поднял в удивлении, но быстро отвернулся, вдруг командор будет недоволен такой реакцией. А командор мою реакцию лицезрел долго: я пыталась что-то сказать, но у меня ничего не получалось, только мычание, вздохи, махание руками и пожимание плечами. Наконец, я произнесла между вздохами:

– Ты думаешь, это как-то... на Амира, он же... не знаю...

– Реакцию ты видела сама.

Ну да, стоял столбом. Интересно почему? Неужели эта клятва могла так на него подействовать. Или то, что Олег, а значит и Глеб, знали о ней, ведь ему никто не сказал, что эта клятва была записана на маленьких камнях Вавилона. Получается, что неудачная попытка Аарона обратить на себя моё внимание может сейчас помочь нам. Глеб прав, я могу использовать эту запись в своём разговоре с Амиром. И я рассмеялась, конечно, сначала ему показывают, как я быю Аарона, а потом Аарон клянётся мне клятвой ассасина. Прав Виктор, опять прав – всех клятвами повязала, это он Амиру и объяснял, чтобы тот всё правильно понял. Глеб тоже улыбнулся, догадался о моём мыслительном процессе. Однако, командор, он и есть коман-

дор, тоже не лыком шит, всё продумал перед разговором, все возможные варианты. Кроме моего выступления. Но и оно оказалось сильно в тему, мое доверие очень сложно заслужить, вот Аарону и пришлось на диету сесть. По лицу Андрея я поняла, что у него ход мыслей шёл параллельно моему, судя по ехидной ухмылке и светящимся глазам. И решила уточнить ещё один вопрос:

– Амир не может как-то повлиять на Аарона, он ведь уже знает о Норе?

– Может.

И всё, ни слова больше, смотрит на меня внимательным взглядом и молчит. Конечно, я должна кинуться его спасать, спасать Нору, требовать от него, чтобы он спас Аарона и Нору. Но я лишь кивнула головой и высказала неожиданный вердикт:

– У Аарона появится возможность доказать Норе, что он действительно любит её и будет бороться со всем миром за неё, даже с таким опасным врагом как Амир.

Глеб хмыкнул, повёл головой из стороны в сторону от моих слов, потом хитро посмотрел и спросил:

– И ты не будешь...

– Нет, не буду. Аарон глава сильного клана, не мальчик, жениться собрался, да и Нора согласилась выйти за него замуж, вот пусть сами друг другу помогают жить в этом мире, они вдвоём – муж и жена, хоть и будущие.

Андрей вздохнул, помрачнел и сразу опустил глаза.

– Андрюша, Амир из-за меня Лею похитил, ты не виноват. Да и по закону я теперь за Лею отвечаю, как жена командора. Вы же меня всегда спасали, мне моих долгов перед вами за всю жизнь не...

– Катя, ты дала нам такое счастье, которого ни у меня, ни у Леи никогда бы не было, никогда. Наши жизни тебе принадлежат.

– Андрюша, молчи, ваши жизни принадлежат только вам, вашему счастью. Глеб, а Амир сейчас всё ещё недалеко находится?

Задала вопрос только для того, чтобы остановить Андрея. И Глеб это понял, строго посмотрел на него, Андрей опустил голову и сразу отошёл к столу, тут же на экране появился Амир: в той же позе и с тем же выражением лица. Видимо, Олег с Виктором продолжали рассказывать ему, что моё доверие – вопрос очень даже сложный и многогранный.

– Интересно, что они ему рассказывают?

Глеб тихо засмеялся, чмокнул меня в щёку, только потом поделился:

– Много интересного и всё о тебе.

– Но он же и так много обо мне знает, должен знать.

– Знает то, что ему было позволено знать.

– Ты меня от него и раньше защищал?

– Да.

Я тяжело вздохнула: поэтому всегда такие машины и тонированные стекла, манекены вместо меня и боевики кругом, самый защищённый в мире дом. Пожалуй, и у Аарона тоже скоро будут такие машины, хорошо, что у него уже есть тот дом, самый-самый защищённый, в который он хотел меня поселить. Теперь в нём будет жить Нора, он тоже ждал всю жизнь, может, не очень осознавал – кого он ждёт, но ждал, раз построил такой дворец. Я подняла на Глеба глаза:

– А Олег с Виктором? Как они Нелли с Арини смогут защитить?

– Всё уже готовится.

– Дома?

– Дома.

– У них тоже есть свои дома?

– Они были моими, Андрей всё оформил, и теперь они принадлежат Олегу и Виктору. Сейчас их немного перестраивают.

Посмотрел на Андрея и улыбнулся:

– А Лея и Андрей решили остаться с нами.

Всё правильно – Глеб никогда не позволит Арни и Нелли находиться рядом со мной постоянно, не должно быть никакого сомнения, что я могу отдавать им свою энергию. А Лея мой спаситель и моя охрана. Андрей радостно улыбнулся и сверкнул взглядом, да, они будут жить вместе с нами, со мной и командором. Хотя, я думаю, что и Олег с Виктором будут встречаться со своими жёнами в перерывах между командорскими делами. Значит, будем устраивать домашние праздники, и ездить друг к другу в гости. И эти мысли о нашем счастливом будущем, счастливым для всех успокоили меня – никакой Амир не сможет ничего сделать с нами, мы все вместе и всем есть что защищать и за что бороться.

Глеб что-то сказал Андрею, потом спросил меня:

– Хочешь прогуляться по саду?

Я удивлённо посмотрела на него, как это, мы же в осаде? Он лишь усмехнулся, спокойно ответил на мой немой вопрос:

– На нас камни власти, никто не сможет подойти. Пусть Амир на тебя полюбуется.

Да, Глеб действует как настоящий мужчина, который ни одного удара не пропустит. Видимо, Олег с Виктором уже всё Амиру рассказали, что им поручил командор, осталось только показать ему меня счастливую и пусть думает, как ему моё доверие заслужить.

3

Я красавица – так я думала, прогуливаясь по дорожкам парка вдоль озера. Глеб шёл рядом и обнимал меня, волновался, как мои ноги, изредка останавливался и целовал. О том, что мы вышли погулять, чтобы Амир мог увидеть меня счастливую, я забыла почти сразу. Такая красота вокруг, я всё-таки слишком редко могу выйти на белый свет, постоянно что-то мешает, у меня получается только любоваться красотой нашего парка из окна. Может быть поэтому я сразу забыла цель нашей прогулки, долго стояла и нюхала воздух, подняла руки и поприветствовала солнце и небо, даже крикнула от восторга. Аромат зреющих плодов был таким сильным, что я готова была пить его как сок, набирала в ладони и прикладывала к лицу. Глеб стоял рядом и поддерживал меня на не очень устойчивых ногах. Я категорически возмущалась тому, чтобы он нёс меня на руках – прогулка, значит прогулка.

– Глеб, такая красота, а воздух... он чувствуется совершенно иначе, когда ты его нюхаешь, впитываешь рядом с деревьями, водой или морем. Необъяснимое явление.

Он рассмеялся, чмокнул меня в макушку и тихо произнёс:

– Ты – самое необъяснимое явление.

– Я?

– Ты таинственна как сама природа. И невероятно красива как природа.

– Конечно, я живая, из плоти и крови, значит, я – природа.

И мы оба засмеялись, на самом деле всё значительно проще, раз из плоти и крови, значит – природа. Я махалась руками, пыталась добраться до воды в озере, но Глеб решительно запретил к нему приближаться, опасаясь, что я сразу кинусь плавать. А ещё хваталась за ветки, тянулась насколько хватало роста, требовала, чтобы Глеб достал мне понравившуюся. То есть – гуляла очень активно. Глеб настаивал, чтобы я хоть иногда присаживалась на лавочки, берёг мои ноги, а я садилась на пять минут, потом что-нибудь привлекало моё внимание, тут же вскакивала и шла это интересное рассматривать. Удивительный сад, просто невероятный, фруктовые деревья перемежались обычными берёзками, дубами, даже елями и соснами. Было такое чувство, что это какой-то удивительный остров, на котором деревья растут сами по себе, как

выросли, так и растут. Но при этом всё пространство было очень ухоженным: никаких веток на земле, кругом мягкая трава, иногда даже встречались цветники, тоже устроенные так, как будто цветы так сами и выросли, без участия человека. Молодец Вердо, кто бы мог подумать, что такой военный человек, не могу найти ему определения, и вдруг ухаживает за садом.

– Глеб, а Мари сейчас где? В доме?

– Нет.

И всё, по глазам понятно, что знать мне местоположение не следует, и вообще Мари – это запретная тема для разговора со мной. Для разговора вообще.

– Ты опять вынуждена постоянно находиться в закрытом помещении, это плохо для тебя, тяжело.

– Я уже привыкла, зато в редкие минуты таких прогулок очень всё остро ощущаю, как праздник. Особенно, когда ты рядом.

Наконец мужу удалось очередной раз посадить меня на удивительно красивую скамеечку, всю резную, очень многоцветную, раскрашенную всеми цветами радуги, подумал и для верности усадил к себе на колени. Когда я попыталась встать и посмотреть, что такое интересное выросло под ближайшей сосной, он заявил:

– Сиди, я не хочу, чтобы у тебя остались шрамы на ногах. Выбирай: прогулка или бассейн.

– Глеб, ну, Глеб...

– У тебя изумительные ножки, разве ты хочешь, чтобы на них остались шрамы?

– Нет, не хочу.

– Тогда сиди.

Я вздохнула, хорошо, хоть не спи. Потом решила уточнить:

– Ага, значит ножки изумительные, а руки?

– Невероятной красоты.

– А я вся?

Глеб задумался, смешно пошевелил губами, а потом стал ощупывать пальцами разные части моего тела.

– Глеб, что ты делаешь?!

– Определяю степень красоты отдельных частей тела, чтобы вывести общий коэффициент...

– Ах, ты, как ты можешь?!

– Катя, понимаешь, руками как-то удобнее красоту определять. Глазами видно, а руками приятно.

Я попыталась его стукнуть, но не успела, поцелуй остановил меня, и я обняла Глеба за шею. Получилась почти статуя Родена, а может какого-то другого скульптора, не помню. Мы долго сидели обнявшись, Глеб поглаживал меня по голове и теребил кудряшки, всё-таки у него свои отношения с моими волосами, да и у меня с его удивительной шевелюрой тоже.

Вдруг хитро на меня посмотрел и заявил:

– И вообще, я уже наелся тобой глазами.

От удивления я даже рот открыла и сразу вспомнила цель нашей прогулки, может, это он только для Амира сказал? Мой вопрос повис перед носом Глеба, и он повторил:

– Я наелся тобой глазами, руки требуют участия.

Мне пришлось отбиваться, моё хихиканье и возмущённые вопли муж игнорировал. И я поняла – всё, что Глеб говорил и делал на этой прогулке, это мы, он говорит и делает только то, что хочет на самом деле, он просто позволил Амиру это увидеть. Глеб ничего не говорил специально для Амира, это было наше естественное поведение, а я так вообще забыла, что за нами наблюдают. И он совершенно прав, нет необходимости что-то придумывать и демонстрировать, вот мы какие такие, смотри какие мы есть на самом деле, как мы любим друг друга и как счастливы в своей любви.

Глеб провёл рукой по моей ноге и шрамы стали исчезать, мне уже не было больно, и поэтому я ходила спокойно, только странное состояние неуверенности в ногах ещё оставалось. Шрамы как будто испарялись в воздухе, я даже лихорадочно вздохнула и прошептала:

– Как это получается, Амир сказал ещё два дня, а мне совсем не больно и шрамы почти исчезли. Это всё ты.

– Это твой организм сам всё делает, я только ему помогаю немного. Но ходишь ты пока немного странно, неуверенно.

– Да, как будто не совсем мои ноги.

Глеб неожиданно мрачно посмотрел на меня и позвал:

– Илья.

Немного подумал и позвал ещё и Лею.

– Ты думаешь, что это остатки энергии Амира мешают мне ходить?

– Посмотрим.

Лея и Илья появились одновременно. Илья встал на колено, склонил голову:

– Жена командора, приветствую тебя.

– Илья, здравствуй. Встань, я никакой не глава клана. Мне очередной раз нужна твоя помощь.

Илья тревожно посмотрел на Глеба, он явно всё видел и слышал, теперь только ждал команды.

– Посмотри.

Проведя руками над кожей на моих ногах, Илья вскинул на меня глаза и сказал Лее:

– Слой.

Лея кивнула и тронула мои ноги, поводила своими ладонями по коже и подтвердила:

– Слой.

– Какой слой? Слой чего?

– Катя, твои ноги покрыты слоем энергии Амира, она помогла тебе, но сейчас мешает. Если её не убрать, то тебе будет всё сложнее ходить.

Вопросительно посмотрела на Глеба в ожидании приказа, а он спросил:

– Почему не чувствую я?

– Твоя энергия слишком объединена с энергией Кати, она проходит сквозь этот слой, она помогла зажить ранам, но не разрушила энергию Амира. Мы чувствуем иначе.

Она переглянулась с Ильей и продолжила:

– У Мари тоже был такой слой энергии, он покрывал её всю, помогал выживать и как бы консервировал её, так она и существовала все эти годы.

– Лея, так ты можешь этот слой снять с меня?

– Мы с Ильей это сделали, одна я не смогла. Но у Мари было значительно больше энергии Амира, на тебе совсем тонкий, он тебе помог заживить раны, остановил кровь.

– Может он сам пройдёт, растворится как-нибудь?

– Убирайте.

Тон и взгляд такой, что я пригнулась, конечно, как это можно позволить наличие чужой – мужской! – энергии на моих ножках. И сразу у Глеба возник вопрос:

– Почему Олаф не почувствовал?

– У нас с Ильей другое восприятие энергии.

Лея спокойно смотрела на Глеба очень уверенным взглядом специалиста, никакого страха перед командором. Да, пожалуй, скоро Лея с Ильей станут круче Олафа в вопросах энергии. Почему станут – уже стали, они развиваются всё время, чаще всего вынужденно из-за всяких приключений со мной, их собственная энергия оказалась значительно гибче, а может потому, что они просто моложе. Как хорошо, что Амир это слышит и видит, пусть знает, кто спас его дочь.

Лея опять переглянулась с Ильей и подала ему руку. Так, держась за руки, они и коснулись моих ног, Лея правой, а Илья левой. Сразу как будто вихрь пронёсся по венам, в ногах запылало пламя, и я схватилась за руки Глеба, застонала. Он прижал меня к себе и зашептал:

– Милая моя, потерпи, немножко потерпи.

Немножко длилось долго, мне казалось, что ноги уже совсем сгорели, и я плакала, тихонечко всхлипывала, но когда Глеб предложил остановиться, сразу возмутилась:

– Ты что, Лея продолжайте, хочу свободы.

Наконец, всё прошло, неожиданно огонь угас, и я вздрогнула всем телом, как будто остатки энергии Амира вылетели из меня во все стороны. Глеб прижал меня к себе, даже голову ладонью приложил к своей груди. Лея и Илья убрали свои руки и тревожно смотрели на меня. Я несколько раз вздохнула и прошептала:

– А как же Мари это вытерпела?

– Она была без сознания.

Хорошо, хоть не мучилась, теперь у неё всё будет хорошо.

– Катя, не смей!

Лея крикнула и схватила меня за руки, огонь пронёсся по моим пальцам и взорвался где-то в голове, наступила темнота. В чувство меня привёл достаточно чувствительный удар по щеке, я открыла глаза и увидела гневный синий взгляд. Жалобно улыбнувшись, я захныкала:

– Глеб, больно же.

– Сейф, одиночная камера, подводная лодка на дне океана.

Интересная перспектива, я опустила голову и услышала спокойный голос Ильи:

– Катя, у Мари всё хорошо, она очень быстро восстанавливается, ей не нужна больше твоя энергия.

Я только вздохнула и робко взглянула на Глеба, тот же гневный синий взгляд и плотно сжатые губы. Да, что сейчас думает Амир, увидев такое – как я мгновенно передала свою энергию его дочери, только подумав о ней, даже не подходя к девочке? И зачем мне с ней встречаться? Достаточно поговорить о ней и всё – опять отдаю свою энергию. Посмотрев на Илью, я увидела ослепительную улыбку и ясные зелёные глаза.

– Жена командора, дочь Амира в сильных руках.

А это что означает? Он это кому сказал? Мне или Амиру? И мне и ему. Мне – чтобы поняла, что моя энергия уже не нужна девочке, я всё сделала и думать больше не должна, есть те, которые будут дальше делать, поэтому обратился как к жене командора. То есть, я выполнила свою часть, а остальное меня уже не касается, есть приказ командора и не то, что контролировать, думать об этом надо забыть. И сразу возник образ командора из Норвегии, Глеб умыкнул его жену и спрятал, принял решение, дал приказ и всё, никаких сомнений. А я, значит, продолжаю сомневаться в исполнении, всё время пытаюсь что-то от себя добавить – вдруг не хватило, вдруг не так сделали, надо спасать. Илья уже не улыбался, внимательно на меня смотрел. Молчал и Глеб, понял, что он хотел мне сказать, не мешал укладывать в голове умные, увы, не свои, мысли. Да, я всё удивлялась: ну почему опять так, почему мои ноги так отреагировали, а всё просто – назвала Илью как исполнителя спасения Мари, а сама не доверила, рванулась сама, вдруг у него не получится. Я опустила глаза и рассмотрела свои ноги, никаких шрамов, совершенно чистая кожа, ни следа рваных кровавых ран. Умный у меня организм.

А Амиру Илья дал понять, что границы на замке, всякие границы. В сильных руках и Мари и я. Понятно, что Мари будут лечить, холить и лелеять, но сделать её фигурой в какой-то игре или интриге не позволят, они все всё понимают. И тем более, никто не позволит даже посмотреть на меня косо – Амир увидел, что Лея и Илья вместе настолько сильны, что даже без Олафа смогли снять с меня его энергию. Делают не по клятве, по твёрдому внутреннему убеждению спасти меня любым способом, хоть ценой собственной жизни. Речи о том, как себя

может повести Глеб в случае нападения на меня – нет. Илья говорил об остальных, всех, кто меня окружает.

И я терпела страшную боль только чтобы стать снова свободной. Очень значимая оказалась прогулка, и для Амира, и для меня. Хорошо, что у меня ноги умные, помогают мне в понимании жизни. Я посмотрела на Глеба, и он улыбнулся, есть надежда, что я хоть немножко, хоть чуть-чуть поняла их готовность сделать для меня всё. А я только вздохнула и прошептала:

– Граница на замке, пограничники и командор на месте, Родина спасена.

Они долго молчали, внимательно смотрели на меня, первым улыбнулся Илья и процитировал:

– А любовь Катюша сбережет.

Лея удивлённо посмотрела на него, она же не слышала этой песни, а Илья вспомнил, значит, уже был тогда в охране дома, вынужденно слушал мою песню обо мне. Глеб неожиданно засмеялся, тоже вспомнил, процитировал:

– Выходила, песню заводила...

И я тихонько запела, со всхлипами и вздохами, а потом, когда допела всю песню, сказала:

– Глеб, я всё поняла, Мари – это не моя проблема, это проблема Амира.

Он длинно вздохнул, а Лея с Ильей переглянулись – что-то странно я заговорила, может, с головой плохо стало после выведения энергии Амира. Пришлось объяснять:

– Она его дочь, она его жизнь, мы спасли её, но жить с ней ему, значит – ему и беречь её. Пусть сам свою гигантскую энергию теперь изменяет, уже не просто сохранять Мари жизнь, а помогать жить. Глеб, разреши Лее с Ильей с ним поговорить, пусть они ему всё объяснят, может и Олаф чего скажет.

– Хорошо, ты права. Амир, ты можешь позвонить мне через час.

Я даже вздрогнула от того, как изменился голос Глеба. Немного подумала, коснулась маленького камешка на луке Дианы и решила:

– Амир, только от тебя теперь зависит жизнь твоей дочери. Вы семья, только вам решать, как дальше жить. Ты не торопись, подумай, пусть она живёт здесь, ей здесь хорошо, она никому не мешает. Окрепнет совсем, тогда и забирай, а пока подготовь всё, девочкам много надо... найди человеческую женщину, добрую, понимающую, она поможет.

Глеб произнёс странный звук, и я не дала ему возможности что-нибудь сказать, продолжила:

– Амир, тебе ничего не остаётся, как посмотреть на людей уже с другой точки зрения. А женщина такая найдётся, ты только позволь ей к тебе прийти, сам ищи её, чтобы быстрее встретиться. Только не обманывай её, иначе ничего не получится, только правду, всю. О себе тоже честно расскажи.

Илья очень странно на меня смотрел – взгляд был таким, таким внутри себя, он слушал меня и думал о чём-то своём, какие-то мысли тревожили его – и я вдруг осознала, почувствовала, о чём он думает:

– Амир, ты подумай и о друзьях для своей дочери. Серёжа хороший мальчик, но он с ней не пойдёт, у него другая миссия.

Прозвучал голос командора:

– Амир.

Ну да, командор сам всё Амиру объяснит, я высказала своё мнение и теперь уже они сами обсудят все условия перемирия, а может и мира. А Илья с Леей сразу улыбнулись облегчённо – мальчик остаётся и больше не будет даже разговора о его судьбе. Глеб спросил меня:

– Ты нагулялась?

– Да, я бы отдохнула. Пойдём домой.

Мы вернулись домой, и я затребовала чай. В столовой Олег сразу ушёл готовить для меня чай, а Виктор ослепительно улыбнулся и доложил:

- Жена командора, Амиру хватит думать дня на два.
- На час.

Виктор понял, что мы добавили информации вражеской стороне и ехидно улыбнулся, хотя комментировать не решился. Глеб сел рядом с ним на диван и что-то долго говорил на ассасинском, поглядывая на меня и Олега, устроившегося недалеко от меня за столом. Я, конечно, не выдержала и спросила Олега:

- А что вы Амиру обо мне рассказывали?
- Много интересного.
- Ну, это же обо мне, я хочу знать.

Олег долго смотрел на меня, и глаза стали темнеть какой-то грозовой темнотой, только молний не хватало.

- Ты какие-то ужасы обо мне говорил?
- Ужасы? Да, ты права – ужасы.

Он закурил сигарету и выпустил длинную струю дыма в потолок, получилось как из трубы паровоза, когда звучит гудок. Неожиданно Олег усмехнулся, увидел картинку, которую я представила себе:

- Ты права – паровоз, наезжающий на Амира, лежащего на рельсах.
- Вы его на рельсы положили, а потом наехали?
- Нет, он сам туда лёг, когда решил тебя выкрасть.
- Он ведь не пытался... или пытался?

– Катя, да он круги нарезает с первого дня, все службы только тем и заняты, определяют возможности как к тебе подобраться. Правда состоит в том, что у них ничего не получается.

Я смотрела на Виктора, а сама видела глаза Амира на экране, мрачные, задумчивые. Ну, ну. Немного подумав, спросила Глеба:

– Скажи, тогда зачем ему эти разговоры о доверии, о моём доверии, если... он должен понимать, что я узнаю всё. Как я могу ему доверять, если он хочет меня похитить?

- Он рассуждает по своему опыту.
- Опыту?

– В нашем мире женщина никогда ничего не решала. И сейчас не решает. Никто, кроме тебя.

- То есть, он меня похитит, и я сразу должна ему доверять?

– Катенька, конечно. Ведь тогда он станет для тебя доминирующим сам... мужчиной. Самым сильным... этим самым.

Виктор ослепительно улыбался – какая глупая жена командора, никак понять не может, что она всего лишь жена-человек, человеческая женщина. Её можно продать, купить, украсть и ей только остается принять свою судьбу, жива и радуйся, ублажай своего доминирующего самца. Я подняла глаза на Глеба:

- Покупал?
- Покупал.
- Когда?
- Давно.

Ну да, я же не знала никогда, чем он занимался, когда уезжал по командорским делам. Тогда – да, сильное впечатление на Амира должна была произвести клятва Аарона. Амир явно знал, как всё происходило: Глеб в агрессии, неизвестно чем закончится, я вообще у Аарона в доме. Правда, при этом бью его по лицу, совсем не боюсь, умудряюсь как-то воздействовать на него, и Аарон клянется мне неизвестной никому полной клятвой ассасина, а потом вообще садится на диету. Только получается, что я всё равно остаюсь у Глеба – у доминирующего на тот момент самца ничего не вышло, купить не смог, денег не хватило, а Глеб как-то от него

отбился. Хотя, Амир должен знать, что Аарон на Глеба и не нападал, сразу сам на диету сел. И решила уточнить:

- Аарон на нас не нападал?
- Нет.

Уже хорошо. Почему-то Глеб не удивился моему вопросу, видимо, у меня опять все мои размышления на лице написаны. Пусть читает, ему тоже полезно узнать какая у него жена умница-разумница. Ещё один вопрос меня заинтересовал:

- А этот змей подколотый, Амир его знал?
- Знал.
- И в каких отношениях они были?
- Военного нейтралитета.
- И если бы он меня смог выкрасть...
- Амир бы тебя у него забрал.
- Я как... переходящее красное знамя.
- Какое?
- Флаг победителю.

Олег, как всегда, всё объяснил, точно – много читает о жизни в России. А Виктор засмеялся какой-то своей мысли, пытался сдержаться, но не получилось, даже лицо руками закрыл. Глеб спросил:

- Виктор?
- Глеб, убивать Катю никто и никогда уже не будет.
- Почему её не будут убивать?
- Она теперь как флаг, знак того, что тот, кто ею владеет на данный момент, является в нашем мире этим... доминирующим мужчиной. Самый, значит, сильный.

Взгляд Глеба стал таким, что даже Олег пригнулся над столом. А я засмеялась и кинула в Виктора ложкой, а он так удивился моему смеху, что даже не смог её поймать. Муж посмотрел на меня совершенно чёрными глазами и мрачно спросил:

- И чему ты радуешься?
- Молодец, Виктор, ай какой молодец.
- Молодец?
- Конечно, я бы сама никогда не разобралась в хитросплетениях мужских отношений.

А теперь всё понятно.

- И что тебе понятно?
- Всё. Сегодня Амир увидел, что он должен сделать, чтобы стать этим самым доминирующим. Олег, и ты прав, очень даже был прав, когда сказал, что его попытка заслужить мое доверие может оказаться той пыткой, которую он может и не выдержать.

Понадобилась всего минута, чтобы они всё поняли, и на их лицах появилась такая улыбка, от которой у меня дрожь прошла по коже. Ну, конечно, Амир, борющийся с агрессией рядом с человеком, стоящий с человеком на руках в кровавом бассейне, но самое приятное зрелище – это Амир в состоянии перехода на жесточайшую диету. Именно потому, что я ему нужна на самом деле очень даже добровольная, никакая победа над Глебом, что я не принимаю даже как гипотезу, не будет иметь для меня значения, если он сам не будет сильнее и лучше Глеба. А сегодня он ещё увидел и наши настоящие отношения мужа и жены, мужчины и женщины. Увидел, как я боролась с его энергией на своих ногах, терпела боль, но не стала её оставлять на себе. Значит, я могу уйти от него кардинально, просто умереть, оставить его без победы. Судя по взгляду Глеба, он точно осознавал, что могу уйти кардинально. Он резко встал и скомандовал:

- Катя, тебе нужно отдохнуть.

Конечно, всё им разложила по полочкам, а теперь спать. Они теперь всё ещё раз обдумают, командор решит, и будет говорить с Амиром. А я буду спать, всё правильно – женщина верит своим мужчинам, особенно мужу.

Такой страстный поцелуй, да, никогда бы не могла подумать, что Глеб настолько серьёзно отнесётся к словам о доминирующем... мужчине. Он целовал меня у окна и шептал слова любви, как будто его ожидает страстная ночь, а не разговор с Амиром. Настроивается? Я хихикнула, и он сразу спросил:

– Катя?

– Я люблю тебя, такого, какой ты есть. Ты навсегда будешь для меня единственным.

Глеб смотрел на меня и его глаза светились от счастья, и он это счастье не позволит никому омрачить. Он вздохнул и тихо произнёс:

– Отдыхай. Я люблю тебя.

И сразу исчез, а я легла в постель и спокойно уснула – пусть мужчины там воюют с разными Амирами, а женщина есть женщина, ей надо себя беречь.

Я проснулась и стала ждать, интересно, как долго они будут разговаривать? Раз Глеб у меня так и не появился, я решила, что он ушёл встречаться с Амром. Хотя, почему я так решила было непонятно мне самой, но так решилось. С кровати я так и не встала, было так удобно лежать, просто лежать, и ни о чём не думать, но не получилось, – мысли сами появлялись в голове. Всё как у людей, сильный правит миром, мужчина. Есть, конечно, женщины у власти и в богатстве, очень умные и сильные женщины, но всё равно их видят только рядом с мужчиной, или его за её спиной. Правда, есть ещё и королевы, положение которых определено рождением, но они ничего на самом деле не решают.

Ворочаясь с бока на бок, я думала и о нас с Глебом. Очередной раз поняла, насколько он отличается от всех в этом мире. С первого дня моего появления в его доме он вёл себя со мной не по правилам и законам своего мира. Понятна его борьба за мою жизнь, у него такой опыт уже был – спасение жизни Сары. Но то, как он предоставлял мне свободу мысли и поведения аналогов в этом мире не имеет. Поставил меня рядом с собой и заявил: всё, что скажет эта женщина, моя жена, слушать всем и подчиняться, потому что я этого хочу. Он изначально установил такое ко мне отношение, что сразу стало ясно – за каждым моим словом стоит он, иногда не имея никакого представления, какой звук я могу издать. Глеб позволил мне выступить перед главами кланов даже тогда, когда я потеряла память и не всё помнила, но его вера в меня оказалась на грани настоящего сумасшествия, как сказал Олег. Кстати, и Олега он принял к себе и защищал тогда, когда с ним ничего не было ясно, каков он стал сам, и какой осталась его невероятная сила.

Наконец, я встала, подошла к окну, долго стояла и смотрела на беседку и озеро. Неужели это действительно правда, всё, что со мной случилось, невероятные события наступили так стремительно, что понять произошедшее посторонним взглядом невозможно. Это судьба, которая всё давно решила, только уточняла для себя, насколько мы готовы к такому повороту, хихикнула и кинула нас навстречу друг другу, а потом весело наблюдала, что из этой встречи получится. Закинула меня в невероятный мир – страшный, неизвестный, удивительный – но именно в нём я стала такой, какой, наверное, и была, только в своей обычной и бесцветной жизни я такая была не нужна, и эта жизнь своей серой массой одинаковых дней превратила меня в такого же серого трусливого кролика.

А Глеб в один момент получил непонятную меня в таком состоянии, когда даже думать не мог, не то, что рассуждать и воспринимать. И единственное на что хватало его сил – не убить меня, просто удержаться в своей мощи и агрессии. И все получилось именно потому, что неожиданно для себя мы позволили себе любовь, позволили себе просто позволить. Глебу позволить себе услышать и увидеть меня, а мне признаться в своей любви себе, всем и ему. И этот очень жёсткий и разлинованный множеством границ существования мир неожиданно

стал меняться – границы стали исчезать или передвигаться в самом неожиданном направлении. Удивительно, но даже физически они стали изменяться от моей энергии, они не стали слабее, они стали человечнее. А я? Обычная женщина сильно среднего возраста выдержала невероятные, даже не могу подобрать слово, это не страдания, это невозможные для человеческого организма испытания. И неожиданно для себя стала после них физически сильнее и моложе. Наши энергии перемешались и изменили нас, потому что мы позволили себе, допустили до себя любовь. А сейчас защищаем её.

В дверь постучали, и вошёл Виктор.

– Отдохнула?

– Да, а Глеб?

– Он уехал по делам.

– Встречаться с Амиром?

– Нет, просто проветриться.

– Виктор.

– Катя, понимаешь, мелкие дела накопились, вроде и неважные, а сделать надо.

– И эти мелкие дела только командор и может сделать?

– Только он.

Подошёл ко мне и тоже стал смотреть в окно, мрачно сжав губы.

– Осада продолжается?

– С тобой неинтересно иногда бывает, всё сразу понимаешь.

Положил мне руку на плечо и тяжело вздохнул, потом одумался, улыбнулся:

– Катенька, не переживай. Такого, конечно, у нас ещё не было, но с тобой всё в первый раз... интересно и весело.

– Виктор, объясни глупой жене командора – чего Амир добивается? Если ему нужна я, причём сильно добровольная, то ему мы это объяснили. Чего он ещё хочет? Мари он может забрать в любой момент.

– Не в любой.

– Почему? Что случилось?

Виктор опять вздохнул, погладил меня по плечу и пошёл к двери:

– Виктор!

Он обернулся и тяжело посмотрел на меня, глаза стали как у тигра, даже сверкнули желтизной. Я подошла к нему.

– Говори.

– Мари пытались увезти, но она теряет сознание сразу, как только отъезжает на несколько километров.

– Кто? Я знаю, догадываюсь, что вы всех проверили... я.

– Ты.

Присев на кровать, я тихо попросила:

– Расскажи.

– Сегодня Амир решил забрать Мари, ну после всего, не выдержал. Проверили всех.

Я подняла на него глаза, он стоял такой же мрачный, странно водил губами, на меня старался не смотреть, лишь искоса поглядывал быстрым коротким взглядом. Того, что я сказала, он совершенно не ожидал, глаза округлились, и он даже головой покрутил от удивления.

– Амир не готов к встрече со своей дочерью, поэтому она не может отсюда уехать. Да и сама не хочет. Правильно, Виктор, она не хочет уезжать к какому-то чужому мужику, который называет её своим отцом. Уезжать от тех, с кем ей хорошо, впервые ей хорошо и радостно за эти сотни лет беспомощности, жуткого сна тела и души.

Вскочив с кровати, я подошла к нему, посмотрела снизу вверх в яркие от удивления глаза.

– Позови Лею и Илью. А потом я поговорю с Амиром.

Виктор не сразу смог что-то сказать, кивал головой, приподнимал бровь, кривил губы, потом изрёк:

– Катя, я, конечно, Лею с Ильей позову, а вот с Амиром ты будешь говорить, когда придет Глеб.

– А когда придет Глеб?

– Скоро.

И исчез. Конечно, откуда они могут знать, что чувствует маленькая девочка, попавшая из очень далекого прошлого, практически забывшая всё, никого не узнающая, даже того, кто называет её своей дочерью. И вдруг среди этого мрака появляются добрые Лея и Илья, да ещё Вердо с Самуилом, которые ухаживают за ней, помогают, называют девочкой, гуляют с ней. И Серёжа, её ровесник, с которым они понимают друг друга, даже не понимая языка.

Мы долго разговаривали с Леей и Ильей в столовой. Я пыталась обедать, но забывала о еде, всё говорила о человеческих детях, которых они никогда не знали, потому что у них самих как такового детства не было – жизнь в клане детством назвать нельзя, а как выживал Илья, лучше даже не вспоминать. Потом пришёл Самуил, слушал, взмахивал руками и только повторял:

– Катенька, моя девочка, как ты права!

А потом он не выдержал и тихие, безнадёжные слёзы заполнили его глаза, вспомнил свою Сару, махнул рукой и ушёл.

4

Глеб вернулся только к ужину, зашёл ко мне и обнял. Я поцеловала его и сразу предложила:

– Глеб, объяснять долго, ты лучше посмотри запись нашего разговора в столовой.

– Какого разговора?

– Я поняла, почему Мари теряет сознание и придумала, как нам поступить. Давай так сделаем: я пойду в бассейн, мне уже можно, сам сказал, а ты посмотри запись.

Командор поднял бровь, долго на меня смотрел, чмокнул в нос и грозным голосом заявил:

– Катя, тебя совсем нельзя оставлять одну.

– Сам уехал. Между прочим, ты похвалить меня должен, какая я у тебя умница.

Такое заявление несколько обескуражило его, он пока не знал, что я придумала, он верил, что я многое могу придумать такого, что им просто не придёт в голову, но было много и разного всякого от чего они могут в обморок упасть. Однако состояние осады дома накладывало отпечаток на всё, и Глеб с сомнением посмотрел на меня.

– Что ты придумала?

– Глеб, я пошла плавать, а ты смотри.

Муж решил не спорить, сам перенёс меня к бассейну и встал перед дверью. Таинственная улыбка и светящийся взгляд сразу выдали – меня ожидал сюрприз. Глубоко вздохнув, я закрыла глаза и прошептала:

– Показывай.

Глеб тихо засмеялся, едва коснулся губ и тоже прошептал:

– Любимая моя, это извинение за неправильно сделанное предложение выйти за меня замуж.

От удивления я широко раскрыла глаза, это что, как он вспомнил, он же это сказал, когда мы Андрюшу с Леей женили. Но мы уже были у бортика, и я замерла на его руках. Весь бассейн был покрыт васильками: они лежали разноцветным бархатом на воде, синие, фиолетовые,

розовые и ещё какие-то, с крупными соцветиями и едва заметной зеленью листвы. А вокруг витал аромат тонкой свежести, аромат раннего утра в поле.

– Глеб... это... как... среди... Глеб... так не бывает...

Он нежно коснулся своей щекой моего лица и спросил:

– Катерина, ты не жалеешь, что вышла за меня замуж?

– Глеб, какая красота, никогда, я тебе говорила, никогда не жалела. Ты лучший муж в мире! Самый-самый, ты удивительный, а как, откуда, мы же в осаде, как ты смог?

– Я же удивительный.

Улыбнулся, опустил меня с рук, медленно снял с меня халат, поцеловал плечи и подвёл к краю бортика.

– Плыви, рыба-килька.

Я входила в воду как в васильковое поле, цветы окружали меня и нежно касались кожи ног, а потом, когда я уже вся погрузилась в них, обняли меня разноцветным бархатным объятием. Эта красота медленно двигалась со мной, казалось, что вся поверхность бассейна наполнилась мягким колыханием, стоило мне двинуть рукой, и весь ковер начинал шевелиться, будто цветы передавали друг другу это движение. Когда я смогла поднять глаза от этого невероятного цветного поля, Глеба уже не было.

Глеб включил в бассейне самый яркий свет и капельки воды играли бриллиантовыми отблесками на нежных разноцветных лепестках при каждом движении воды. Я даже не плыла среди цветов, а просто медленно двигалась и любовалась этим нежным многоцветьем. Это он в тот вечер пришёл с огромным букетом васильков, и первый раз назвал «дорогая», когда решил жениться на мне. Никто даже представить себе не мог тогда, что мы действительно станем настоящими мужем и женой, счастливой семьёй. Особенно я – после его слов я даже двинуться не могла, едва хватило сил посмотреть своё замужнее кольцо. Судьба, я благодарю тебя за шанс, которым мы воспользовались.

Когда Глеб вернулся в бассейн, я не заметила, так была занята своим движением среди цветов. Мне особенно понравилось нырять в воду и потом медленно подниматься с плотным венком васильков на голове. Очередной раз вынырнув, я увидела чёрную фигуру и спросила:

– Когда с Амиром говорить будем?

– Я уже поговорил.

Утопиться что ли среди васильков? Среди роз не удалось, васильки проще – они поймут. Но топить не захотелось, я только набрала большой букет, еле доплыла до бортика и заявила:

– Глеб, вот почему? Я это придумала, почему нельзя было мне дать возможность с ним поговорить, я бы ему всё объяснила.

– Он поймёт, посмотрит запись вашего разговора и все поймет, он умный.

– Так ты ему...

– Я сказал ему, что есть возможность помочь Мари и послал запись вашего разговора в столовой.

Помолчал, потом стремительным движением достал меня вместе с цветами из воды, чмокнул в нос и продолжил:

– Ты всё очень подробно объяснила, что такое человеческий ребёнок. Теперь только сам Амир может что-то сделать. А Мари пока останется здесь.

Окунув лицо в мокрые цветы, я решила: поговорил и поговорил, главное домой вернулся жив и здоров.

– А о чём вы говорили, когда он тебе позвонил?

– Тебе пора ужинать.

И всё, мгновенно перенёс меня в комнату, нежно поцеловал и заявил:

– Я зайду за тобой, преодолевайся.

Всё-таки мы нашли с Глебом золотую середину отношений между мужем и женой в их мире. Он иногда слушает меня, а я стараюсь не обращать внимания на возмутительное поведение мужа-феодала. Чаще всего потому, что просто не успеваю изречь своё возмущение. А может, он прав – только так можно прекратить женские вопли, когда не удовлетворяют их любопытство. Пока я переодеваюсь, пыл возмущения остынет, вот тогда уже можно и поговорить, может даже что-нибудь и рассказать. А я уже не так и возмущаюсь, начинаю его понимать, мужчину и воина, который считает, что это его дело – защищать свой дом и свою женщину.

Глеб зашёл за мной и сразу улыбнулся, я сидела надутая и сердитая перед вазой с васильками.

– Тебе не понравился бассейн с цветами?

– Понравился. Глеб, я всё понимаю, ты лучший в мире и самый удивительный муж. Только можно хотя бы иногда мне...

– Можно. Тебя ждёт Олаф.

– Олаф?

– Он только что говорил с Амиром.

– И что?

– Он сам тебе всё расскажет.

Быстро поцеловал меня и засмеялся:

– Ты удивительная.

В столовой сидели все: Олаф, Виктор с Олегом, Самуил и Лея с Ильей, не было только Андрея. Они так на меня посмотрели, что я спряталась на груди Глеба и спросила:

– Что я опять успела совершить? Ещё кто-то появился?

Олаф только покачал головой, а остальные улыбнулись, Самуил не выдержал, прижал руки к груди, радостно объявил:

– Амир отвёл войска.

– Войска?

На мой вопрос Глеб спокойно ответил:

– Ушли все его боевики.

– Осады больше нет?

– Нет. Осталась только разведка.

– Катя, можешь не переживать, эта разведка под нашим контролем.

Виктор достал свою гигантскую сигару и торжественно закурил, теперь уже можно себе позволить расслабиться. Вошедший Андрей улыбнулся мне и дополнил:

– Ушли и все специалисты по энергиям, те, которых ты видела.

Глеб усадил меня за стол, и я стала смотреть на рыбок в аквариуме, мне нужна была минута, чтобы прийти в себя. Как-то уж очень быстро Амир отреагировал на мою лекцию о воспитании человеческих детей. А может, действительно понял, что пока не может обеспечить своей дочери те отношения, которые она уже знает, почувствовала здесь, в доме Глеба. Олаф прервал мои размышления:

– Катя, ты очередной раз меня удивила. Я был готов к тому, что ты опять отдашь всю свою энергию девочке, уже придумал, как с тобой бороться. А всё оказалось просто: это сама Мари не хочет отсюда уходить, и она, как ты когда-то, придумала хитрый ход – теряю сознание и всё, не вижу ничего и не слышу ничего. Это ты её этому научила?

Я посмотрела на него так, что он засмеялся и обратился к Глебу:

– Глеб, что делать будем? Амир настаивает на встрече с Катей. Готов на любые условия, так и сказал – сделаю всё, что скажет Глеб, только прошу разрешения встретиться с Катей. Догадался, что всё муж решает.

Непонятно, Олаф это серьёзно сказал, или изобразил иронию? Он смотрел на меня чистым жёлтым взглядом и ждал решения. А я не знала, что сказать, неожиданно во мне опять

проявилась маленькая девочка и весело рассмеялась, казалось, что она хочет сказать мне: ничего не бойся, он друг. Рыбки тоже ничего хорошего не сказали, молча плавали между водорослями, а золотая королева аквариума вообще не соизволила появиться. И я задала самый насущный вопрос:

– А Амир заметил наш аквариум?

Неизвестный природе звук, который издал Виктор, я не поняла и вопросительно посмотрела на Глеба, он тоже недоумённо посмотрел на меня, лишь пожал плечами – как-то его совсем аквариум не волновал во время встречи с Амиром.

Ответил Олег:

– Заметил, но не удивился.

– Почему?

– Не знаю, но не удивился.

Ожидал от меня чего угодно? Котят в коридорах и дельфинов в бассейне? И пришёл ответ, вернее мысль, удивительно у меня мысли в голове рождаются, точно – это девочка во мне помогла понять, о чём нужно говорить с Амиром. Я посмотрела на Олафа, потом на Глеба и заявила:

– Пусть Амир приходит в наш сад, мы с ним в беседке поговорим.

Глеб изобразил грозного мужа-феодала, и я ответила на его синий шторм в глазах:

– Он не должен быть твоим врагом, поэтому станет... пусть не другом, а хотя бы этим... нейтралитетом.

– Военным?

Олег единственный, кто ничего на лице не изобразил, о чём-то догадался после моего вопроса о рыбках, а уточнил степень возможного доверия Амиру.

– Нет, просто нейтралитетом. Ему некогда будет войной заниматься – дочь придётся воспитывать.

Я долго молчала в полной тишине, какая-то мысль всё время ускользала, она проявлялась на мгновение, я начинала её думать, а она неожиданно исчезала. Ладно, додумаю её потом, сейчас важнее уговорить Глеба. И попросила Андрея:

– Андрюша, мы можем сейчас Амира увидеть?

– Можем.

Он исчез, а я спросила Самуила:

– Самуил, скажи, Мари сейчас себя хорошо чувствует?

– Да, Катенька, как вернули её в дом Вердо, так сразу и пришла в себя, ну после всех проверок, как поняла, что больше сегодня никуда везти не будут, так сразу и уснула. Я её посмотрел, всё хорошо, сердечко работает ровно, сознание чистое, она просто спит. Вердо и Серёжа рядом, если что, сразу предупредят.

– О чём ты хочешь говорить с Амиром?

Голос командора был строг, взгляд тяжёл как бетон, нет – каменная плита. Я вздохнула и сказала тихим голосом:

– Сезам.

Хоть поем до расстрела, ещё пара мгновений и меня не просто в сейф посадят, а сразу на подводную лодку истребителем отправят. И потом утопят вместе с ней в этой, как её, Марианской впадине.

– Катя.

– Муж.

Все пригнулись про себя: Самуил даже привстал в готовности исчезнуть со скоростью сверхчеловеков, чтобы не попасть под перекрёстный обстрел, Илья с Леей побледили, и вдруг в этой тишине прозвучал совершенно спокойный голос Олега:

– Какой она должна быть?

– Амир должен стать таким... чтобы быть достойным её.

Олаф ничего не понял и поэтому спросил:

– Кто? Кто это – она?

– Та женщина, которая будет матерью для Мари.

Олег всё понял, улыбнулся такой улыбкой, что я облегчённо вздохнула. Хорошо, что это сказал он, мне бы пришлось объяснять командору долго и очень эмоционально, пробиваясь сквозь пелену ревности и нежелания вообще допустить самой встречи с Амиром, даже не по логике опасности, а просто – потому что. Как же прав Виктор, как он прав, ох уж эти доминантные хитросплетения мужских отношений.

Решение командор ещё не принял, и я спокойно съела свой ужин в полной тишине. Самуил есть не мог, только ковырялся в еде вилкой, думал, по нахмуренным бровям было понятно. Закурив сигарету, я уже собиралась спросить Глеба, когда в Марианскую впадину полетим, но неожиданно встал Самуил и спросил глухим голосом:

– Катя, неужели ты ему веришь? Что он свою дочь не обратит? Что он не убьёт всех, соберет женщин и детей, а потом ему надоест, и он её обратит, Мари сама их убьёт, понимаешь?!

– Понимаю. Только выхода у него нет.

– Как это нет выхода?

– Ему больше нечем жить.

Голос Олега был спокоен, бесцветный, ничего не выражающий тон. И совершенно никакие глаза, даже не лёд, какой был когда-то в глазах Глеба, а совсем ничего – пустота. Он через это когда-то прошёл, знает, как сейчас чувствует себя Амир. Они долго смотрели друг на друга: Глеб мрачно, а Олег никак, с той же пустотой в глазах. Этот безмолвный разговор нарушил Андрей, он внёс в столовую большой экран и ноутбук, быстро подключил их и начал нажимать кнопки, почти сразу на экране появился Амир.

В первый момент я решила, что ошиблась и Самуил прав в своём подозрении, настолько Амир был, даже не знаю, как сказать, он был как тигр в засаде, не хватало только разъярённой пасти. Взгляд ожидающего жертвы хищника, внимательный и очень жёсткий. Он смотрел прямо перед собой, и было понятно, что он ничего не видит, только свои мысли. Но потом я присмотрелась и осознала: это как тигр в капкане, совсем не в засаде, а когда все лапы зажаты железными зубами, и остаётся только отбиваться тем, что есть в наличии – хитростью и опытом, а ещё пастью, полной острых зубов. Тигр хищник, он не может как олень, просто ждать своей смерти, он так не умеет, его природа не даёт ему поступить иначе, он должен бороться до последнего мгновения жизни. И сейчас Амир находится в таком состоянии. То, как Мари пришла в себя, стала настоящей живой девочкой, которую он уже и не помнит в своём состоянии хищника, хотя стал таким ради её же жизни, и заковало его – сущность зверя стала его капканом.

Я говорила и говорила, рассказывала все свои мысли и сомнения. Откровенно высказала свой страх, что я могу ошибаться, и если Амир не сможет себя удержать, и его сущность возьмет над ним верх, то погибнут все. И Мари тоже, потому что, если он её обратит, для неё это тоже будет смертью.

– Почему?

Самуил слушал меня очень внимательно, почти заглядывал в глаза и сразу задал свой вопрос, как только я замолчала.

– Потому, что он её столько столетий спасал как человека, защищал от всего мира как человека, и сейчас уже не может её представить иной, ведь она станет такой, как он сам. Тогда получается, что все зря – и его измененная жизнь, и её столетия сна.

Неожиданно подал голос Илья:

– Она сейчас радуется жизни именно как человек, человеческая девочка. Получив вирус, она станет хищником, убийцей.

Глеб слушал меня, не отрывая глаз, очень тёмных и очень внимательных. По его строгому лицу нельзя было ничего понять, как он относится к моим словам, принял ли мои доводы в необходимости моей встречи с Амиром. Я решила выяснить позицию командора:

– Глеб, сейчас он никого не услышит, только меня.

– Ты хочешь спасти девочку.

– Я хочу, чтобы он не был твоим врагом.

Командор так замолчал, что даже Олег, попытавшийся что-то сказать, опустил голову и сложил руки на груди. И в этой вязкой от напряжения тишине прозвучал тихий голос Леи:

– Я могу поговорить с Амиром.

Судя по взгляду Андрея, в подводной лодке я буду не одна. Глеб тем же тяжёлым взглядом посмотрел на Лею, потом перевел его на Олега, ещё пару минут подумал, только потом приказал:

– Связь.

Андрей понажимал кнопки и Амир вскинул глаза, достал телефон и сказал:

– Глеб.

– Я готов обсудить условия встречи. Через час.

Глеб кивнул Андрею и в телефоне Амира послышались короткие гудки, но Амир не выключил телефон, так и держал в руке, потом сжал его и тот рассыпался мелкими осколками. Я подняла глаза на Глеба, но он смотрел не на экран, он наблюдал за мной, как я чувствую себя, увидев реакцию Амира. У меня не хватило сил на улыбку, я лишь кивнула, хорошо, пусть будет так, как решит муж и командор. Он усмехнулся и приказал:

– Олег и Лея со мной.

А вот к этому я была не готова, тихо прошептала:

– Ты хочешь их взять с собой?

Олег встал и посмотрел на меня весёлым взглядом, как на прогулку собрался, бодро заявил:

– Катя, ты не переживай, камень власти защитит нас всех: мы Глеба обнимем, ну, я может Лею на руки возьму, а уж Глебу придётся меня на руках держать.

У Виктора стали такие глаза, что казалось, они уже вышли из глазниц – и это Олег? А ему что теперь делать, если Олег такое говорит? И вдруг послышался насмешливый голос командора:

– Ты с Андреем сначала договорись.

Я в полной растерянности смотрела на них: сверкающего глазами Олега, поражённого до глубины души его выходкой Виктора, взволнованного Андрея, замершего как статуя Самуила, совершенно ошалевших Олафа и Илью, спрятавшую улыбку и чуть покрасневшую Лею. И абсолютно спокойного Глеба – будто и не было грозовой тишины с молниями и подводной лодки на дне Марианской впадины, так, пошутили во время ужина. Командор обратился к Олафу:

– Отчёт о состоянии Мари через пять минут, Самуил всё по её поведению, Илья энергия... и отношения с боевиками и Сержем.

Подхватил меня на руки, и я оказалась в спальне. Мне казалось, что он сразу уйдёт, чмокнет в нос и исчезнет готовиться к сложному разговору. Но Глеб подошёл к окну и сказал, прижимая меня к себе:

– Катя, я люблю тебя.

– Я знаю. Если ты решишь, что я не должна говорить с Амиром, то разговора не будет. Мне нужно было сказать тебе – я не хочу войны между вами, если её можно избежать, то надо попытаться. Я верю тебе во всё.

Он опустил меня и обнял, тихо сказал:

– Ты удивительная женщина.

– Ну да, а сам хотел на подводной лодке в Марианской впадине утопить.

– Где? Зачем?

Удивление было таким искренним, что я рассмеялась, уткнулась ему в грудь и честно призналась:

– Ты так сердился на меня, что я представила, как ты меня на подводной лодке в эту впадину опускаешь. А потом, когда Лея предложила поговорить с Амиром, поняла, что мы там вдвоём на глубине песни петь будем, Андрюша её туда со мной пошлёт.

Глеб смотрел на меня и никак не мог понять, что я ему говорю, потом осознал, расхохотался, прижал к себе так, что я пискнула, и изрёк:

– Хорошая идея, правильная, и Андрею понравится.

– Глеб, я честно призналась, а ты... ты...

– Катенька, любимая моя жена, ты такая невероятная, такая невероятная, я каждый раз удивляюсь тебе. Я не буду тебя в эту впадину отправлять, лучше поспи дома, проснёшься, а я рядом.

– Я буду ждать тебя.

– Хорошо.

Страстно поцеловал, перенёс меня на кровать, опять поцеловал и исчез. Не раздеваясь, я обернулась в одеяло и ни о чём не думала. Ни одной мысли – все силы ушли на разговор о состоянии Амира.

Глеб всё сделает правильно. Он, как всегда, прав, что показал мне такого Амира, напряжённого, с поломанным телефоном. Я не знаю их настоящих взаимоотношений, того немногого, что мне рассказали вполне достаточно, чтобы понять, что он враг, но я не знаю истинного положения дел и не узнаю никогда. Он сам объяснит Амиру, да и Олег с Леей скажут каждый своё слово, что со мной не так просто всё, сильно не просто. И дело в том, что нам не понять друг друга, если он не посмотрит на всю ситуацию моими глазами, не примет моего видения их с Мари отношений. А сказать это так чтобы он понял, может только Глеб, который прошёл очень, даже очень сложный путь понимания меня. А то, что может сказать Олег, тоже никто ему больше сказать не сможет, я в том числе. Олег – это отдельная планета, которая пережила столько бурь и наводнений, землетрясений и ещё много разных стихийных бедствий, что как он смог из этого выйти, может рассказать только он, тот, кто убил своего сына. Интересно, что Амиру скажет Лея, она так неожиданно предложила поговорить с ним. Она что-то придумала, пока слушала меня и пришла к выводу, что может это ему сказать вместо меня, взять на себя опасность разговора. Удивительная девочка, тоненькая светловолосая девочка с необыкновенным голосом, красавица молодая жена, боевик и кто-то там с энергией.

В дверь постучали, и вошёл Олаф, сразу спросил:

– Почему не спишь?

– Думаю.

– О чём?

– О Лее.

– Да, она так меня удивила сейчас, так удивила.

– О чём она собирается говорить с Амиром?

– Катя, она умная девочка, сама говоришь, раз Глеб согласился, значит, доверяет.

– Я спросила – о чём, я знаю, что Глеб ей доверяет.

– Ну...

– Олаф.

– Потом тебе Глеб всё расскажет.

– Ну да, в лучшем случае – что всё хорошо.

Олаф радостно засмеялся, ясно, что полностью в этом Глеба поддерживает. Подошёл к постели, взял за руку, кивнул головой и констатировал:

– Молодец, с энергией у тебя в порядке, а теперь спи.

Положил мне ладонь на лоб, и я сразу уснула.

Я проснулась от дуновения ветра в лицо. Ветер был тёплым и очень уютным, он шевелил волосы и наполнял дыхание ароматами, сладкими и яркими. Пошевелившись, я осознала, что меня обнимают, и сразу открыла глаза. Глеб.

– Привет.

– Привет, как долго я спала? А почему...

Мы сидели на скамеечке перед озером, оно так сверкало в лучах солнца, что я зажмурилась. Глеб засмеялся, коснулся моей щеки губами, прошептал прямо в ухо:

– Я обещал Амиру, что он увидит тебя, когда ты проснёшься.

Не открывая глаз, я прошептала:

– А помыться, позавтракать, привести себя в порядок, хотя бы волосы причесать? Это ты специально, да? Чтобы он меня такую ужасную увидел?

– Точно.

А сам улыбается, прижимает меня к себе, всем телом меня обнимает.

– Ты после сна такая... мягкая... настоящая. Хочу в отпуск.

– Глеб! Веди себя прилично перед...

– Перед кем? Амиром?

И так руками подтвердил своё желание устроить себе отпуск, что я захихикала, но сразу опять зашипела, когда он стал уточнять перед кем нужно вести себя прилично:

– Да хоть перед боевиками, тебе всё равно, а я стесняюсь, я женщина, я не могу так. Прекрати!

Глеб засмеялся, едва слышно и очень счастливо, почему-то ему очень нравится моё смущение. Сначала он этого не понимал – как это, стесняться боевиков – а сейчас радуется, сверкает синевой глаз. Ему нравится всё, что отличает меня от их женщин: моё смущение, моя мягкость, моя нежная кожа, которой он старается коснуться при любой возможности. Я пыталась придать своему лицу строгость, но получалось плохо, потому что солнце светило прямо в лицо, и приходилось щуриться и моргать глазами. Мне пришлось закрыть один глаз, а другим грозно посмотреть на Глеба. Ему эта картина очень понравилась, и он засмеялся, полюбовался видом и заявил:

– Хватит Амиру, тебе пора завтракать.

За бассейн я боролась уже в столовой, ну почему нельзя хоть попытаться меня спросить, что я хочу, зачем сразу в столовую, даже причесаться не удалось.

– Глеб! Я хочу в бассейн, умыться, причесаться, да хоть просто головой в порядок себя привести.

– Чем?

Сидит передо мной на полу смеётся, радостно сверкает глазами. Конечно, как это мне головой себя в порядок приводить, бесполезно, можно даже не стараться. Никакое грозное выражение лица не помогало, он только целовал мне руки и смеялся. А я уже успокоилась, главное у него хорошее настроение, значит, как-то правильно договорились с Амиром, разговор получился.

Я решила дожидаться, когда Глеб сам хоть слово скажет, ела и поглядывала на него. А он смотрел на меня, улыбался ослепительно и молчал. Не выдержав, я спросила:

– Как дела?

– Хорошо.

– Глеб, так и знала, я придумала, как с Амиром разговаривать...

– Лея правильно говорила.

– А что она сказала?

– Всё.

– Глеб!

– Она рассказала о тебе как девочка, которую ты спасла и сделала такой счастливой. А Олег говорил, как ты его из пепла возродила, заставила заново жить, поверить в себя.

– И зачем было обо мне говорить? Глеб, это неправильно, он должен думать о Мари, какую женщину он должен найти, понять её, самому измениться, чтобы она его поняла, приняла такого, помогла им с Мари начать жить заново.

– Он понял.

– Что понял?

– Какую ему нужно искать женщину. А я рассказал, как ему за неё придётся бороться.

Теперь я ничего не могла сказать. Однозначно, что мне никто никаких подробностей рассказывать не собирается, поговорили, как считали возможным разговаривать с врагом и всё.

– И теперь что?

– Он сказал, что всё понял, но попросил у меня разрешения увидеть тебя, когда ты проснёшься. Я показал.

– Зачем ему это, посмотреть на меня?

– Запоминал.

– Такую ужасную нечёсаную тётку?

– Удивительную настоящую женщину.

Неожиданно Глеб опустил голову, помолчал, потом решительно посмотрел на меня тёмной синевой:

– Он сейчас с Аароном уедет, Мари останется у нас.

– Аарон здесь?

– Да, я его пригласил.

– Зачем?

– Поговорить с Амиром.

– О чём? Глеб, ты уверен, что Амир не причинит ему никакого вреда? А Нора?

– Аарон с моего согласия и с согласия Норы познакомит их.

– Нору с Амиром?

– Да.

Интересный поворот событий, как Аарон на это пошёл? Настолько уверен, что Амир их не тронет? Мари. Она опять остаётся в заложницах у Глеба, причём заложницей добровольной. Я только открыла рот спросить, а знает ли Нора, кто такой Амир, как Глеб сразу мне ответил:

– Олег всё рассказал Норе, и она согласилась встретиться с Амиром.

– Олег?

– Он сам так решил. Ты права, у Амира сейчас будет много важных дел.

И засмеялся так странно, видимо список дел Амиру они составили большой. Я лишь вздохнула, поняла – всё, больше он мне ничего не расскажет. Придётся с другой стороны подходить:

– А где Лея?

– Они с Олафом в школу уехали. Друзей для Мари искать.

– Кого?

– Ты сама Амиру сказала, что ей нужны друзья, раз Серж с ней не уедет.

– Мутанты?

– Пока да, Олаф ему предложил подобрать мутантов с минимальным процентом агрессии и сильной энергией. Они ей будут помогать развиваться физически и психологически.

– Он тоже на встрече был?

– Не сразу, мы его позже пригласили.

– А кто ещё был?

– Виктор с Самуилом и Илья поехали, когда я вернулся.

– Глеб!

– Но ты же спала.

Ну вот, Олаф специально меня энергией усыпил, чтобы я не мешалась им – спи красавица, мы тут маленькую разборку устроим, а ты спи, ты уже всё сказала. А встречи меня с Амиром Глеб не допустит, по крайней мере сейчас. Всё что угодно придумает, всю компанию поднимет, заявит, что они сами так захотели, а меня усыпит или ещё как устранил с поля боя. Небошь, столько на Амира навесили проблем, связанных с воспитанием девочки, что тот уже побежал с Аароном косметику покупать. Точно, Виктор мог заявить для важности, мол, Катя так сказала, без косметики никак. Ага, только боюсь, Амир сильно удивился: такая сама кикимора по утрам, а туда же – про косметику для его дочери рассуждает.

Глеб улыбался и ждал моей реакции, хитро так улыбался, невероятное сияние глаз, яркое, а в моей голове проявилась мысль – ведь действительно теперь можно отпуск устроить. Амир будет занят, пока будет разбираться со списком дел, и мы можем хоть на день устроить праздник. Я опустила глаза и робко попросила:

– Глеб, ты самый лучший муж. Только я в бассейн хочу, плавать и плавать. Мы можем в наш счастливый бассейн съездить, раз осада снята?

– Можем.

Ну, хоть бы переодеться в спальню заскочил, а то сразу в машину и вихрем, я в себя пришла уже на подъезде к бассейну. Сумасшедшая скорость и рука на коленке, а я даже скандал развить не успела, только начала слова возмущённо произносить, рот открывать, а ему хоть бы что – сияет глазами и улыбается. Ну, как мальчишка, какой командор грозный, кто сейчас скажет, что он ещё вчера был как скала могучая, от взгляда которого все склоняли головы и не могли звук произнести?

Выходя из машины, я замерла на мгновение и плотно закрыла рот – оказывается, нас сопровождали две машины с боевиками, когда успел? Или сам собирался устроить себе выходной? Глебу понравилось, что я опустила глаза и проглотила слова возмущения, он даже наклонился ко мне и с улыбкой спросил:

– Ты что-то хочешь сказать?

Я только промывчала нечленораздельно и грозно посмотрела на него. Конечно, куда же боевики уйдут, где они такое ещё увидят, такой спектакль: я ему до плеч даже не достаю, цыплёнок перед волкодавом, а грозно мычу, и они понимают, что скандал ещё состоится, как только мы войдём в пределы действия глушителя.

5

Глеб гладил мою ногу и тихо приговаривал:

– Изумительная ножка.

При этом не давал мне возможности звук произнести, мягко, но очень плотно закрыл мне рот ладонью. Мы опять... почему – мы? Конечно – я, учинила разборку. Но просто так пережить очередной приступ ревности Глеба не смогла. Когда я, наконец, добралась до бассейна и стала просить его нырнуть со мной на дно, он неожиданно стал рассуждать о том, что идея с подводной лодкой ему очень понравилась и надо сказать Андрею, чтобы тот переоборудовал имеющуюся. Я наивно поинтересовалась:

– У тебя есть подводная лодка?

– Есть, контролировать действия боевиков в воде.

Улыбнулся и подробно описал, как он её оборудует, чтобы мне было там удобно жить.

– Жить? Что ты имеешь в виду? Как это – жить?

Я чуть не утонула, когда посмотрела на него, а он сидел на бортике и не улыбался, очень серьёзный взгляд, почти взгляд командора. Лишь немного поплавав в задумчивости, я смогла подплыть к нему и спросить:

- Глеб, а почему я должна жить в подводной лодке? Амир же уже тебе не враг.
- Дело не в Амуре.
- А в чём?
- В тебе.
- Я что-то очередной раз совершила, пока спала?

Он смотрел на меня странным взглядом и молчал. Так плотно молчал, что меня стало относить от него волной, я не стала сопротивляться, легла на спину и отдалась движению этой раздражённой энергии – ну и сердись непонятно на что. Так страстно только что любил, говорил такие слова, от которых у меня голова шла кругом, и сердце готово было выпрыгнуть из груди, и вот опять что-то надумал себе в прекрасной и умной голове.

Глеб не стал прыгать в воду, но явно успокоился, энергия спала, волна остановилась, и я просто смотрела в небо. Удивительное ощущение полного покоя: вода, небо и... сердитый Глеб. И вот что опять случилось? Явно был счастлив, когда ехал сюда. С тем, что я человек вроде бы разобралась, что он меня любит, тоже, что я его люблю, признал, что ещё? Неожиданно послышался голос Амира, я едва справилась со своими ногами, чуть не утонула, пока переворачивалась, откуда он здесь? Но это оказалась запись разговора Глеба и Амира. Глеб держал в руках какой-то аппарат и из него Амир говорил, как он поражен мной, моим умом и красотой, удивительным спокойствием и выдержкой, с которой терплю боль. Амир говорил очень проникновенным голосом:

– Глеб, ты не понимаешь, как одарила тебя судьба. Катя создана для любви, настоящей, той, которая единственная во всех мирах, создана самой природой. Её сердце носит в себе все возможные на земле чувства, а энергия обладает уникальными свойствами. Я знаю всё о передаче энергии тебе, видел записи.

- Что ты хочешь мне сказать?

Глеб был спокоен, как спокойная скала, о которую разбиваются любые штормы. Амир тем же голосом продолжил:

– Наш мир существует только на силе, а Катя принесла красоту и чувство. Её энергия и кровь изменили наш мир...

- Кровь? Ты сказал кровь?

Голос Глеба стал тише и страшней какой-то неизбежностью битвы, как звук доставаемого из ножен меча.

– Да, кровь. Её кровь создана природой для изменения нашей энергии в состоянии агрессии, что с тобой и произошло.

- Мою агрессию преобразовала любовь.

– Ты прав – любовь. А любовь – это выбор, выбор Кати. Когда я увидел её в одеянии, то сразу понял её истинную сущность, она исцеляет только того, кого выберет сама. Тогда она выбрала тебя, может быть, не очень осознавая почему, назвала это чувство любовью и верит. Увидела девочку-мутанта, решила, что она ей нужна и изменила её, вернее создала. Илья показал ей процесс – и он изменился только от её благодарности за понимание. Катя выбирает, кому отдать своё чувство.

Амир произнёс слово из одних гласных звуков, и я больше догадалась, чем узнала, что он назвал настоящее имя Мари.

– И её Катя выбрала сама, захотела мою боль излечить, взяла на себя болезнь дочери, поэтому ноги не заживали. Она своим чувством излечила болезнь, я только ей помог немного. И ты бы смог, только не знал – как. Ты её не чувствуешь так, как чувствую я.

Дальше слушать я не стала, нырнула в воду и изо всех сил поплыла в глубину. Глеб достал меня практически без чувств, я почти не дышала. Он уложил меня на пол и стал разминать грудь, но я только мотала головой, мутная пелена перед глазами мешала дышать, я только широко открывала рот, но воздух в легкие не поступал. Наконец, Глеб ударил меня по щеке и поднял на колено, я сразу со свистом задышала от страха, что он сейчас меня пороть будет. Немного придя в себя, я услышала, что Амир продолжает что-то говорить и сиплым голосом попросила:

– Выключи его.

Глеб посмотрел на меня тяжёлым взглядом, но кнопку нажал и Амир, наконец, замолчал.

Мы долго молчали в постели, Глеб завернул меня в полотенце, подумал и завернул ещё и в одеяло, я стала похожа на куколку бабочки, но сопротивляться не могла.

– Глеб, мне жарко, достань, пожалуйста, меня, разверни.

Он чуть помедлил, провёл кончиками пальцев по моей слегка опухшей щеке, коснулся губами, тяжело вздохнул и стал разматывать меня из кокона. Облегчённо вздохнув, я прижалась к нему и зашептала:

– Неужели ты ему веришь?

– Он прав.

– Откуда он всё знает?

– У него хорошая разведка.

– Лучше твоей?

– Хорошая.

– А записи он откуда взял?

Глеб гладил меня по плечам и молчал. Я посмотрела ему в глаза и увидела плотную черноту.

– Ему кто-то передал?

Та же чернота, и чтобы я её не видела, он закрыл глаза.

– Кто?

Он обнял меня, но ничего не сказал.

– Арно? Почему?

– Не думай об этом.

– Поэтому ты ему не доверял? Подозревал? Поэтому он исчез?

– Ты не должна об этом думать.

Я вспомнила неожиданное смущение Самуила, когда однажды заговорила об Арно, но он, конечно, ничего мне не сказал – приказ командора. Не следует меня беспокоить такими мелочами как предательство. Мне хочется думать, что Арно так поступил вынужденно, что такой страшный лис как Амир нашёл способ воздействия на него, и у Арно просто не было выхода. Но опять же понимаю, что Глеб изначально не доверял ему, согласился принять только когда у него самого выбора не было. Ну, увидел и увидел всё Амир, подумаешь, мне было больно, не ему.

– Ты после этого решил, что ужас и темнота?

– Нет, это мы сегодня говорили.

– Сегодня?

– Ночью.

– А Олег? Он всё слышал? И Лея? А что они сказали, а ты что ему ответил?

– Ты решила топить раньше, не дослушала.

– Я не топилась.

Глеб сделал такое лицо, что я засмеялась, это была маска какого-то африканского божка с глазами лемура и кривыми губами. Я решительно поцеловала эту маску и заявила:

– Амир может думать всё что угодно, теперь у него много своих забот, вот пусть ими и занимается. Ты лучший на свете муж и мне совершенно всё равно...

– Он прав.

– Глеб, в чём он прав?

– Во всём.

– Хорошо, пусть будет прав. Женщина всегда выбирает сама, да он в этом прав – я выбрала тебя.

Он смотрел на меня, и в его глазах уже не было черноты, но они так и не вернули свою сияющую синеву, мысль о моём выборе почему-то тревожила его.

– Я тебя выбрала в первый момент нашей встречи.

И опять никакой реакции, штормовая синева ни на йоту не изменилась. Я зашевелилась в его руках, но Глеб меня только сильнее обнял и прижал к себе. Ну что ж, сейф так сейф, лодка так лодка.

– Ты меня сразу из бассейна в лодку отправишь? Или подождёшь, пока Андрей её усовершенствует? А Лея тоже сразу со мной поедет? А вдруг Нелли с Арни такие же? Я же их призвала, значит, они такие же, их тоже придётся в лодку сажать. Будете иногда нас доставать, поцелуете и опять на дно.

– Катя... я... не знаю...

И глаза закрыл, плотно сжал веки, я не удержалась, коснулась кончиками пальцев этих удивительных ресниц.

– Глупый, ты такой умный и такой глупый невозможно какой. Вот почему ты не поверил мне, когда я тебя ревновала к Мериам?

– Как ты можешь сравнивать себя и Мериам?

– Как это – как? Такая красота, я таких даже в кино не видела, и она ваша, с ней никаких проблем, и умная и добрая и...

– Я никогда не любил её.

– А я что, почему ты решил, что раз я выбираю сама, обязательно должна выбрать кого-то другого? Амира, например?

Глеб тяжело вздохнул, но опять закрыл глаза и сжал губы.

– Я действительно не смог помочь тебе, он чувствует твою энергию лучше, в этом он прав.

– Ну и что? Он столетиями спасал свою дочь, весь его организм на это настроен. И вообще, мало ли что кто-то другой делает лучше тебя? Он всё равно не ты. Глеб, любовь – это что-то такое, что или есть или нет. И всё.

– Во всём, что касается тебя, я должен быть лучшим.

Вот в чём проблема, вот откуда ноги растут. Ревность чувство страшное, она всегда найдёт повод, назовёт этот повод причиной и начнёт военные действия. Глеб сделал себя сам, прошёл невероятные испытания судьбы, боролся со своей сущностью, спасал многих, тех, кого сама природа сделала изгоями, спас меня и продолжает спасать всех, людей в том числе. Он сам сделал себя лучшим во всём их мире. И Амир это всегда понимал, именно он и понимал, что Глеб выделяется собой, своим характером и поведением в их жестоком мире, поэтому он всегда должен быть сильнее и умнее всех, чтобы побеждать. А когда появилась я, эта необходимость быть лучшим увеличилась на порядки только для того, чтобы меня спасти. И Амир это тоже в нём просчитал, эту ответственность Глеба, постоянную необходимость характера быть лучшим. Особенно когда появился другой доминирующий соперник. Ну, это Амир помог ему так решить, что он уступает, что он может проиграть в борьбе за мой выбор. Кто знает, какие тайны хранит память Амира-человека, какой личный опыт у Амира – мужчины, ведь если рассуждать, например, по опыту Олега, то доверять женщинам нельзя, они всегда могут изменить свой выбор. А так как с ревностью у Глеба всегда было очень просто и ясно – все, кто мужского рода подозрительны, то Амиру не пришлось сильно стараться. И опять Глеб нашёл

самый простой способ, дал мне возможность самой услышать, откуда повод ревновать появился, мол, не сам придумал. Правда сразу предупредил, что подводную лодку уже готовит, не очень обращая внимания на мой якобы свободный выбор.

– А ты для меня всегда лучший, всегда-всегда. Я люблю тебя и буду любить только тебя.

Глеб поцеловал меня и прошептал:

– Прости меня.

Он всё помнит, вспоминает мои ужасы каждый раз и страдает, сам не даёт себе возможности простить себя. Я смотрела в эту темноту и думала лишь о том, что никогда не прощу Амиру этих глаз, заполненных тёмной болью.

– Никогда. Ты так долго не говорил, какая я красивая, я из-за этого мучилась, переживала, даже худела. И в любви тоже никак не признавался, сам говорил, что без меня тебе жизни нет, а почему непонятно...

Глеб сначала превратился в статую после моих первых слов, потом в глазах стали проявляться синие всполохи, он улыбнулся и страстно поцеловал меня.

– Конечно, теперь целуешься, а раньше слова не скажет, посмотрит мрачно и исчезнет. Знаешь, как тяжело было, я тебе уже сто раз в любви призналась, а ты никак, ну никак, уже и так я к тебе и сяду, а ты сразу исчезать. И плакала уже и приставала неприлично...

Глеб расхохотался, сверкнул синевой глаз, закрыл мне рот ладонью и стал описывать различные части тела, и, конечно, начал с моих изумительных ножек. Продолжалось действие недолго, сил не хватило просто ограничиться перечислением моих красот, руки затребовали участия, быстро глазами наелся.

Мы возвращались уже почти ночью. Глеб предложил остаться ночевать здесь, но телефон уже звонил несколько раз, и я заметила, что его взгляд сразу менялся, значит, едем домой. Выходной прошёл очень быстро.

Глеб принёс меня в комнату, поцеловал и сразу ушёл, сказал лишь:

– Отдыхай.

Не было его и утром. Я искупалась в бассейне с розами – васильки, видимо, реже встречаются в Италии, чем розы – и пошла завтракать. В столовой сидел Олег и грозно с кем-то говорил по телефону, я никогда не слышала такого тона, ну кроме того случая, когда он рассердился на меня за булку в тесте. Он кивнул мне, но глаза опустил, не хотел, чтобы я их видела, значит, действительно что-то случилось. Осторожно опустившись на стул поближе к нему, я замерла в ожидании окончания разноса кого-то. Олег быстро посмотрел на меня и закончил разговор, но взгляд поднял не сразу, успокаивался. Амир, я только головой покачала, можно даже не сомневаться в причине такого раздражения Олега, вряд ли он мне расскажет, но и так понятно. Наконец, он посмотрел на меня ясным взглядом и уже совершенно спокойным голосом поздоровался:

– Доброе утро.

– Привет. Амир?

– Он.

– Война?

– Нет, так, мелкие стычки.

– И ты так рассердился?

– Нервы.

Ага, у него и нервы, я вопросительно на него посмотрела, а он мне ослепительно улыбнулся, всё ясно, сейчас скажет – не волнуйся, лучше иди поспи, отдыхай от отдыха.

– Катя, не волнуйся, всё хорошо...

– Ну да, сейчас Самуила позовёшь, чтобы я пару суток поспала и не мешалась вам под ногами.

– Хорошая мысль.

– Я лучше пойду погуляю, можно в сад?

– Можно. Я с тобой.

И протянул мне Диану с камешком – всё ясно, что дело сумраком пахнет. Я хмыкнула, но спорить не стала, неизвестно где Глеб, да и разговор у меня к Олегу сложный, не будем сразу сердить, хотя всё равно рассердится.

Я не позволила Олегу нести меня на руках, радостно помахала боевикам под его недовольным взглядом, потом взяла за руку и усадила на скамеечку. Он усмехнулся, но подчинился мне, посидел рядом пять секунд, не выдержал и пересел на дорожку передо мной.

– Говори.

– Глеб когда вернётся?

– Скоро.

– Амир нас видит?

– Уже нет.

– Пытался?

– Пытался.

– А можем сделать так, чтобы он нас видел?

– Что ты придумала?

Я ответила вопросом на вопрос:

– Что ты ему сказал?

– Ты слышала запись.

– Нет, я... в общем, не смогла.

– Топилась?

– Нет! Олег, не важно, не слышала и всё.

– Значит, топилась.

– Олег! Не топилась, сбежала на дно. Вот.

Он не понял разницы, долго смотрел на меня вопросительно, но я не стала вдаваться в подробные объяснения, опустила глаза и закусил губу. Олег громко хмыкнул, но ответил:

– Я ему популярно объяснил, что полностью с ним согласен, он во всём прав.

– Как прав?! Олег, что ты говоришь?

– Я? Это он всё сказал.

– И ты с ним согласился?!

– Конечно, ты у нас такая и есть.

Олег смеётся надо мной, глаза светятся, ослепительная улыбка. Я постучала пальцем ему по лбу.

– Олег, что ты ему сказал?

– Что богиня сама выбирает, кого любить.

– Олег!

– Катя, я так и сказал. Правда, потом ещё чуток объяснений добавил, чтобы уже всё понял.

– Богиня требует подробностей.

– Катя, я так ему и сказал, что тебя нельзя сравнивать с обычными женщинами, ты ни под какое сравнение не подходишь.

Рассмеялся негромко, голову опустил, даже своими сажеными плечами повёл, как будто ими объяснял Амиру, как меня нельзя сравнивать ни с кем. Потом поднял голову, хитро на меня посмотрел и решил договорить своё объяснение:

– Катя, я ему сказал, что ты кого-то любишь не за что-то, а потому что. И картинку показал, как ты меня убеждала, что я достоин новой жизни и от всех клятв освободила. Всё показал.

Значит и рассказ о себе тоже? Олег кивнул, показал.

– Тогда почему он... зачем Амир сейчас пакостит?

– Пытается обратить на себя твоё королевское внимание.

Ну да, один синеглазый тоже очень оригинально действовал. Олег рассмеялся, взял меня за руку и признался:

– Ну, было, все мы мужчины одинаковые, пока поймём, много ошибок успеем наделать. Лея молодец, умная стала.

– А она что сказала?

– Катя, понимаешь, Лея сейчас счастлива, вот она своё счастье на него и вылила, Амир в нём чуть не утонул.

– Как это?

– Лея сказала, что ты её из никому не нужного мутанта счастливой женщиной сделала, относилась как к ребёнку, настоящему человеческому ребёнку и любить научила. Заставила забыть все свои ужасы детских воспоминаний и увидеть Андрея, которого она ни на кого никогда не променяет, на него тоже.

– Так и сказала?

– Да. Сказала, что в любви не важно, каков ты, главное, что ты кого-то любишь. Ребёнок любит своего родителя не за «что», а «почему». Что ты её просто любила и защищала, как человека, понимала всегда. И ещё...

Олег неожиданно замолчал, странно на меня взглянул, даже на какое-то время опустил голову, но что-то решил для себя и со значением посмотрел на меня.

– Лея сказала, что ребёнок всегда чувствует настоящую любовь своих родителей, в данном случае отца, ему не нужны доказательства, он просто эту любовь чувствует. Как сейчас Мари своим сердцем чувствует отношение к ней Сержа и Ильи, их искренность, открытое сердце. Как она сама всегда чувствовала твоё к ней отношение. И Амиру придётся научиться так любить свою дочь.

Я долго думала, Олег не мешал мне, только внимательно на меня смотрел. Всё правильно, это могли сказать только они, именно Олег и Лея. Рассказать и показать то, через что придётся Амиру пройти, чтобы заново заслужить любовь своей дочери. Только очистившись, переборов свою сущность хищника, рассказав всё своей дочери, он сможет её заново полюбить так, как любил когда-то в своей человеческой жизни. Кстати, о человеческой жизни.

– А что известно о его жене?

– Ничего. Виктор уже много раз искал везде, где только мог, никаких документов и упоминаний о существовании такой семьи. Понятно, что Амир не его настоящее имя, судя по имени, настоящего имени Мари, его самого звали иначе. Я тоже пересмотрел все возможные варианты, но сейчас язык уже практически утрачен и документов сохранилось слишком мало. Да и сам Амир мог уничтожить любое упоминание о себе настоящем – человеческом.

Опять задумавшись, я проговорила:

– Осталось всё выяснить экспериментальным путем.

– Катя.

– Олег, только разобравшись в его прошлом, можно понять его нынешнее поведение.

– Объясни.

– Как он относился к своей жене, любил ли он её, может быть, она его предала, а может, наоборот, сильно любила его, и он перенёс своё отношение к жене на отношение к дочери. Да может быть много вариантов, но сейчас именно его прошлый человеческий опыт довлеет над ним. Ну, конечно, с учётом его нынешнего положения.

– И как ты собираешься это выяснять?

– Очень просто, по основным возможным вариантам отношения к жене: любил или не любил. Ты знаешь, у меня ощущение, что он не был простым человеком. Он слишком умён

и опытен для простого земледельца, он был каким-то руководителем... ну, в смысле царём или военачальником, поэтому смог стать таким и в вашем мире, одним из сильнейших.

– Возможно, ты права.

Подумал и утвердительно кивнул головой:

– Ты права. Но документов практически нет, мы не нашли ничего...

Неожиданно замолчал, что-то вспомнил, посмотрел на меня и сказал:

– Тебе пора отдохнуть.

– Олег, подожди.

Уже поднявшийся Олег, мрачно посмотрел на меня, но всё же опустил обратно.

– Катя, без разрешения Глеба ты не будешь ничего делать.

– Нет, конечно, нет. Олег, пойми, только я могу сказать Амиру, что у него нет никакого шанса как-то повлиять на меня и Глеба. Судя по тому, как он продолжает пакостить, это уже не просто разведка, или как вы там называете такие выходки, это стремление что-то нам доказать. Ведь его ничего уже не останавливает – ни то, что его дочь здесь, ни то, о чём вы говорили – он продолжает изводить Глеба, ищет его болевые точки. Даже если вы и найдёте что-то в его прошлом, только я могу высказать ему все свои претензии.

– Претензии?

– Конечно, он же мне что-то доказывает.

Олег так усмехнулся, что мне пришлось даже постучать по его лбу кулачком, он не стал отворачиваться, уже открыто улыбался – идея Виктора о доминирующем самце как-то уж очень всем местным мужчинам нравится. Я поймала себя на мысли, как Олег изменился в последнее время, смеётся, так шутит, что Виктор в обморок падает, он неожиданно стал подчёркивать важность отношений мужчины и женщины, именно чувственных отношений. Как будто в нём, наконец, проснулся обычный мужчина, который смотрит на меня совершенно иначе, не так как смотрел раньше, настоящим мужским взглядом. Арни! Он знает, что его ждёт его женщина, будущая жена.

– Олег, а где Арни? Ты её хоть иногда видишь?

– Вижу.

– Живём? Ну, в смысле ездешь к ней?

– Пока нет, опасно.

– Передай ей от меня привет.

– Хорошо.

И совершенно другие глаза, ясные, очень добрые. Он улыбнулся, хитро на меня посмотрел и признался:

– Платье готово.

– Молодец, Арни уже видела?

– Нет, но мне очень нравится.

Ну да, свадебное платье тоже для мужа, невеста прилагается. Я расхохоталась, Олег сначала напрягся от моего смеха, но понял мои мысли, тоже улыбнулся:

– Виктор ещё выбирает, никак не может остановиться, а в украшениях Нелли уже не сможет стоять.

Всё-таки они удивительные: осада Амира, ежедневные разборки, а они и платья уже выбрали для своих невест и драгоценностей где-то нашли. Олег вдруг стал серьёзным, поцеловал мне руку и сказал каким-то притихшим голосом:

– Ритуал через два дня.

– Уже? А осада, а Амир этот?

– Глеб решил, что главы кланов сейчас готовы объединиться и будут согласны, тень Амира нависла над всеми. Аарон познакомил его с Норой уже как с будущей своей женой.

Он тяжело вздохнул, печально покачал головой:

– Так их легче защитить.

– Арни любит тебя.

– Я знаю.

– Ты будешь ей настоящим мужем.

– Достойным?

– Самым лучшим на свете.

– Я буду держаться.

– Олег, о чём ты говоришь? Нора уже легко прошла всё, только слабость, это у меня всё было ужасно, но сам понимаешь, это я такая...

– Не говори ничего, если бы ты не прошла всё за нас...

– Олег...

– Катя. Я сказал Амиру, что обязан тебе своей жизнью и счастьем, ты – это не только Глеб, ты – это ещё и мы все.

– Хорошо, пусть будет так. Но как-то он никаких выводов не делает, как-то уж очень по-своему всё понимает.

– Понимает, как умеет, мы тоже не сразу тебя понимали. Глеб вернулся, пойдём в дом.

Я опять помахала боевикам, которые даже не пытались прятаться, они мне улыбнулись, но Олег сделал лицо, и они исчезли.

Глеб стоял на ступеньках крыльца и улыбался, только выражение лица поменять ещё не успел и знак власти как-то опасно сверкал на галстук, очень воинственно. Весь в чёрном, только красный пламень камня, он стоял так, что казалось, он кому-то себя демонстрирует, всю свою силу – ещё немного и взовьется грозным мечом, за которым не в состоянии уследить глазу. Я опять не позволила Олегу нести меня на руках и даже остановилась в какой-то момент, так была впечатлена позой Глеба. Шёпотом спросила Олега:

– Что-то случилось?

– Он с Амиром встречался. Катя, ты одумайся хоть на пару часов.

– Я этого... сама на ленточки.

Неожиданно Глеб засмеялся, конечно, он ведь слышал мои слова. Ослепительно улыbnувшись и помахав ему рукой, я заявила Олегу:

– Провожай командора и его жену в столовую на обед.

Как Олег удивился, смотреть не стала, быстро пошла к Глебу и кинулась ему на руки, сразу поцеловала.

– Привет, я так соскучилась, пойдём меня кормить, Олег обещал до столовой проводить.

– Проводить?

– Да, я жена командора, мне нужны провожатые.

– А я?

– А ты командор, муж.

Муж и командор ничего не понял, посмотрел на Олега, тот только плечами пожал, даже не будет пытаться меня понять, но уже хорошо, что ушли с опасного открытого пространства под защиту дома.

В столовой Олег сел на диван, а я притянула Глеба к себе, заставила сесть рядом, он не сопротивлялся, уже с интересом смотрел на меня, ясно, что я что-то придумала, осталось выяснить, чем ему это грозит. Особенно после моего заявления, что я порву Амира. Я не понимала, что ела: мысли двигались так быстро, казалось, я даже не успеваю их подумать, но уже точно знала – где-то там в моей умной голове они встанут стройными рядами и независимо от меня смогут чётко и ясно выразить всё, что собираюсь сказать. Глеб спокойно курил и ждал, иногда они переглядывались с Олегом, но ничего не говорили. Наконец, я осознала – можно говорить, закурила сигарету и спросила:

– Глеб, скажи, ты помнишь тот день, когда я ещё без сознания лежала в твоём доме?

– Я всё помню.

– Только сейчас я поняла, что полюбила тебя уже тогда, я же улыбнулась тебе, я уже видела тебя, ещё ничего не понимала умом, он ещё спал, а душа уже увидела тебя и полюбила. Тогда на тебя моя одинокая душа смотрела, она увидела твои страдающие глаза, твою боль, твою мечту.

Глеб вздрогнул, медленно взял меня за руку, едва коснулся губами.

– На самом деле я тогда тебя выбрала, в санатории только мысль появилась, а потом душа решила. Только ты долго не мог мне поверить, и всё боялся, что не сможешь меня любить, себе не верил, думал, как это – разве можно тебя любить, разве можешь ты сам любить. Поэтому нам пришлось все эти испытания пройти, закон нам помогал понять друг друга, поверить в себя.

– Катя, это ты...

– Это мы вдвоём, мы в этих испытаниях стали единым существом, всем едины, кровью, энергией, душой и телом. Ты даже захотел меня в себе носить, помнишь? Только то и остановило, что я секреты твои командорские узнаю. Небось, уже и с Самуилом обсудил?

Тот звук, который произнёс Глеб, определению не подлежит, а я быстро посмотрела на Олега и увидела статую с широко открытыми глазами – это мне и надо, молодец я. Что ж, идём дальше:

– А сначала так меня боялся, прямо ужас. Скажи мне, сколько раз ты пытался от меня сбежать?

– Катя, я...

– Мне перечислить? Мало того, что как только чуть что с энергией, так сразу бежать, совсем не думал, что я это от тоски энергию теряла, ведь ты внимания на меня никакого не обращал. Ты вспомни, какой ты был мрачный тип, увидишь, что я с Виктором или Олегом в столовой смеюсь, так сразу и разгонишь всех по делам, прямо на ходу придумаешь разных дел, только чтобы я в одиночестве сидела.

Глеб как-то странно посмотрел на Олега, а тот кивнул и очень серьёзно подтвердил:

– Постоянно, ты нас разгонял так, что было страшно с Катей оставаться. Мы тогда все дела на год вперед переделали.

– Вот-вот, букет тайно ночью поставишь на столик у кровати, и сразу бежать. Если бы я истерику не закатила, то ты бы меня в Париж никогда не повёз, а если бы не Лиза – то и в Норвегию бы никогда не поехала. Ты что думал, если драгоценностями меня увешал, рядом на командорских совещаниях поставил и всё, на этом наши отношения и закончились как мужа и жены? Сколько раз я тебя пыталась поцеловать? Только на лестнице в Париже и решился, боялся, что упаду на глазах у всех гостей, и тебе стыдно будет. Олег, ведь правда, скажи ему, только когда память потерял, тогда и увидел, какая рядом с ним женщина, жена, между прочим.

Олег смотрел на нас сияющими глазами, понял, к чему моя тронная речь, может какую мысль уловил. Глеб обнял меня и тихим голосом извинился:

– Прости меня за всё.

– Простить? Я ещё не всё сказала, у меня такой список твоих грехов, что некоторые при Олеге говорить даже нельзя.

– Каких?

Олег спросил таким голосом, что Виктор бы не смог этого пережить, ему так уже не повторить, Глеб поднял на него глаза и грозно отрезал:

– Никаких.

– Ага, никаких, Олег вот тебе и скажу, это я его...

Продолжить я не успела – Глеб мне закрыл рот ладонью, подождал минуту и уже спокойно спросил:

– Что ты задумала?

Я весело на него посмотрела и помычала, что ответить не могу. Глеб вздохнул, но деваться некуда, надо как-то выяснить, что стоит за моей выходкой, вот уж об этом мы давно не говорили, я не просто так всё вспомнила, да ещё и Олега в свидетели призвала. Он осторожно убрал свою ладонь, в полной готовности снова закрыть мне рот, если вздумаю продолжить раскрывать перед Олегом наши семейные тайны. А я засмеялась и заявила:

– Олег, передавай от меня привет Амиру.

6

Наступила напряжённая тишина, Глеб смотрел на меня тёмным взглядом, ничего хорошего не предвещавшим. А я уткнулась ему в грудь и прошептала:

– Глеб, ну Глеб, он должен понять, что шансов у него нет, никаких шансов. Я выбрала тебя навсегда, сама выбрала и добилась твоей любви. И ты должен это понять, не поддаваться на его провокации, он уже осознал, что ты не допустишь нашей встречи, поэтому и нападает, напоминает о себе, а заодно и тебя изводит. Амир должен узнать моё мнение обо всём, он же это мне доказывает, что он самый достойный теперь, в смысле самый сильный и всякое такое. Мне надо ему сказать, что он мне совсем не нужен, ни сейчас и ни когда-нибудь потом, что ему не обо мне думать надо, а о той, которую должен искать.

Глеб внимательно слушал меня, но взгляд оставался тёмным и напряжённым.

– Он услышит только меня, ты для него соперник, он воспринимает то, что ты говоришь только как информацию обо мне. Я для него интересная и полезная игрушка... не так, я для него надежда на будущее, которого у него и не было никогда – он всегда жил своим человеческим прошлым, он за него все эти столетия боролся, так правильно.

Замерла на мгновение, какая-то мысль никак не могла сформироваться, я даже головой помотала, чтобы эту мысль осознать.

– Амир же видит, какими вы стали все, только ошибается, думает, что это я, никак не понимает, что это вы сами такие, вы готовы уже были поменяться. Он свою сущность... он врос в неё, и она его теперь душит, и с дочерью из-за неё не может по-настоящему начать общаться, и жить хочет уже иначе. Только он всё это связал со мной, не понял, что он сам должен сначала измениться.

Олег задумчиво произнёс:

– Катя, это как с Аароном, только сложнее.

– Похоже ты прав, только Амир сам по себе значительно сложнее и страшнее своей болью.

Командор, наконец, вышел из своей мрачной задумчивости и спросил:

– Ты думаешь, если Амир увидит твоё... то, что ты сейчас наговорила, он сразу всё поймет?

– Не сразу, но зерно сомнения в нём уже прорастёт. Он слишком умен, он поймёт, я не просто так ему эту картинку посылаю, а ты её разрешил ему послать.

– Кровь.

– Да, Олег, кровь.

– Я...

– Глеб, я твоя, понимаешь, только твоя половинка, в тебе моя кровь, моя энергия, моя жизнь. И я тебе её отдала сама, это он тоже знает.

Взгляд Глеба посветлел, он повёл губами, и они образовали усмешку, жёсткую, решительную.

– Твоя кровь, энергия и борьба за любовь.

– Да, моя борьба за твою любовь.

– Моя.

– И твоя тоже, наша борьба за любовь. Чтобы он совсем всё понял, можно ещё что-нибудь добавить.

– Документ.

Олег что-то вспомнил, вскинул голову и посмотрел на командора, тот кивнул, и он исчез. Я вопросительно подняла глаза на Глеба и увидела ясную синеву и ослепительную улыбку – от удивления даже рот открыла, прикрылась вопросом:

– А какой документ?

– Катя, ты пугаешь меня своим умом и проницательностью.

– Вот-вот, бойся, а то думал, я только посудой могу кидаться. Запомни – страшнее женщины зверя нет, особенно когда она за свою любовь борется, попробуй только в сторону посмотреть.

– В какую сторону?

– Ни в какую.

Глеб какое-то время удивлённо смотрел на меня, потом вспомнил, что сам когда-то так мне сказал, и захохотал, обнял меня, чмокнул в макушку и, сквозь смех, произнёс:

– Ты неподражаема, да кто же с тобой сравниться может?

В столовой появился Олег с листом бумаги в руках, встал перед нами и что-то прочитал на языке Амира, я сразу его узнала по напевности звучания. Положил лист на стол и перевёл:

– Здесь говорится о госте города, вожде одного из соседних племён, живших в глухих лесах, который приехал выбрать себе жену. С этими племенами жители города старались не враждовать, слишком они были сильны и таинственны, о них практически ничего не было известно, как и о судьбе тех женщин, которых вожди выбирали себе в жены. И женщин они выбирали странно – просто ходили по улицам, смотрели, иногда брали за руку, а потом указывали на кого-нибудь и забирали с собой. Правда, выкуп платили большой, поэтому никто не спорил, да и опасно было спорить.

– То есть они энергию у этих женщин проверяли, раз за руку брали?

– Видимо они искали свою энергетическую половину.

– Но ведь его дочь – человек, значит, он тоже был человеком и жён они выбирали из людей. Как это? Он же не из вашего мира, он потом таким стал, чтобы свою дочь спасти. Тогда кто он? Значит, он уже тогда сам был непонятно кто?

Олег покачал головой, я задала слишком много вопросов, чтобы он смог хотя бы на один успеть ответить. Ответил Глеб:

– Это могли быть люди, которые уже тогда управляли энергией, понимали её и пользовались своими возможностями. Поэтому их никто и не мог победить.

– А куда они потом делись? Ведь с их возможностями они должны были жить вечно, ну долго, то есть, раз их невозможно было победить...

– Болезнь.

Олег положил ладонь на лист бумаги и повторил:

– Их всех уничтожила болезнь Мари, она последняя в их роду, единственная из всего народа.

Я даже руками взмахнула, вот оно объяснение – она не только его дочь, она единственный чистый представитель его народа! Остались только они, но Амир уже не настоящий, вирус сделал его великим и почти бессмертным, но его кровь уже не человеческая. Он её никогда не обратит, она последняя из древнего таинственного народа, который уже в те века умел управлять энергией. И она умеет ею управлять – не захотела уезжать и всё, пожалуйста вам, сразу потеря сознания. А что будет дальше, когда она осознает себя?

– Катя, не выходи из дома. Андрей пост один, Олег...

– Глеб, подожди, дай мне сказать!

– Катя.

– Я всё понимаю, и никуда не буду выходить, пусть будет пост этот, только дай мне сказать!

Глеб мрачно посмотрел, а Олег тоже вскинул на меня строгие глаза. Я решительно поднялась и заявила:

– Мне нужно с Амиром поговорить! Глеб, пусть мои слова Олег ему пошлёт! Вместе с той картинкой, как сопроводительное письмо.

Металлическим голосом командор спросил:

– И что ты ему хочешь сказать? Он сейчас весь мир перевернёт, только чтобы тебя вместе с Мари забрать. Ты человек, и ты передала ей свою энергию, значит, ты для неё энергетическая половина. Поэтому он и не настаивает, чтобы забрать Мари. При тебе она восстанавливается. Как человек, умеющий управлять энергией.

Я тяжело опустилась на стул, Глеб прав – если Мари умеет управлять энергией, а судя по документу должна уметь, освободившись от своей болезни она вспомнит свои навыки. Уже вспомнила, решила не уезжать и заставила себя потерять сознание. Хотя почему, почему мы сразу обвинили маленькую девочку в злостных намерениях? А может она просто не хотела уезжать?

– Глеб, ты меня послушай, потом решишь, отправлять моё послание Амиру или нет.

Желваки прошли раздражённой волной, он плотно сжал губы, но видимо война с Амиром могла подождать несколько минут, и он кивнул головой.

– Говори.

Олег опустился на диван и внимательно стал на меня смотреть, строго, но очень внимательно. Я тяжело вздохнула и села за стол, мне понадобилось время, чтобы собраться с мыслями.

– Амир, мы узнали кто вы с Мари, и теперь понимаем твоё стремление спасти её любым способом. Ты прав, только став таким ты смог её спасти. Она единственная выжила и теперь здорова и счастлива. Я не знаю ваших настоящих возможностей по использованию энергии, кроме того, что вам тоже нужен человеческий энергетический донор. Судя по документу, такими донорами были для вас женщины. Мари маленькая девочка, она не использовала донора, хотя ты думаешь, что этим донором была я. На самом деле я просто пожалела Мари, забрала её болезнь на себя, но и только, всё сделал Илья. Он поделился своей энергией, оказалось, что её было нужно очень много, но не столько для Мари, а для того, чтобы разрушить твою многолетнюю защиту, тот кокон, которым ты её обернул. Ты сказал, что я сама выбираю, кому помочь, да, ты прав, я решила тебе помочь в твоей боли, но только помочь, а не отдавать себя, как я отдала всю себя Глебу. Во мне действительно много разных чувств, но надеюсь, ты помнишь из своей человеческой жизни, что жалеть – это не значит любить. Сейчас в твоих руках жизни многих, Мари в том числе. Мари пока маленькая девочка, которая учится жить в новом для неё мире, ей просто хорошо с теми, кто её сейчас окружает, она только готовится стать представительницей вашего народа. Научить её стать настоящей можешь только ты. Я очень надеюсь, что ты поймёшь меня, вместе мы сможем ей помочь, а в войне погибнем все.

Тяжело вздохнув, я уже хотела сказать, что всё, но решила всё-таки высказать свою претензию:

– Амир, ещё один момент. Ты силен, красив, умен и ещё много что интересного, но ты никогда не будешь для меня кем-то хоть как-то равным Глебу, никогда. Запомни мои слова – я умру, но никогда не стану твоей, не трать свои и наши силы, пытаясь обратить на себя моё внимание разными выходками, слишком глупо для такого как ты. Если я пожалела твою дочь, это ещё не значит, что пожалею тебя. Прощай, хотя мне хочется сказать до свидания, и только от тебя сейчас зависит, как я с тобой попрощалась.

Кивнула Олегу – тронная речь закончилась. Молчание длилось долго, я не смотрела на Глеба, ведь всего лишь просила выслушать, теперь сам решай, что с этим делать. Наконец, командор приказал:

– Передавай.

А сам подхватил меня на руки, и мы оказались на этаже Глеба. Ну да, заварила кашу, теперь посмотри, что из всего получится, может только топор и останется, этот – томагавк. В своей задумчивости я не сразу увидела, что в зале мы не одни. Замерев от удивления и внутреннего ужаса, я рассматривала тех существ, которые стояли за столами, висели у потолка, и как-то находились или висели над полом. Командор всё-таки решил показать тех, кто меня охраняет. Надо отдать должное, на меня лишь мельком посмотрели, никаких внимательных и удивлённых взглядов, которые бы меня сейчас смутили, и скажем откровенно – напугали.

Глеб подвёл меня к экрану на стене, и на нём сразу появилось лицо Амира. Странное ощущение, мне казалось, что Амир должен был как-то отреагировать на картинку, которую ему послал Олег, но никакого движения на лице, даже глаза не изменились. Я посмотрела на Глеба и увидела жёсткую усмешку, сразу решила уточнить:

– Олег ему ещё не успел ничего послать?

– Успел, Амир демонстрирует себя, значит, понимает, что мы за ним наблюдаем.

Но неожиданно Амир вскинул глаза и стал смотреть куда-то вверх, как будто наблюдал за облаками. Я шёпотом спросила:

– Что с ним? Ему Олег так передаёт?

– Амир видит картинку сразу, он так на тебя смотрит.

И опять на лице Глеба появилась жёсткая усмешка, даже губы скривились. Ага, ещё нимб нарисовал и крылья на спине прицепил. Судя по выражению лица Амира, мы оказались правы: он страшно побледнел, кожа на лице натянулась, а на месте глаз оказались страшные провалы, череп, обтянутый пергаментом. Маска ужаса смотрела в небо, и даже рот раскрылся в безмолвном крике, я вздрогнула и прижалась к Глебу, он погладил меня по волосам, тихо произнёс:

– Ничего не бойся.

– Я не боюсь, он должен понять.

– Должен.

Но тон командора был таковым, что стало ясно – если не поймёт, то ему же хуже будет. Амир понял, насколько принял, ещё предстоит выяснить, не всё сразу, поступки покажут, но он едва слышно прошептал:

– До свидания, Катя.

Его лицо постепенно приобрело нормальный вид, кожа стала светлой, глаза приобрели яркий жёлтый цвет. Он длинно вздохнул и громко сказал:

– Командор, я прошу официальной встречи.

Я посмотрела на Глеба, он смотрел на экран и думал, не отрывая глаз от Амира. Шёпотом спросила:

– Ты будешь с ним встречаться?

– Встреча не со мной.

– Со мной?

– Кланами.

– Зачем ему кланы?

– Он может только что-то просить у Совета или предложить. Амир не входит ни в один Совет, собственно, ему и не нужно моё, как командора, разрешение, его может привести любой глава клана.

Глеб посмотрел на меня, и мы оба подумали об одном:

– Ритуал.

– Глеб, он их не тронет, не посмеет.

– Он не может запретить ритуал, может попытаться его отменить.

– То есть уговорить глав не идти на ритуал?

– Да.

– Нет, Глеб, нет, он бы тогда не стал тебя предупреждать. Он сказал «до свидания», значит, надеется встретиться со мной, если он отменит ритуал – я никогда с ним встречаться не буду, он это точно знает. А когда Совет?

Амир стоял, не двигаясь, сложив руки на груди, и ждал ответа – опять спокойное лицо, ни одной эмоции, маска восточного шейха.

– Перед ритуалом.

– Он хочет участвовать в ритуале.

Командор с таким сомнением посмотрел на меня, даже хмыкнул, что я обиделась.

– Скажи, если он появится на ритуале, это как-то, ну не знаю, это будет иметь значение для тех, кто женится, ну, и тех, кто присутствует?

– Он наравне со всеми должен поклясться, что будет их охранять.

– Как Аарон? Но он же не касался моей руки?

– Он вёл церемонию, значит, принимал вместе с тобой их клятву, в случае нарушения должен первым наказать виновного.

– Но ведь ты сам тогда этих глав, которые...

– Я всегда всё делаю сам.

Ну да, Амир тоже должен понимать, что Глеб просто так ни одного удара без ответа не пропустит, и кто знает, что он сам уже продумал и организовал в защите меня и нашей любви. Глеб плотно сжал губы, аж побелел весь, посмотрел на меня и приказал:

– Связь.

У Амира зазвенел телефон, и он сразу ответил:

– Глеб.

– Амир. Совет перед ритуалом, тебе сообщат время и место.

– Я знаю. Я прошу у тебя разрешения участвовать в ритуале.

Вот это да, я даже дышать перестала на мгновение и неожиданно для себя громко сказала:

– Амир, это Катерина, жена командора.

Наступила тяжелая пауза, я умоляюще смотрела на Глеба, а он молчал, и его взгляд стал таким серым и ледяным, что я опустила голову, взяла его ладонь и закрыла себе рот. Пальцы были мраморными, холодными и почти недвижимыми, поэтому я вздрогнула, когда услышала спокойный голос Глеба:

– Амир, жена командора с моего разрешения будет говорить с тобой.

Не сразу я смогла поднять взгляд на экран, Амир стоял как статуя. Удивительная у меня способность влезать в мужские разборки, ну зачем? И Глеба рассердила, и неизвестно как себя Амир сейчас поведёт. Хотя, принял моё условие, значит, заслужил королевское внимание.

– Амир, я рада, что ты понял меня, только от тебя сейчас зависит, каковы будут у нас всех шансы на нейтралитет в отношениях.

– Нейтралитет?

– Да, пока так. Я не боюсь тебя, когда-то очень давно, я уже умерла, поэтому смерти не боюсь. Но я думаю о другом – сейчас наступил момент, когда от нашего решения зависят жизни многих и многих, вас и людей. Как мы сможем понять друг друга, такова и будет их жизнь. Ритуал соединит тех, кто готов стать другим, новым представителем двух миров, как бы громко это не звучало. Ты уже видел Аарона и Нору, понял, что совершает любовь в законе передачи энергии. Я на самом деле лишь инструмент в руках нового закона, того, который даёт вам всем, тем, кто готов, уникальный шанс, и только от вас самих зависит, воспользуетесь ли вы этим шансом. Амир, где-то на земле живёт та, которая создана природой для тебя и твоей Мари, именно создана новым законом, закон он и есть закон, он всё давно приготовил, всех

нашёл, только... сделать всё надо самому, соответствовать правилам нового закона. Вот и всё, что я хотела тебе сказать, до свидания, Амир.

– До свидания, жена командора. Глеб.

– Амир.

Я сразу опустила глаза и прижалась к Глебу, уткнулась ему в грудь. Все сомнения рухнули на меня, наговорила всего, конечно, они действительно меняют свой мир, Олег и Виктор, они самые достойные. А вдруг я ошибаюсь, и Амир совсем не как друг собирается идти на этот ритуал? Я ему поверю, и Глебу придётся опять непонятно как обеспечивать сам ритуал, этих глав уговаривать, а Амир будет стоять и хихикать: вот, смотрите, я сильнее вас всех, как я обманул эту дурочку!

Погладив меня по голове, Глеб чмокнул в макушку, неожиданно рассмеялся:

– Олаф прав, ты кого угодно заставишь поверить, что чёрное это белое, хотя кроме тебя этого никто не видит.

– Глеб, ну Глеб, я должна была попытаться.

– Я понимаю, ты, это – ты, с этим уже ничего не сделать, да и очень даже нравишься именно такая.

– Правда?

– Катя, я всегда говорю тебе правду.

– Ну да, всегда, а когда не хочешь говорить, то просто молчишь так, что меня волной относит на другой берег моря.

– Или бассейна.

– Ага.

Глеб поцеловал меня, а я сразу смутилась, вспомнила, что кругом есть живые существа, но оглянувшись, поняла, что мы в зале одни, больше никого не было.

– А где все?

– Я их убрал. Андрей.

Амир продолжал стоять на экране, смотреть в одну точку, он совсем не двигался, и я решила, что это уже просто выключенное изображение, но вдруг он поднял голову и что-то сказал. Голос Олега произнёс:

– Он назвал женское имя.

Олег стоял в дверях и удивлённо смотрел на меня, покачал головой, ну, конечно, всё слышал, произнёс сакраментальную фразу:

– Катя, может, ты отдохнешь?

И засмеялись оба, командор тоже качал головой, ну что с такой женой делать, во всё лезет вперед батки. Только Виктора здесь не хватает, вот бы резвился надо мной, но появился Андрей и отчитался Глебу:

– Всё готово, главы согласны. Они будут говорить с Амиром.

– Глеб, ты что, их уже предупредил?

– Я на всякий случай их предупредил о возможном появлении Амира.

– Значит... я...

– Ты Амиру правильно сказала. Я не знал, будет ли он пытаться попасть на ритуал, но предупредил глав о такой возможности.

Я растерянно смотрела на Глеба, а он только улыбнулся мне:

– Катя, ты права, Амир слышит только тебя, и он тебя сейчас услышал. И главы готовы с ним говорить, что бы он ни сказал.

Он защитит всех и всегда, всё продумает и защитит. Моё спонтанное выступление не помешало ему, надеюсь, что Амир действительно понял меня, услышал. Олег хитро на меня посмотрел, спросил ласково:

– А Амиру ты кого уже нашла? Или просто пока пообещала?

Гордо оглядев всех, я заявила непререкаемым тоном:

– Невесты у вас есть? Есть, значит, я ничего просто так не говорю, надеюсь, ну где-то же она есть. И вообще, пусть ищет, надо же его чем-нибудь занять.

Последнюю фразу я произнесла уже не таким уверенным тоном и три громогласных хохота потрясли дом, боюсь, что никогда ещё этот зал не слышал такого хохота командора, да вообще самого смеха. Они смеялись, но ни у кого не было и намёка на издёвку в адрес Амира – хоть он и был врагом, хоть и доставил массу неприятностей и тревог, они на самом деле будут за него рады, если вдруг произойдёт очередное чудо и Амир встретит ту женщину, которую я ему обещала. Потому что шансы пока только единичные, и значит каждая встреча очень значима для всех. Слишком невероятен этот шанс, на который никто из них не рассчитывал в своей страшной одинокой жизни, даже боялся мечтать о таком повороте судьбы, когда ты вдруг становишься не один, с тобой твоё счастье и любовь. И также как Аарону они будут помогать Амиру в его борьбе за своё счастье, и никто и никогда не упрекнёт его в том, что он натворил, пока ничего не понимал и ни на что не надеялся. Например, то, что он пытался меня купить и захватить, пленить в общем.

Отсмеявшись, Глеб заявил:

– До ужина ты можешь поплавать в бассейне, нам кое-что...

– Хорошо, я всё поняла: не мешаться под ногами, молчать как рыба.

– Ты уже и так много наговорила, Амир два дня переваривать будет.

Что с Олегом творится? Виктору срочно нужно возвращаться, а то не узнает мрачного типа с книжкой.

– А где Виктор?

– Дела.

И зачем спросила, пора уже привыкнуть, что всегда один и тот же ответ, можно самой себе отвечать.

В бассейне я утонула. Слабость наступила так неожиданно, что я только успела схватиться за розы, но они меня не удержали, и я медленно стала опускаться на дно, наблюдая за тем, как цветы меркнут под толщей воды, вот уже почти не видны. Если бы я попыталась крикнуть, то утонула бы сразу, наглотавшись воды, но сил на крик не было, и я просто из последних сил удерживала остатки воздуха в легких. Уже теряя сознание, увидела большую тень, стремительно рванувшуюся ко мне, и всё – темнота.

Меня спас Андрей, он проходил мимо бассейна и услышал странный всплеск, это когда я последний воздух из себя выпустила, а так как он всегда настороже, то сразу ринулся в бассейн и не увидел меня. В чувство меня уже приводили все, Глеб сразу появился на крик Андрея, потом Олег и чуть позднее Виктор с Самуилом на руках. Их я уже видела, но звуки произносить ещё не могла. Глеб держал меня на коленях, а Самуил что-то делал со мной, но я ничего не понимала, видела лица как картинки. С трудом пробираясь сквозь спазм, я постепенно начала дышать, со свистом и хрипом, широко разевая рот, но дышать. Наконец, Самуил сказал:

– Глеб, она дышит, теперь немедленно ко мне, надо всё проверить, что-то случилось, мышцы не работают, Катенька, что с тобой, что случилось?

Глеб мгновенно перенёс меня в лабораторию Самуила и уложил на кровать, взял за руку, и энергия полилась горячим потоком по моим венам. Послышался голос Олега:

– Катя, это ты так Амиру жену ищешь?

– Олег, что ты говоришь, у Катеньки сил совсем нет, ты посмотри, что с мышцами делается!

Действительно, Глеб накачивал меня энергией, но силы восстанавливались очень медленно, я так и не могла пока поднять другую руку, и ног не чувствовала совсем, даже сказать ничего не могла, только смотрела на всех и пыталась улыбнуться. Олег взял меня за другую

руку и тоже стал делиться со мной энергией. Глеб всё время молчал, только смотрел на меня чёрными тревожными глазами, после слов Олега приказал:

– Олег, передавай Амиру всё: как доставали Катю из бассейна и как спасаем в реальном времени.

Я попыталась что-то промычать, но Глеб остановил меня грозным взглядом и тоном командора:

– Катя, пусть видит, как ты платишь за его шанс.

Мне становилось всё лучше, энергия Олега наполняла меня всё сильнее, и я смогла улыбнуться:

– Уже хорошо...

– Подвигай руками.

Тон Глеба был непреклонен, а мои руки не двигались. Я растерянно посмотрела на всех, неужели опять булка в тесте? Слёзы были готовы выплеснуться из глаз, и я лихорадочно вздохнула, а свадьба? А праздник? Олег с Виктором переглянулись, и Виктор ехидно произнёс:

– Катя, не могла Амиру после свадьбы жену поискать? Теперь что, я Нелли из-за него и поцеловать не смогу неизвестно сколько времени? Учти, Глеб без свадьбы не разрешает. Давай руку.

Он взял меня за руку, и его энергия практически размазала меня по постели, меня придало так, что я даже дышала с трудом. Глеб резко сказал:

– Достаточно. Андрей.

Энергия Андрея была сильной, но текла по моим венам полноводной спокойной рекой, не давила, как энергия Виктора. Я облегчённо вздохнула, когда он отпустил мою руку, хорошо, и рука чуть двинулась, не сильно, но пальцы поднялись над простыней. Олег странно посмотрел на Глеба и спросил:

– Амир?

– Пусть смотрит.

Олег кивнул и почти сразу у Глеба зазвонил телефон, но он трубку брать не стал, и я поняла – не хочет разговаривать с Амиром, явно это был он. Они долго делились со мной своей энергией, передавали мою руку друг другу, не выпуская её из своих ладоней. И, наконец, наступил момент, когда я стала чувствовать кожей их тепло, ноги согрелись и стали двигаться. Самуил, молча стоявший у изголовья кровати, первым понял, что мне стало лучше, и быстро заговорил:

– Катенька, милая моя девочка, вот и хорошо, вот и молодец, глазки посветлели, и румянец проявился. Зачем, ну зачем ты ему, монстру этому, Олег – пусть видит, пусть всё знает! Ведь каждый раз на последнем дыхании, каждый раз только капелька силы и остаётся, капелька крови последняя, на чём держится непонятно...

– Самуил, да на своей вредности и держится, была бы просто доброй и ласковой не смогла бы, а так вредность придумает и сил много становится.

А сам качнулся, пришлось Андрею его подхватить и вынести из лаборатории, никто из них ни разу так и не выходил. Олег смотрел, как Андрей выводил бессильного Виктора, пусть Амир всё видит, знает, как это – меня спасти. Я едва слышно прошептала:

– Мне уже хорошо, Глеб, вам нужно восстановиться...

– Молчи.

Олег посмотрел на Глеба, тот кивнул и что-то сказал на ассасинском таким тоном, что я сразу поняла – это он Амиру привет передал, и вышел. Я не дала своей руки Олегу, спрятала под простыню и заявила:

– Амир, мне уже хорошо, меня очередной раз спасли. Олег, иди, не могу на тебя такого смотреть, не буду больше у тебя брать энергии, понял? Поэтому иди, восстанавливайся, со мной Самуил посидит. Иди, ну Олег, иди, пожалуйста, мне, правда, уже хорошо.

– Раз уже говорить начала, значит, действительно хорошо. Но лучше помолчи пока.

Силы появились, а с ними и мысли: прав Глеб, пусть видит, пусть посмотрит на меня, на них всех, как это дается – новая жизнь. Он всю свою многосотлетнюю жизнь посвятил спасению своей дочери, единственной оставшейся в живых представительницы уникального народа, умевшего управлять энергией. Именно Амир и должен понять, как это на самом деле, чем приходится платить за жизнь – только своей жизнью. Мысли двигались всё-таки пока очень медленно, видимо, до них энергия ещё не дошла, или они просто устали. На этой умной мысли я уснула.

Первое, что увидела, открыв глаза, были чьи-то жёлтые зрачки, я сморщилась, плотно закрыла глаза, подумала, а вдруг это Олаф меня лечит, и решила всё-таки посмотреть, подняла веки и снова их быстро опустила – на меня смотрел Амир.

– Катя, открой глаза, это я, открой.

Глеб, я облегчённо вздохнула, наверное, приснилось, и радостно открыла глаза. Не приснилось – рядом с Глебом, стоявшим на коленях перед постелью, стоял Амир. А за его спиной улыбались Олег и Виктор с Андреем, вся компания. Я просипела:

– Что случилось? Свадьба уже прошла? Без меня?

Глеб закрыл лицо руками, засмеялся беззвучно, только плечи подрагивали, а Виктор даже руками взмахнул:

– Катя, да как без тебя? Олег, давай мы без этого ритуала уже поженимся, Аарон тоже согласен. Ты согласен? А ритуал потом когда-нибудь, когда эта... эта перестанет по каждой мелочи в булку превращаться!

Неизвестно откуда появился Аарон и как-то уж очень облегчённо вздохнул, кивнул головой и тихо сказал:

– Катя, ты так нас напугала.

Переводя взгляд с одного лица на другое и старательно обходя лицо Амира, я пыталась улыбнуться, но ничего не получалось, у всех были такие тревожные глаза, что я даже испугалась. Глеб покачал головой и опустил руки на постель, усмехнулся и с трудом проговорил:

– Катя, ты булкой была всего сутки, ритуал сегодня ночью.

Мне удалось только просипеть:

– Мне совсем хорошо... простите меня... но вы же успеете, Глеб, скажи, успеете?

– Да кто ж тебя теперь бросить сможет? А вдруг ты опять захочешь душой над миром полетать, кто ж тебя ловить будет, чтобы ты снова к нам вернулась? Катя, вот ты мне скажи, зачем так далеко летаешь, могла бы и поближе как-то. Амир, смотри, еле вернули, она за твоей женой как улетела, только за краешек платья и смогли поймать, хорошо, что ты руку помощи протянул, всё-таки твою будущую жену Катя высматривала.

Виктор говорил, а у самого были такие глаза страшные, что казалось, они сейчас прожгут в Амире пару огненных отверстий. Я зашевелилась на постели и ещё раз спросила молчавшего Глеба, который смотрел на меня чёрными глазами и лишь поглаживал мою руку:

– Глеб, неужели теперь из-за меня придётся отменить ритуал? Опоздали, из-за меня опять, Глеб, нельзя, надо чтобы ритуал прошёл, Глеб!

– Катя, я не оставлю тебя одну.

– Мне уже хорошо, Глеб, всё хорошо, я сейчас встану, чтобы ты увидел...

Подняться мне Глеб не позволил, мягко опустил на подушки и грустно на меня посмотрел. Ясно, что спорить с ним бесполезно, я только смогла закрыть руками лицо – всё испортила, так мечтала об этом и всё сама испортила. Послышался спокойный голос Олега:

– Катя, ты не переживай так, не сегодня, так завтра, мы можем сначала человеческий брак оформить. Андрей уже все документы приготовил, поедem в мэрию, боевиков возьмём в сопровождение, чтобы церемония не затянулась, а потом к тебе все приедem, женатые.

Я уже начала всхлипывать от безнадёжности, когда прозвучал голос Амира:

– Вместо Глеба я могу провести ритуал, как самый старший среди глав кланов.

7

Наступила такая тишина, что я боялась вздохнуть, медленно опустила руки и посмотрела на Амира, он был напряжён, стоял, вытянувшись как струна, сверкал яркой желтизной глаз, голубизна совсем исчезла. Глеб медленно поднялся и посмотрел на него, а Олег с Виктором стояли за спиной Амира так, что казалось, достаточно Глебу взглянуть иначе, и они тут же скрутят его в узел. Амир посмотрел в глаза Глеба уверенным взглядом и произнёс голосом с нотками металла:

– Этот закон я не нарушал никогда.

Значит, другие нарушал. Естественно, он мог нарушить любой закон, ему никто не указ, сам по себе всегда был, а этот нарушить не мог, никак не мог, именно этот, потому что его дочь – человек. Глеб перевёл глаза на женихов, усмехнулся и спросил:

– А как сами герои? Согласны?

Я не смотрела на Виктора и Олега, только им решать, им самим, как надумают, пусть так и будет. Веселый голос Олега произнёс:

– Я думаю, Арни не будет против. Виктор, ты Нелли платье купил?

– Купил, красивое.

– А ты?

Вопрос Глеба относился к Аарону, стоявшему у стены, он поднял глаза и кивнул, потом сказал:

– Хорошо, я согласен.

Глеб покачал головой, посмотрел на Амира, неожиданно обернулся ко мне и спросил:

– А как жена командора, твоё мнение?

– Да.

Амир долго смотрел на меня напряжённым взглядом, лишь потом сказал:

– Жена командора, я оправдаю твоё доверие.

– Не моё, их доверие – Олега и Арни, Виктора и Нелли, Аарона и Норы. Мне не нужно ничего доказывать, это твоя жизнь, ты сам ею управляешь, каким будешь, такова и она будет.

Глеб только сверкнул на меня сияющими глазами, повернулся к Амиру и сказал тоном командора:

– Амир, церемония в моём дворце, Андрей предупредит глав.

Амир наклонил голову в поклоне, посмотрел на меня и попрощался:

– До свидания, жена командора.

– До свидания, Амир.

Как только он вышел, я сразу заявила:

– Ритуал ритуалом, но домашний праздник будет! Я сама с девочками поговорю, ну, после того, как вы человеческий брак оформите. А приданое? Вы, небось, забыли?

– Катя, да как такое можно забыть! Андрей нам уже все уши прожужжал: нельзя и нельзя без приданого, а ты представляешь, какие это деньги? Я как узнал, сколько за Нелли в её барханах платят, понял, что я банкрот.

Виктор веселился, подмигивал Андрею, а сам ко мне подошёл и за руку взял, неожиданно серьёзно сказал:

– Катя, мы и без этого ритуала уже счастливы, учти, если что ещё такое придумаешь, я этого... друга сам так женю, что сразу разводиться побежит.

– Виктор! Зато теперь можно уже не волноваться, этот закон он точно никогда не нарушит, да и главы сразу притихнут, как его увидят.

– Одно это радует.

Он отошёл, вложив мои пальцы в ладонь Олега, энергия волной прошла по всему телу и затихла где-то в голове. Олег покачал головой, что-то ему не понравилось, он оглянулся на Глеба, но я затрясла его руку и грозно заявила:

– Олег, со мной всё хорошо, здесь Глеб остаётся. Лея, а где Лея?

– Она здесь, не переживай, охрану обеспечивает.

Андрей сразу засветился счастливой улыбкой – жена, его удивительная жена. А Олег поцеловал мне руку и заявил:

– Если с тобой что-то... мы сразу вернёмся.

– Даже не думай! Я с мужем остаюсь, Олег, не переживай, всё будет хорошо.

Он кивнул и передал мою руку Аарону, я сразу улыбнулась ему и спросила:

– Как Нора?

– Всё хорошо.

– Я бы хотела с ней поговорить, но это потом, на домашнем празднике.

Аарон вдруг побледнел, быстро посмотрел на Глеба, потом резко опустил глаза и тихо спросил:

– Ты нас тоже приглашаешь?

– Конечно, а ты не знал? Прости, но с этим Амиром мы ещё не успели всё обсудить. Так и передай Норе: она обязательно будет петь, представляешь, она, Лея, может, и я чего смогу изобразить. А ещё Нелли поёт очень хорошо, это точно известно, Арни – не знаю, но ничего, и она чего-нибудь споёт, уговорим.

Он склонился над моей рукой и прошептал:

– Катя, прости за всё.

Потом поцеловал её и сразу ушёл. Я вздохнула радостно и грозно затребовала:

– Олег, Виктор, идите уже, я вас благословляю. Андрей, а ты тоже туда уйдешь?

– Да.

И тревожно посмотрел на Глеба – может, ему остаться, но Глеб сложил руки на груди и приказал:

– Иди.

Все вышли, и я сразу опустилась на подушки – оказывается, это тяжёлый труд благословлять на женитьбу, в смысле ритуал. Мы остались вдвоём с Глебом, он сразу присел ко мне и взял за руку.

– Всё хорошо, я просто устала немного. Прости меня.

– Я люблю тебя.

Глеб прилёг рядом со мной, положил голову на подушку и смотрел на меня своими тёмными глазами.

– Глеб, не будет на весь мир.

– Не будет.

– Прости меня.

– Ты не виновата, он не враг, раз ты так решила, значит – Амир не враг.

Я удивлённо посмотрела на него, а он касался моего лица пальцами, провёл по щеке, потом по шее, и снова по лицу, тяжело вздохнул и закрыл глаза.

– Глеб, расскажи.

Он долго молчал, коснулся пальцами моих губ, позволил поцеловать, наконец, сверкнул синевой глаз, улыбнулся и решительно заговорил:

– Я должен был догадаться, сразу понять, что раз ты обещала найти Амиру его половину, и мать для Мари, значит, будешь искать. Он приехал сам, почувствовал, что ты ему энергию передаёшь.

– Ему? А зачем ему?

Глеб тихо засмеялся, даже на мгновение снова глаза прикрыл.

– Наверно ты сомневалась в нём, вдруг сил не хватит найти суженую. Ты потеряла сознание во сне, когда мы вернулись – ты уже была без сознания.

– Ты с Амиром разговаривал?

– Сказал ему пару слов.

Ничего не изменилось во взгляде Глеба, та же тёмная синева, ясно, не будем уточнять, какие слова он ему говорил, теперь уже не важно. Я обняла его, прижалась всем телом, прошептала:

– Я люблю тебя, только тебя.

– Я знаю.

Муж гладил мои волосы, разбирал на отдельные пряди, наматывал кудряшки на палец, поцеловал в макушку.

– Ты слабела, практически не брала энергии, совсем немного, только чтобы не умереть. Даже у твоих верных боевиков.

Едва слышно засмеялся, вот сейчас скажет: они ведь самые сильные, сильнее нас, и то не брала. Но Глеб вдруг замолчал, лихорадочно прижал меня к себе и громким шепотом сказал:

– Мы прошли, слышишь, мы прошли это страшное испытание, о котором говорил Серж.

Я едва смогла кивнуть головой, так он меня к себе прижал. Прошли, наверное, прошли, будем надеяться, что прошли. Глеб ослабил своё объятие, поднял моё лицо ладонями и спросил:

– А почему ты заставила Амира поклясться мне в верности?

– Я?!

– Ты сказала: если не поклянёшься в верности, даже не подходи.

Интересно, может, мне раньше надо было сознание потерять, сразу требовать верности? Я уже открыла рот, чтобы озвучить свой вопрос, но потом передумала – раньше бы этот номер не прошёл.

– И что, поклялся?

– А что ему оставалось делать – ты лежала совершенно без сил, одни глаза и остались, сверкаешь ими и требуешь клятвы. Да ещё и Олег с Виктором своё веское слово сказали.

– А ты?

– Я тоже высказался. Но Амир сам недолго думал, просто увидел тебя... такую, не сразу смог действовать. Так что – Амир теперь мне не враг, клялся настоящей клятвой при свидетелях.

– А ты принял клятву?

– Принял, иначе ты бы не приняла его энергии, его помощи. Ты действовала как опытный аналитик, даже Виктор удивился.

– Ну да, нормальный женский шантаж.

– Только чуть не умерла в своем шантаже.

Чтобы уйти от этой темы я заявила:

– Зато теперь во мне столько энергии, ужас, могу взлететь.

– Не пуцу, налеталась уже.

И прижал меня к себе, обнял всем телом, прошептал в ухо:

– Я люблю тебя.

– Глеб, всё закончилось, он изменится, верь ему.

Но он ничего не ответил, нельзя за один день принять многовекового врага, врага очень сильного и хитрого, это не Аарон, уже стремившийся к другой жизни, не очень понимавший своё стремление, но уже готовый к новой жизни. Как, однако, хитро я придумала в своём энергетическом беспамятстве – заставила Амира клясться в верности Глебу, чтобы даже мысли не было нарушить нейтралитет. Глеб поглаживал ладонью мою голову и касался губами лба, нежно и немного грустно.

– Почему ты грустишь?

– Ты страдаешь за нашу жизнь, каждый раз платишь своей за надежду, только за намёк на счастье.

– Я ни о чём не жалею.

– Почему закону нужна такая жертва, именно твоя жертва каждый раз?

– Не только моя. Серёжа сказал, что со мной целый мир, вы мой мир.

Глеб задумчиво повторил:

– Мы твой мир...

Его взгляд начал меняться, синева посветлела, он даже улыбнулся лёгкой улыбкой, нежно поцеловал.

– Ты голодна.

– Ужасно, пора жену кормить, а потом смотреть ритуал. Когда он начнётся?

– Ты его увидишь.

Самуил уже был в столовой и радостно подскочил:

– Катенька, девочка, красавица, всё хорошо, только я тебя проверить должен, посмотреть, как ты себя чувствуешь, такая потеря энергии опять, тебя...

– Самуил, со мной всё хорошо, во мне теперь столько энергии, что могу летать!

– Катенька, милая девочка, подожди летать, я тебе пару уколов должен сделать, покушаешь, и укол. Сердечко твоё надо посмотреть, энергия хорошо, но сердечко надо поддержать, ты красавица, но укол обязательно, слишком быстро ты потеряла столько энергии Ты же не хочешь снова память потерять?

– Нет, ни за что! Столько всего интересного, ритуал, потом надо уже готовить домашний праздник. Представляешь Самуил – сразу три пары, это такая радость, надо что-то такое для них приготовить, такое, чтобы на всю жизнь запомнили.

– Ты умница, я думаю, что ты обязательно что-нибудь для них придумаешь, но ты ешь, совсем ничего не кушаешь, вся бледная.

– Я не бледная, я волнительная.

Глеб сидел на диване и смотрел на меня, пока я была ещё немного слаба и даже вилка в руках покачивалась, но радость переполняла, и вся еда казалась невероятно вкусной. Я не хотела говорить об Амуре, хотя и понимала, что он занимает все мысли Глеба, но так и не смогла придумать, чем отвлечь его от этих мыслей. Он улыбнулся мне и что-то сказал Самуилу на английском, Самуил удивился, посмотрел на меня, пожал плечами и согласно кивнул. Я решила сразу выяснить, что он придумал:

– И что вы хотите такого таинственного совершить?

– Катя, тебе нужно поддержать организм, Глеб предложил тебе дать... витамины, потеря энергии... это сложный процесс, организм, он у тебя человеческий, Глеб волнуется, я тебе витаминов немного, надо организм поддержать.

Самуил совершенно не умеет лгать: смутился, глаза спрятал, даже плечами повёл, стал быстро есть, заглотнул чай и торопливо сказал:

– Катенька, ну я вас жду у себя.

И быстро ушёл. Я вопросительно посмотрела на Глеба, интересно и что ты такое придумал? Глеб усмехнулся, оказался у моих ног, взял меня за руку и тихо сказал:

– Я спасу тебя.

– Глеб, всё хорошо, мне уже хорошо, ты не волнуйся.

– Тебя не хватит на весь мир.

– Не нужно на весь мир. Глеб, это только Амир, он самый...

– Ты всегда сможешь придумать, кому нужна твоя помощь и энергия.

Он был спокоен, глаза оставались яркими, синими, но взгляд стал строгим, он что-то для себя решил, а мне только объясняет задачу.

- И что ты собираешься делать?
- Самуил обследует тебя.
- А ритуал?
- Ты его в любом случае будешь смотреть в записи.
- Глеб, я хочу смотреть его сейчас, как там девочки ...Глеб!

Он подхватил меня на руки, и мы оказались в лаборатории Самуила. Он уже ждал меня, и как только я оказалась на кушетке, сразу сделал укол, я только успела возмутиться:

- Не хочу спать!

Просыпаться совсем не хотелось, сон лежал на мне тёплым одеялом, никак не отпускал, я даже веки чуть-чуть только приподнимала, а потом снова закрывала. Мысли тоже двигались отдельными словами, но я их укладывала под одеяло и думать не хотела. Тепло, мыслей нет, тело растеклось, и просыпаться не хочет.

- Катя, Катенька, Катюша, просыпайся дорогая, пора уже, свадьбу пропустишь.

Голос Глеба пытался меня достать из-под одеяла, но всё равно просыпаться не хотелось, даже угроза пропустить свадьбу не подействовала. Что-то промычав, я только сильнее прижалась к нему, прикрылась его рукой, буду спать вечно. Он засмеялся, стал меня целовать, сначала едва касаясь губами, потом всё смелее, и уже со страстью, прижимая меня к себе и лаская тело.

Мое лежание на счастливом теле мужа могло длиться вечно, судя по умильной улыбке и затуманенным глазам. Мою попытку сползти с него его руки категорически не допустили, прижали к себе, а, чтобы даже не думала делать больше таких попыток, придавили мою голову очень даже ощутимо. Я прошептала:

- А сам сказал, что свадьбу пропустим. Уже пропустили?
- Она без нас не состоится.
- Без командора?
- Мы с тобой тоже участники.
- Участники? Почетные гости?
- Молодожены.

От удивления я попыталась поднять голову, но муж опять не позволил, прижал к себе, засмеялся счастливо, объяснил:

– Мы с тобой поженились неправильно, без домашнего праздника, без приданого, я даже на колени перед тобой не вставал и не просил твоей руки.

Глеб отпустил меня, я сразу поднялась и спросила:

- Мы снова жениться будем? С ритуалом?
- Ритуал повторять не будем, а вот домашний праздник устроим, с подарками и приданным.

- У меня уже есть своё приданое.
- Это не приданое, это я тебе как муж передал.
- Но у меня ничего нет.
- Уже есть.
- Бассейн?

Он засмеялся и помотал головой.

- Это просто подарок.
- Вулкан?
- Это тоже подарок.
- Сюрприз?
- Твоё приданое.
- Глеб, я же должна знать своё приданое, говори!

Глаза в какой-то момент потемнели, но сразу стали ясными и почти прозрачными в своей необыкновенной синеве, Глеб улыбнулся и признался:

– Это вилла Адеодаты.

– Это теперь моё приданое?

– Да. Ты там жила тысячи лет в тоске, а теперь замужняя женщина и надеюсь счастлива?

– Да, да!

В столовую мы добрались не скоро, хотя у меня и были попытки выяснить – мне идти на ужин или завтрак? Когда я уже в сотый раз потребовала отчёта о ритуале, Глеб тяжело вздохнул и объявил:

– Совместим.

Что он имел в виду, я поняла в столовой, на стене был закреплен большой экран, наконец, я смогу посмотреть, как проходил ритуал.

– А где все?

– Приданое своим невестам показывают.

– Амир?

– Показывает своей дочери дом, где она будет жить, если захочет. Олаф с ними. Андрей и Лея в доме, Самуил у себя в лаборатории, боевики на постах.

Глеб откровенно смеялся надо мной, отчёт жене командора о своих подчиненных.

– Дом? У него поблизости где-то есть дом?

– Амир договорился с Аароном, если девочке понравится, то он его у него купит.

– Это дом Аарона?

– Мы ему предложили на выбор: я виллу на берегу моря, Аарон дом в лесу. Какой девочка выберет, тот Амир и купит.

Строго посмотрев на Глеба, я задумалась: интересно, сколько я спала, что они успели всё обсудить, приготовить дома, и все разъехаться? Грозно спросила:

– А я сколько спала? Неделю?

– Нет, всего два дня.

– Глеб!

– Твоему организму нужно было отдохнуть.

– Конечно, это вам надо было от меня отдохнуть!

Он не стал дожидаться продолжения скандала, включил экран и на нём появился зал в нашем прежнем доме. Естественно, я сразу замолчала и забыла о еде.

На этот раз зал был ярко освещён, и всё очень хорошо видно: стол в центре, стоящие у стен главы кланов в самых невероятных костюмах, по ним можно было понять – сколько лет владельцу, современных оказалось совсем немного, то есть молодежи, конечно, по их меркам возраста. Отдельно камера показала лица Олафа и Элеоноры. Так интересно, Олаф был в странном костюме, наверное, так одевались викинги, что-то меховое, какая-то накидка и рубашка из кожи. А Элеонора в платье девятнадцатого века сразу стала красивой дворянкой, а не главой клана, воспитывающего мутантов. Рассматривая лица глав, я сразу поняла, что они волнуются – они часто поглядывали в сторону входа в зал и тихо переговаривались, появление Амира в роли ведущего церемонии их явно удивило. Поразило и отсутствие Глеба на ритуале свадьбы своих боевиков ближнего круга.

Прозвучал тихий звук, я даже не поняла, что это, не то гонг, не то какая-то труба и все замолчали, встали ровным строем у стен. В зал медленным, очень величественным шагом вошёл Амир. Да, такому и смокинг не нужен – шейх, у которого в роду были сотни шейхов в предках. Ему нет необходимости ничего изображать лицом, взгляд, спокойный и чуть ироничный, говорил сам за себя, ни тени волнения или беспокойства, уверенность в себе, возведённая в абсолют. А одет интересно: какой-то восточный наряд, чёрный, богато расшитый

золотом и серебром, даже пришиты небольшие золотые пластинки, образующие таинственный рисунок по всему краю одежды.

Амир встал в центре стола и что-то сказал, опять прозвучал непонятный звук и в зал вошли Нора и Аарон.

– Глеб, а что, теперь Аарону другое кольцо придётся надевать, да? У него же уже есть одно?

– Ему дадут новые, кольца его брака с Элизабет вернули в хранилище.

Глеб даже остановил изображение, чтобы я всё правильно поняла.

– Хранилище?

– Да, это специальное помещение далеко в горах, их нельзя использовать какое-то время, они сами освобождаются от крови предыдущих владельцев.

– А как?

– Никто не знает – кольца просто помещают в те шкатулки, в которых нашли. Время от времени проверяют, а когда они становятся прежними, их уже могут вручить на ритуале. Или проверить ими степень агрессии.

– А кто этим занимается?

– Хранители.

Всё понятно, хранители так хранители. И я снова посмотрела на экран – какая Нора красавица, от волнения на её щеках горел яркий румянец, а Аарон был бледен до синевы.

– Глеб, а почему у него костюм другой? Не как у тебя?

– Я командор и ещё много кто.

– Кто?

– Всякий кто.

Совсем даже не интересно, даже не буду больше спрашивать. И вообще, красный костюм Глеба смотрится значительно эффектнее, чем синий у Аарона, и золотых букв на нём нет, просто золотой растительный орнамент. А Нора тоже едва несёт своё белое платье – сплошной жемчуг и драгоценности, только ожерелья в шесть рядов нет, хоть в этом облегчение.

– Она тоже босиком?

– Тоже, требование ритуала.

– И он её тоже одевал?

– Тоже.

Я неприлично хихикнула, ну да, я думаю, и румянец от этого одевания стал ярче. Глеб улыбнулся, понял причину моего смеха, выдал страшную тайну:

– Он её за час до начала ритуала уже купал и платье без шнуровки выбрал.

И мы оба засмеялись от собственных воспоминаний и мудрого решения Аарона. На экране Аарон уже надевал Норе на палец кольцо, она страшно побледнела и растерянно смотрела снизу вверх, неужели ещё сомневается? А вот Аарон уже успокоился, улыбался ей очень доброй и ласковой улыбкой. Он неожиданно обнял её, что-то прошептал на ушко, нарушив тем самым строгость ритуала, и подвёл к стулу с высокой спинкой, а Нора уже тоже улыбалась – что-то хорошее сказал, смог успокоить, молодец.

Посмотрев на Глеба, я поняла, что он уже всё видел и сейчас с удовольствием наблюдает за моей реакцией. На мой взгляд выдал комментарий:

– Опытный мужчина, всё-таки второй брак.

Хмыкнув, я кинула в него вилкой и подняла глаза на экран. Вот это да! В зал входили Олег и Арни. Король и королева, мудрый король и юная экзотическая королева. Поразительно, как такое возможно: всегда одетый в тёмные, чаще всего чёрные костюмы и рубашки, в ярком красном камзоле с золотыми надписями и мантией на плечах, Олег превратился в настоящего себя – сильного, мудрого, пережившего все возможные страдания, не забывшего их, а ставшего только сильнее. А рядом с ним шла юная, но тоже мудрая королева – бриллиантовая диа-

дема, на удивительным образом убранных волосах Арни, только подчеркивала это ощущение. Волосы, чёрные как смоль, в этой причёске казались специальным обрамлением этого украшения, временно заменившего корону. И платье смотрелось королевским нарядом, несмотря на простоту и практически отсутствие украшений. Красное, под цвет костюма Олега, подчеркнуло фигурку Арни и лишь изумительное, состоящее только из маленьких светящихся бриллиантов украшение – не знаю как назвать этот шедевр ювелирного искусства – обрамляло изящную шейку и грудь будущей королевы. Или уже настоящей, судя по гордому взгляду Арни. Хотя, как догадываюсь, гордость пока от страха действия ритуала, я тоже очень гордо шла рядом с Глебом. Неожиданно меня пронзила мысль: это украшение очень похоже на то, которое мне подарил Глеб – маленькие капельки дождя на золотой паутине. Олег действительно любит свою Арни, экзотическую и уже очень мудрую, любит, но всегда будет помнить меня, ту, которая заставила его в это поверить, что она у него появится. Я лихорадочно вздохнула, и сразу послышался голос командора:

– Ты для них навсегда останешься первой любовью.

Блюдец Глеб тоже поймал и положил рядом с вилок на край дивана. На экране громадный Олег надевал Арни на руку кольцо, и камера специально для меня показала, что кольца другие, не такие как у нас с Глебом и у Аарона с Норой. В центре в обрамлении золотых лепестков лежали два камня: синий и зелёный, как бы вошедшие друг в друга. Глеб внёс свой очередной комментарий:

– Это было предложение Виктора. Я согласился.

– А что, кольца можно выбрать самому?

– В их случае – да.

Ну да, агрессию же не надо проверять. Камера неожиданно показала крупным планом Амира – спокойный взгляд, ни одной эмоции на лице – он смотрел куда-то перед собой и явно никого не видел, думал о чём-то своем.

– А что, камерой Андрей управлял?

– От тебя ничего не скроешь.

Теперь понятно, почему такое внимание на знакомые мне лица и возможный интерес. Олег подвёл Арни к такому же стулу, почти рядом с Норой, помог сесть, кивнул Аарону и встал рядом с Арни, поцеловал ей руку и оставил её в своей ладони.

– А клятву когда им... всем сразу, да?

– Всем.

Я смотрела на Глеба и удивлялась его глазам, он улыбался, и эта улыбка светила в синеве, превращала глаза в настоящее зеркало души. Он посмотрел на экран, рассмеялся и нажал кнопку на пульте:

– Это зрелище надо смотреть отдельно.

Бедная Нелли! Кадры пошли в замедленном темпе, и я смогла внимательно рассмотреть молодожёнов. Когда Олег сказал, что она не сможет нести драгоценности, я, конечно, поверила, но представить такое количество всё-таки не могла. Сам Виктор был в белоснежном костюме и такой же рубашке, и лишь из нагрудного кармана виднелся уголок красного платочка, а вокруг шеи невероятным образом повязан алый шейный платок, закреплённый огромным бриллиантом в золотой оправе! Артист, ну артист, никто и представить себе никогда не сможет, что этот в белом костюме боевиков готовит и гоняет как сидоровых коз. А Нелли едва шла, хоть Виктор и держал её под локоток, двигалась она с трудом. Завёрнутая в непонятный бурнус красного цвета, это единственное слово из восточной одежды, которое я смогла вспомнить, она была увешана невероятным количеством различных ожерелий из золота со сверкающими всеми цветами радуги камнями, жемчужными нитями, ещё и какие-то золотые монеты или просто золотые кругляшки были нашиты прямо на ткань. А голова покрыта таким же красным платком, по краям которого тоже были нашиты драгоценности и золотые

подвески, и на руках множество золотых колец и браслеты с бриллиантами. Я смогла только прошептать:

– Как же она идёт, бедная.

– Он уже признался, что теперь банкрот – все деньги на приданое ушли.

Глеб откровенно расхохотался над Виктором, нажал кнопку, кадры уже пошли нормальным ходом и Виктор, получив кольца от Амира, надел себе на палец и единственный свободный от колец палец Нелли. Она радостно села на стул и робко посмотрела на Виктора в надежде, что когда-нибудь это мучение закончится. Кольца были такие же – зелёный и синий камни в обрамлении золотых лепестков. Я уже ждала слов Амира о начале церемонии, когда камера показала ещё одну входящую пару, и я замерла, смогла лишь прошептать:

– Глеб...

– Я предложил, Амир меня поддержал, и главы согласились.

Настойчиво, наверное, предлагал, да и Амир постарался – в дверях стояли Андрей и Лея. Лея была в простом белом платье в пол и тонком ожерелье из маленьких зелёных камешков в золотой паутине. Волосы она просто распустила, и они тяжелой светлой волной лежали на плечах – покрывали её как королевская мантия. Удивительная красавица, просто удивительная, огромные глаза светились счастьем и уверенностью, никакого страха. А рядом шёл Андрей в светлом костюме и на галстук сверкал большой зелёный камень в платине. Я не могла оторвать от них глаз – кто бы мог подумать всего год назад, что они станут вот такими прекрасными в своей любви, невероятной парой в невероятном мире. И главы кланов этого страшного мира примут их союз, примут благодаря такому Глебу и ставшего таким Амиру. Я посмотрела на Глеба и, несколько раз вздохнув, чтобы выровнять дыхание, тихо сказала:

– Спасибо.

– Это ты.

Амир вручил кольца Андрею, и он, надев своё, медленно надел кольцо на руку Лее, такое же – синее с зелёным.

Я плохо видела, как главы подходили к новобрачным, только радостную улыбку Элеоноры и светящиеся глаза Олафа. Как всё удивительно, просто невероятно, такие все счастливые, на самом деле счастливые, это не спрятать, не прикрыть никаким самообладанием. Ничего не может с собой поделаться Аарон – его взгляд всё время направлен на Нору, он пытается увести его и посмотреть на Амира или глав, но глаза сами возвращаются к Норе и её протянутой руке. Такое чувство, что он ласково поглаживает своим взглядом её волосы и руку.

А Олег, раньше мрачный и немногословный, крутой, наполненный невероятной силой, бывший страшный глава страшного клана, так и держит руку Арни в своей руке – ей от этого легче, юной королеве, одна рука протянута главам кланов, а другая счастливо лежит в ладони любимого. Он будет всегда бояться за её жизнь, изо всех своих гигантских сил удерживать себя в жажде, ещё не зная, что всё пройдёт легко. Не так, он всегда будет бояться именно своей силы рядом с ней, такой маленькой и хрупкой, такой любимой. Хотя рядом с ними и я маленькая и хрупкая.

Вот Виктору всё нипочем – артист, он и есть артист – счастлив открыто, ярко. Всем показал, как любит Нелли, учел всё, даже традиции её народа: всё, что на ней, это её приданое, чтобы она знала, ему нужна она сама, камушки, которыми он её всю обвесил, это ей подарок за неё саму, ему для неё ничего не жалко. И чтобы она навсегда запомнила – он её никогда и никому не отдаст, не вернёт в барханы, не заставит голодать в коробке.

Они всё для них сделают, для своих любимых женщин, тех, которые – мечта, несбыточная многие столетия, и так неожиданно сбывшаяся. И Лея с Андрюшей тоже мечта, настолько они друг другу подходят, оба такие чистые, добрые, что даже трудно представить, что есть ещё кто-то такой в этом мире, в обоих мирах. Прав Глеб: кланы должны понять, что и мутанты, которые в их мире никто и звать никак, такие же личности, и так же имеют право на счастье

и любовь. И он эту любовь защитит. И вышло так, что вместе с Амиром защищать будут, вот такой интересный оборот получился. Да, было о чём Амиру на этом странном ритуале подумать, странном во всех отношениях хотя бы потому, что он невероятным образом стал защитником тех, кто были для него врагами и девушки-мутанта, когда-то так жестоко им пленённой. А может, думал о женщине, которую я ему обещала, и он в эту встречу поверил, раз я так неожиданно для него отдавала за неё свою жизнь. Чего только не сделает любовь, даже просто мечта о ней.

8

Глеб смотрел на меня и улыбался, а я думала свои мысли, подперев щёку и рассматривая последний кадр, на котором он остановил демонстрацию ритуала. На весь экран улыбался Амир. Он улыбнулся совершенно неожиданно, когда уже все главы прошли, и в зале остались только новоявленные мужья и жены. Длинная фраза на ассасинском и ослепительная улыбка, которую я даже не могла представить на этом красивом, но жёстком лице. Глеб уточнил:

– Красив?

– Ага, такой шейх восточный.

Зазвонил телефон, и Глеб сразу ответил:

– Амир.

Долго слушал и сказал лишь короткую фразу на ассасинском.

– Мари выбрала виллу на берегу моря и решила уже сегодня там остаться со своими новыми друзьями. И бассейн ей тоже очень понравился.

– Дорого будешь продавать?

Я почему-то совсем не удивилась, что Мари решила выбрать виллу на берегу моря, а ещё ей должен очень нравиться огонь. Глеб усмехнулся и опустил голову, спросил:

– Хочешь подарить?

– Нет, просто спрашиваю.

– Цену определяет Андрей.

– Вот пусть и будет та цена.

Широко открытые глаза выдавали явный вопрос, и я на него ответила:

– Амир не бедный, пусть платит.

Глаза стали ещё больше и мне пришлось объясниться:

– Он должен понять, что тратить деньги на свою дочь очень приятно и радостно. Ты же тратишь на меня... даже не сосчитать сколько. На одни цветы, наверное, миллион потратил.

Глеб улыбнулся, какое-то время пытался держаться, потом расхохотался. Наступила моя очередь удивляться, и теперь уже я повесила перед ним вопрос – это о чём он так веселится? Отсмеявшись и продолжая улыбаться, Глеб признался:

– За картину, как ты vyplываешь из воды с васильками на голове, стоит потратить миллион.

– Я была такая смешная?

– Ты удивительная, самая удивительная женщина.

Вскочил с дивана, подхватил меня на руки и поцеловал, уже собрался идти в спальню, но я его остановила:

– Подожди целоваться, я ещё не все выяснила, садись на диван.

Глеб вздохнул и безропотно устроился на диване со мной на коленях.

– Спрашивай.

– А кого вы в друзья к Мари выбрали?

– Лея с Олафом выбирали. Мне сначала показалось, что выбор несколько... странноват, но оказалось, что Лея была права.

- И кого она выбрала?
- Двоих мальчиков, которые внешне от людей ничем не отличаются, только энергетическими способностями, девочка-змея...
- Как у Олафа тогда была?
- Похоже, у неё развиты руки как у обычного ребенка, а всё остальное тело как у змеи, ног нет совсем. Мальчик-слухач, ты его видела.
- Этот с корнями?
- Да, агрессия практически отсутствует, очень хорошо рисует и поёт, так сказала Лея. Девочка и мальчик как Али. Выбирали из школ Олафа и кланов Элеоноры.
- Кланов? А что, их несколько таких?
- Их было три, один из них ты видела, сейчас пять. И две школы Олафа.
- Уже две?
- Да, тех, кто участвовал в защите нашего дома, Олаф решил отделить от остальных, так как у них проявились уже другие способности, которые он теперь изучает вместе с Самуилом.
- Глеб, пять кланов, это столько детей с вирусом?
- Не только, есть просто мутации, обычные генетические, их в отдельные кланы перевели. И ещё часть тех, кому можно помочь хирургически, тоже в отдельный клан вывели, ими Самуил занимается с командой врачей. А тех, кому надо учиться управлять энергией, забрал к себе в школу Олаф.

Вот что стоит за одним коротким словом «дела», когда кто-то исчезает из дома. А я дуюсь и возмущаюсь, что, видите ли, мне не рассказывают, кто куда уехал. Конечно, отправляют спать сутками, чтобы не мешалась под ногами эти дела делать. Чтобы не думать о своей бесполезности, я вздохнула и стала спрашивать дальше:

- И как Мари? Она не испугалась таких друзей?
- В шоке был Амир.

Муж засмеялся с лёгким привкусом ехидства, но решил дальше тему не развивать и сказал уже серьёзно:

– Олафу Мари понравилась своей выдержкой, она, конечно, постояла пару минут в состоянии ужаса, но подошла к ним сама и представилась своим настоящим именем. Они, в отличие от тебя, это имя могут произнести правильно, и через несколько минут все уже весело бегали и ползали по саду.

- А на каком языке они разговаривают?
- На своём.
- Как это?

– Говорят на разных языках, но каким-то образом понимают друг друга. Олаф очень доволен, сказал, что надо подумать о смешанных группах мутантов и детей с вирусом, вообще детей с разными физическими отклонениями.

- А как теперь Серёжа? Раз Мари уехала, он же будет скучать без неё.
- Ему некогда скучать.
- А ему что ты придумал?
- Илья готовит его как боевика.

И улыбнулся таинственно, хитро на меня посмотрел, увёл глаза и стал рассматривать Амира на экране, а я длинно прошипела:

- Кого? Боевика? С ума сошли, мальчик совсем, слабенький...
- Ну, не такой и слабый, бегают хорошо.
- Глеб! Что с ребёнком делаете?

– Они его всяким приемам начали обучать, сама говорила, что только мальчику с боевиками и жить.

Командор засмеялся, чмокнул меня в макушку, понажимал кнопки на пульте, и во всю ширь экрана появился Илья, держащий Сережу в вытянутой руке, а тот махал руками и ногами, пытаясь ударить его палкой, при этом Илья как змея выворачивался, чтобы мальчик не смог его коснуться. Глеб внёс комментарий:

– Скорость один, нет, тридцать процентов.

Это чтобы Серёжа заметил движения Ильи. И оба довольны, Илья улыбается, а Серёжа вообще радостно хохочет. Появилось ещё одно изображение: Серёжа кидается чем-то в двух боевиков, а они с улыбкой на лице ловят всё, не двигаясь, вернее, я не замечаю их движений, Серёжа естественно тоже, но старается, аж губу прикусил. А следующий кадр меня ввёл в шок – Илья практически свернул Серёжу в узел, всё тело было переплетено, и в центре этого клубка из рук и ног торчала очень довольная физиономия мальчика. Да, мужские игры, не до девочек. Неожиданно строгим голосом Глеб сказал:

– Мальчик меняет энергию боевиков, я приказал им заниматься с мальчиком отдельно от всех, пока не выясним степень изменений.

– Он по-прежнему живёт у Вердо?

– Да, так удобнее, Вердо готовит ему еду, следит за сном и отдыхом.

И кадры спящего мальчика на диванчике у окна с фиалками, а рядом сидит громадный Вердо и поправляет одеяльце, ну совсем папаша с сыном.

– Ты такой мудрый, всё так устроил, так всё правильно. А Вердо не может и мне вкусно-стей приготовить, ну, Серёже и мне заодно?

– Нет, пока мальчик у него, для тебя он готовить не будет.

Всё ясно, никакой, совершенно никакой связи мальчика со мной: вдруг чего-нибудь не так, вдруг связь какая-то энергетическая, вдруг ещё что-нибудь непонятно что, но на всякий случай – никак. Я посмотрела на Глеба и поняла, что довела его своими энергетическими потерями до крайней точки кипения и безнадёжности, очередной безнадёжной безнадёжности. Он так грустно на меня смотрел, что казалось, просто ждал уже, когда я очередной раз рухну в энергетический коллапс, из которого ему придётся меня доставать всеми возможными и невозможными способами. И самое страшное, что это может произойти в любой момент, просто от одной моей мысли или неосторожно брошенного слова. Или специально сказанного, как произошло с Амиром, но я свои слова уже не помню, сказала и сказала, а потом они меня спасают, потому что за словом идёт действие закона, изрекла намерение – исполняй. Так красиво сказала про закон, мол, он всё уже продумал и нашёл, а что я сама иногда исполняю волю закона и плачу своей жизнью за его исполнение, об этом я совсем забываю, а они меня спасают и спасают, своими жизнями платят за моё спасение. И сразу вспомнилась картинка, как Андрей выводит, практически выносит Виктора, такого сильного и ироничного, именно он в тот момент больше всех отдал мне своей жизни. А на самом деле отдавал её Амиру, потому что я всю силу Виктора передавала ему, врагу, который когда-то чуть его не убил. А ведь был момент, когда даже я сама поверила, что никогда и никому никакой энергии уже не отдам.

На экране Серёжа радостно смеялся и пытался поймать Илью и Вердо, они старательно сдерживались, но скорости иные и мальчик просто терял их из виду. Но странное дело – он всегда их находил, встанет, подумает несколько секунд, потом побежит именно в том направлении, где за деревом стоит Илья или Вердо. Я спросила Глеба:

– А у Серёжи есть какие-то отклонения в энергии, в смысле, он сам стал чем-то отличаться от людей?

– Нет, Олаф его постоянно проверяет, да и Илья контролирует – обычный мальчик, хорошо развит физически, но и только.

– Но как-то же он меняет боевиков, почему они именно при нём меняются?

– Олаф решил, что это ты.

– Я? Глеб, да я его больше и не видела после той встречи.

– С ним те боевики, которые тебя спасали, в них твоя энергия, Серж как-то её усиливает просто своим присутствием. У тех, кто не получал твоей энергии, ничего не происходит.

Ну да, я бы на месте Глеба тоже себя к мальчику не пустила – кто знает на самом деле, вдруг я и ему решу ещё добавить, просто постою рядом и рухну, а им меня опять спасать придётся. Я тяжело вздохнула и прошептала:

– Глеб, я постараюсь больше никому ничего не обещать. И искать никого не буду, пусть сами ищут себе половинок.

– Ты уже Олафу пообещала.

– Она сама найдётся.

Сказала это очень быстро и сразу спряталась у него на груди, точно, а я уже и забыла. Теперь наступила очередь вздыхать Глебу: конечно, найдётся, только неизвестно, как я в этом процессе участвовать буду, и ему это во что обойдётся.

– Лизе я сказала, что её сыновья ещё не готовы.

– Хоть это радует.

– Больше никому.

– Ты пока больше никого и не видела.

– А на ритуале Лизы не было?

– Нет, она передала подарки, но сама приехать не смогла.

– Сыновья?

– Да, проблемы.

– А на наш домашний праздник она тоже не сможет приехать?

– Не знаю, мы его ещё не назначили.

– Надо посоветоваться с новоявленными мужьями и женами.

– Они ждут твоего слова.

– Моего так моего, давай завтра подумаем, придёт утро, придёт умная мысль.

Глеб так на меня посмотрел, что я стукнула его по груди, ну не так же, иногда по утрам меня посещают умные мысли.

Но утром мысль никак не хотела меня посещать, тем более что Глеб старательно мешал ей просто появиться в голове. Казалось, что слово «молодожёны» ему всё и объяснило, то есть – молодая жена. Я уже пять раз ему сказала, что пора меня доставить хоть куда-нибудь, я уже была согласна на что угодно, и на бассейн, и на столовую, а он только смеялся, прижимал меня к себе и никуда не отпускал.

– Ты красавица.

– Голодная красавица, которая ещё и поплавать хочет.

И опять смеётся, целует и ласкает моё молодожённое тело, так и заявил – молодожённое.

– Глеб, так не говорят, молодожёны, это оба, и мужчина, и женщина.

– Я тоже молодожённый.

И откуда таких слов набрался? Раньше говорил чисто, но очень правильно, как все, кто учит чужой язык, а теперь резвится как может, даже считает возможным менять слова, как ему нравится.

– А ты в отпуск молодожёнов отпустил?

– Отпустил.

– Глеб, а...

– До завтра.

– Это же...

– Хватит.

Понятно, спорить бесполезно, хорошо хоть вообще отпустил.

– А Лею с Андрюшей?

– Они уже были в отпуске.

– Аарону хоть повезло – он сам себя в отпуск отправляет.

Глеб хмыкнул, но комментировать не стал, опять поцеловал и много что позволил руками. До бассейна я добралась только к обеду, а обедала уже ближе к ужину.

Раз все в отпуске, то и себе Глеб устроил выходной: никто не появлялся, телефон куда-то исчез, до гардеробной я добраться не успела, сразу оказалась в бассейне.

– Глеб ты неприлично себя ведёшь.

– Я муж.

– Но...

– Грозный феодал, тиран и монополист.

От хохота я чуть не утонула, пришлось Глебу меня из воды доставать, но я продолжала хохотать и махать руками даже в столовой. Никакие объяснения он не принимал, сказал лишь:

– Я всё равно монополист тебя.

А ещё говорит, что у меня голова никогда в порядок не сможет прийти – узнал разных слов и во всю оперирует ими как захочет, какой-нибудь филолог уже давно бы в обморок упал. Ужин просто отменился, потому что мы до столовой так и не добрались. Счастливый день отпуска.

Утром я проснулась одна и не знала, что думать, беспокойства не было – только удивление. Но мало ли какие дела могут образоваться у командора. Звать никого я не стала, поехала немного, подумала и решила пойти в бассейн. По дороге мне тоже никто не встретился, и я уже стала беспокоиться, потому что жители этого дома всегда слышат моё сердце и знают, когда я просыпаюсь. Подойдя к бассейну, услышала музыку и решила, что Глеб очередной раз приготовил мне сюрприз, сидит и ждёт меня у воды. Но его там тоже не было, и я загрузила, свечи и розы уже не радовали меня, даже музыка навевала грусть.

Глеб вошёл стремительно и сразу улыбнулся:

– Привет.

Точно, уезжал куда-то, чёрный костюм и знак власти на чёрном галстуке. Я опять наивно спросила:

– Привет, где ты был?

– Дела.

От досады я даже нырнула, зачем спрашиваю, всё равно не скажет, ясно -кланы, опять кланы и ещё раз кланы. Глеб дождался, когда я вынырну и спросил:

– Хочешь прогуляться?

– Конечно, хочу, прямо сейчас?

– Прямо.

Даже позавтракать не дал – заявил, что по дороге, значит, недалеко. Одевалась я по команде и приказу, или наоборот, как-то так, то есть очень быстро. А на крыльце остановилась и удивлённо посмотрела на Глеба – шикарная белая машина с открытым верхом, длинная, с мягкими кожаными сиденьями тоже ослепительного белого цвета.

– Прошу, жена командора.

Теперь понятно, почему он заставил меня надеть яркое красное платье, непонятным образом появившееся в моём гардеробе, и ожерелье из капелек. Но сам почему-то не переоделся, так и остался в своём командорском одеянии.

– Глеб, а что... мы уже совсем... уже мне можно на белый свет?

– Можно.

– А почему ты знак власти оставил? Встреча?

– Встреча.

А сам улыбается ослепительно, синевой глаз сверкает, руку так подал, что стало ясно – граф, а может поэт, или ещё кто-то там из неизвестного века. Боевики небось сознание поте-

ряли от такого жеста своего грозного командора. И сопровождали нас лишь два обычных джипа, причём держались от нас на достаточном расстоянии. Но ремень безопасности был таким широким, что почти прикрыл меня всю, я сразу возмутилась:

– Глеб, я как припечатана к креслу.

– Это и требуется.

Вот вам и всё объяснение – крыши же нет, значит, привязать так, чтобы никак не могла никуда улететь. Какое удовольствие в жаркий день ехать в открытой машине на такой скорости, впервые видеть окрестности не сквозь тонированные окна, а собственными глазами, любоваться яркими красками садов и лесов, окрашенных в невероятные оттенки домов и вилл, весёлыми туристами и местными жителями, занятыми самыми разнообразными делами. Мы проносились на бешеной скорости, слегка притормаживая в населенных пунктах, и я удивлялась, что некоторые туристы махали нам руками и что-то кричали в след.

– Что они нам говорят?

– Поздравляют со свадьбой.

– Нас?

– На нашей машине написано «молодожёны».

Я долго на него смотрела, не могу определить это чувство, даже не удивление, восторг, который светился в глазах Глеба, не передать никакими словами. Восторг и счастье, исполнение очередной его мечты – нестись со мной в белоснежной открытой машине и не бояться за меня, полностью отдаваясь волшебству скорости, солнца и ветра. И моря, мы выехали на берег и поехали вдоль невероятно синего огромного пространства, где-то вдалеке соединяющегося с яркой голубизной неба, без единого облачка, лишь пронизанного лучами царственного солнца. Я даже дышать перестала от этой красоты, подняла руки и замахала ими, приветствуя всех сразу и море, и солнце, и небо.

Машины Глеб остановил у небольшого домика. Это был даже не настоящий дом, а как бы сборный из каких-то деревянных конструкций разных размеров, сложенных друг на друга и невероятным образом сохраняющих ровные стены без окон. Крышей служил купол цвета индиго, похожий на цирк-шапито, с ярким золотым конусом в центре. Я уже хотела спросить Глеба, это что, ресторан такой, меня кормить будем, посмотрела на него и замерла – куда делся молодожён, вновь проявился командор и маршал всех войск, даже во время истории с Амиром такого выражения лица я у него не видела.

Глеб вздохнул, какое-то время смотрел на непонятное сооружение, потом сказал:

– Ты ничего не боишься.

– Я должна... не так, я могу чего-то испугаться?

– С тобой захотели встретиться... их называют Хранителями.

Опять надолго замолчал, взял меня за руку, поцеловал её и поднял на меня глаза, синие, но тревожные. Я ждала продолжения и положила на его руку свою ладонь – говори, раз надо с ними встретиться, значит, ничего не будем бояться. Он чуть пожал мою руку и тихо сказал:

– Они обладают всеми возможными физическими и энергетическими способностями, существующими в нашем мире, но никогда не вмешиваются, они хранят тайны и артефакты.

– Кольца у них?

– Да. И не только кольца, много всего. Иногда они просто собирают информацию о них, знают, но оставляют...

– Браслет, да?

– Да. Тогда владелец артефакта находится под их наблюдением.

– Значит, и за тобой они тоже наблюдали?

– Наблюдали.

– Это ассасины?

– Нет, они отдельно созданы природой. Они не люди, но и не совсем мы, они другие, но существуют в нашем мире и питаются кровью.

– Как боги, которые требуют кровавых жертвоприношений?

– Что-то в этом духе, но сложнее, значительно сложнее.

– А что им от меня нужно? Забрать к себе как артефакт?

– Нет, ты человек и моя жена, они признали тебя моей женой.

– А я и есть твоя жена, разве их признание что-то меняет?

– Меняет, ты первая жена-человек, которую они признали равной мужу. Поэтому решили с тобой познакомиться официально, они тебя знают, наблюдают давно, и наблюдают не только за тобой, но и за всеми, кто тебя окружает. Изменения, которые происходят с теми, кто окружает тебя, их удивляют, но они их приняли.

– А если бы не приняли? Тогда опять война?

– Которую мы бы не выиграли.

– Они бы меня убили?

– Меня.

– Почему тебя, это же я виновата?

– Ты воздействовала на наш мир через меня, мы опасны только вдвоём. Это как с твоими богами – они хотели забрать мою силу через тебя. Удивило Хранителей и то, что тебя спасали наши, а меня люди в борьбе с твоими богами. Я думаю, твои боги – это тоже какие-то энергетические сущности, которые таким образом воздействовали на людей, принимая привычный для них образ животного. Они питаются энергией человека, а вкупе с моей, которую они никак не могли получить, стали бы значительно сильнее.

– А эти боги не могут сейчас что-то с тобой сделать?

– Нет, сейчас уже нет.

– Ты всегда знал, что Хранители за тобой наблюдают?

– Хранители предупреждают владельца артефакта о своём внимании. Но они никак не проявлялись до последнего времени.

– Они никогда никому не помогают?

– Не мешают и не помогают, просто наблюдают. Если что-то происходит с владельцем, они появляются чтобы забрать артефакт.

– Отдай им браслет.

Глеб улыбнулся, но отрицательно покачал головой:

– Хранители сказали, что он остаётся у меня. Пойдём, они нас приглашают.

– Они всё слышали, о чём мы сейчас говорили?

– Да.

Ну и хорошо, пусть знают, какая я есть. Глеб поцеловал меня и этим показал мне, что ему тоже всё равно, что они подумают – любит свою жену и всё, как хотите к этому относитесь, господа Хранители.

Мы вышли из машины, сразу часть стены домика просто исчезла, растворилась в пространстве, и образовался проход. Глеб взял меня за руку и повёл внутрь дома, я лихорадочно вздохнула и улыбнулась ему, мне с ним ничего не страшно.

Их было семь, этих странных существ, внешне очень похожих на людей, которые стояли у противоположной стены. Высокие крупные мужчины лет пятидесяти, с короткими бесцветными волосами, не седыми, а именно бесцветными, и такие же бесцветные лица с бесцветными глазами. Казалось, ни одной краски нет на лице – просто линии, обозначающие контуры черт лица, и едва заметная тень на месте глаз, носа и губ. И одежда была прозрачно-серой, современные костюмы, вернее контуры одежды и тела. Совершенно непонятно, почему я решила, что им около пятидесяти лет, но именно столько. А на самом деле может быть несколько тысяч. В первый момент мне даже показалось, что это в зеркалах отражается один и тот же мужчина,

настолько они были внешне похожи друг на друга. Да и стояли они как бы в каком-то отдельном пространстве, воздух вокруг них так ощутимо загустел, что казался вязкой субстанцией, внутри которой едва поблёскивали огоньки.

Глеб провёл меня в центр помещения, встал за моей спиной и положил руки на плечи. Я сразу почувствовала давление, казалось, что меня пытаются поставить на колени, вот уже и ноги задрожали, готовы были подогнуться, но я чувствовала руки Глеба и гордо подняла подбородок, сжала кулачки – буду стоять, пока смогу. Глеб, видимо, тоже чувствовал это давление, потому что произнёс странным глухим голосом:

– Моя жена Катерина.

Ни звука не прозвучало в ответ, лишь усилилось давление, вот я уже начала подрагивать всем телом, ещё немного и упаду, превращусь в лужицу крови. Крови? Так им нужна моя кровь? Им тоже? Ах, так, жертва вам нужна, хотите меня как курицу заставить без головы по двору бегать, разбрызгивая вокруг капли крови?! Почему именно такая картинка возникла в голове – неизвестно, но что-то во мне поднялось такой тёмной волной гнева против этих серых фигур, что я даже перестала чувствовать давление и гневно посмотрела в бесцветные глаза ближайшей ко мне фигуры. И что-то в этой фигуре изменилось: сначала мне показалось, что стал ярче цвет глаз, не так, сначала проявился зрачок и потом сверкнул лёгким оттенком жёлтый цвет. А я продолжала гневно смотреть в эти глаза и думала лишь об одном – не позволю поставить на колени, не позволю и всё! Это в их мире можно кого угодно давить и ставить на колени, а я женщина, человеческая женщина, ни перед кем на колени не встаю! Особенно перед этими серыми, непонятно кто вообще, ни здарсьте вам, ни пирожков, мол, проходите гости дорогие! Я даже не пыталась думать, просто отпустила все мысли, поддерживала в себе этот гнев, даже если читают как открытую книгу, пусть читают, такая, какая есть, и всё тут! Сразу вспомнила, как перед Олафом учинила скандал Олегу и разошлась совсем, скандал, так скандал, даже глаза прищурила, вы ещё не знаете, как человеческая женщина может, но ничего сказать не успела, прозвучал металлический голос:

– Катерина, человек, жена командора.

И что? Я гордо посмотрела в эти уже совершенно жёлтые глаза – да, жена, и люблю, и муж любит, и ничего вам с этим не сделать. Глеб погладил меня по плечам, значит, тоже смог побороть давление, и таким образом пытается поддержать. Тот же металлический голос произнёс:

– Катерина, твоя энергия уникальна, мы возьмем её на хранение.

Что?! Но ничего сделать или сказать я не успела – темнота накрыла меня, и в ней лишь мгновенной вспышкой сверкнул яркий жёлтый блеск глаз серого.

Большие жёлтые глаза преследовали меня везде, в полной боли темноте они светились, и боль от этого света становилась сильнее и сильнее, как будто наполнялась от этой желтизны. Когда мне удавалось хоть немного отвести взгляд от этих глаз, боль немного утихала, но глаза снова находили меня, и боль начинала терзать тело ещё сильнее. Я не поняла, когда в этой жёлтой боли проявилось слово, вернее сначала буквы, такие маленькие буквы, они проскальзывали среди лучей желтизны красными линиями и пытались собраться в слово. Но желтизна опять заполняла всё пространство и буквам снова приходилось с трудом продираться сквозь неё. Я пыталась сфокусировать взгляд на этих красных линиях, понять какие это буквы, и снова жёлтые глаза вставали перед ними и закрывали их своим светом боли. И вдруг что-то произошло, какой-то звук неожиданно пронзил меня, жёлтые глаза вдруг остановились и буквы мгновенно собрались в слово «Глеб». Глеб! Я закричала тонким звуком, постепенно переходящим в звериный рык, невозможный для человеческого горла. И полная темнота – совершенно ничего, ни глаз, ни букв, одна чёрная боль.

Когда ушла боль, я не осознала, темнота стала просто темнотой, обычной темнотой, глухой, без единого проблеска света. Темнота заполняла меня всю – я не чувствовала ни рук,

ни ног, ни вообще самого тела. Потом проявился очень тонкий, едва различимый звук, он расширялся, превращался в какую-то мелодию, и она зазвучала в темноте сначала просто звуком, а потом и голосом, нежным женским голосом. Песня моря Анжелины, молитва ушедшим в море.

И опять боль, невероятная, обжигающая изнутри, горящая снаружи всполохами, но в этом пламени боли я стала осознавать сначала руки, потом и всё тело. А Анжелина пела и пела, и её голос гасил огонь боли, он постепенно стал затухать и скоро угас совсем, проявляясь лишь иногда в отдельных местах небольшим всполохом. Стала рассеиваться и темнота, она посерела, и в ней проявились лучи, сначала отдельными полосками, а потом ярким мощным потоком солнечного света.

Судя по звуку прибоя, я лежала где-то рядом с морем, на чём-то очень мягком и воздушном, но не могла пошевелиться, не двигался даже мизинец, и глаза не открывались, хотя сквозь веки проникали яркие лучи солнца. Прозвучал нежный голос Леи:

– Катя пришла в себя.

– Катя, попытайся открыть глаза.

Как всегда, Олаф был деловит и спокоен, какое счастье услышать его голос, но тело меня не слушалось, и мне пришлось долго стараться, чтобы хоть приподнять одно веко.

– Вот и молодец, полежи немного, я пойду Глеба посмотрю.

Не тратя силы на открывание глаз, я просипела:

– Глеб... что...

– Жив, можешь не страдать, полежит немного, отдохнёт от тебя и скоро встанет. Лея, работай, я тебе всё объяснил, пока только так. Амир вернётся, тогда подумаем.

– Амир...

– Катя, молчи. Я тебе всё расскажу.

Лея взяла меня за руку, тёплый поток энергии стал постепенно подниматься по моим рукам, медленно, но верно двигаясь к сердцу. И начала свой рассказ:

– Глеб не мог даже предположить, что Хранители захотят взять твоей энергии, они её никогда не хранили, вообще ею не занимались. Но Олаф сразу его предупредил, что Хранители не просто так хотят с тобой встретиться, что-то им от тебя нужно. Они с людьми обычно не общаются.

Она замолкла на мгновение, и кто-то другой взял меня за другую руку.

– Катя, всё хорошо, ты принимаешь энергию, значит, понимаешь, что делаешь. Наряды поделить опять не успела, драгоценности тоже не раздала никому, и подарки нам на свадьбу не подарила, ты думаешь, я дам тебе умереть без подарков? Да никогда! И Глеб тоже ещё ничего не подарил, Лея с Андреем хоть на вулкан летали, а мы с Нелли только дом и успели посмотреть. Ну, поцеловались немного, да и так... женатые всё-таки, уже можно.

Виктор, неутомимый, неподражаемый Виктор, я сразу представила его на свадьбе и прошептала:

– Ты был хорош, только Нелли уж очень сильно обвешал камнями, еле шла девочка.

Энергия Виктора неслась по моей руке и уже бушевала где-то в голове, вихрилась и очищала мозг от темноты. Он сразу заявил:

– А ты как думала, вдруг Нелли соберётся со мной разводиться? Скажет, давай половину богатств, а я ей сразу и отвечу: по вашим законам, что на тебе, то твоё, а остальное не трогай. Как ты думаешь, на булавки хватит?

– Хватит. Что с Глебом?

– Ну, всё, оживаешь, если интересуешься мужем, значит, всё хорошо, делиться драгоценностями не будешь. Лея, я только что вернулся, не очень в курсе.

– Ему Олег с Андреем помогают, он уже пришёл в себя, только пока двигаться не может. Скоро Амир приедет, они с Олафом и решат.

– Что решат?

– Да что с вами делать.

– Виктор, всё так плохо?

– Как раз всё хорошо, Катя, всё так хорошо – что разобраться бы. Хранителя вы так послали, что он до сих пор в себя прийти не может. Он уже целый час с Амиром разговаривает, плачет на его плече, слёзы утирает: отдайте, говорит мне Катю, а тот ему доказывает, что никак нельзя, она даже ко мне не пошла, верна Глебу, а ты его обидел, она теперь и смотреть на тебя не будет.

– Так ему всё-таки я была нужна?

– Вы оба, вернее ваша объединённая энергия. Они решили её в банку положить на хранение, или шкатулку, я не понял, говорят – пусть полежит.

9

Наконец, я смогла открыть глаза и увидела бледного до синевы Виктора и такую же Лею, с огромными синяками под удивительными глазами, ставшими от этого ещё больше.

– И давно я, мы, так...

– Катенька, совсем немного, всего несколько часов, ещё только вечер, а ты не завтракала, голодная совсем. Скоро Вердо придет, накормит тебя, заодно и Сержа накормит, когда тот с Амиром явится.

– Серёжа у Хранителей?

– Ага, вместе с Мари.

– Виктор... а они их...

– Нет, не переживай, они им не нужны, они так, силовое подкрепление Амира.

– Силовое?

– А ты как думаешь? Амир не дурак, понимает, что самое главное в жизни – дети, вот с собой и взял их, как прикрытие. Ну да, поставил перед собой и из-за спин выглядывает, с Хранителями только так – вдруг чем выстрелят.

– Виктор...

– Катя, да не знаю я, о чём он с ними разговаривает! Только когда уже стало понятно, что мы живы назло всем, и Олаф оказался прав, всё получилось, как он задумал, так Амир сразу Мари с Сержем в машину посадил и рванул к Хранителям разборки учинять.

– А как мы живы?

– Олаф вас с Глебом энергетически соединил со всеми.

– Лея, как это со всеми? С кем это со всеми?

– А всеми нами, кто хоть раз тебя коснулся и получил твоей энергии, все мы: боевики, мутанты, Нелли, Арни, Нора, Анжелина, да много кто.

– Катенька, я же говорю, Хранитель в обморок упал, когда столько получил всего. Представляешь, он такого насмотрелся, один Али чего стоит, да эта с головой, Наташа, тоже тот ещё подарок. Он только вас с Глебом и хотел, а получил весь зверинец.

– Зверинец?

– Естественно, он думал, красавицу все свои столетия будет наблюдать ...твоей энергией, ну Глеба ещё, а тут ему и мы все. Али, боевики тоже всяких рож ему настроили, а потом уже и Наташа, да ещё все эти, которые на технических этажах дома. Конечно, Нелли с Норой и Арни, но я думаю, он тогда уже совсем плохо понимал, всё перемешалось в голове. Я Нелли так и сказал: ты ему такое что-нибудь скажи, чтобы запомнил, она обещала.

– Я не поняла, как это, они что, и мысли мои с энергией получили?

– Ну да, память твоей энергии, последние дни, подробности ты у Олафа спроси.

Я засмеялась, Лея тревожно посмотрела на меня, а Виктор даже лоб пощупал, вдруг от недостатка энергии с ума схожу. Пришлось объяснить свой смех, пока какой-нибудь укол не сделали для успокоения:

– Первое, что этот серый увидел, была курица с отрубленной головой, которая по двору бегаёт.

Виктор не понял, кивнул головой, но всё-таки странно на меня посмотрел, может ещё тогда с ума сошла, когда у Хранителей была. Но кто-то понял, послышался громкий мужской смех, последовало несколько слов на итальянском, и его поддержал весёлый женский хохот. Олег, это он понял и, наверное, ещё кому-то сказал. Мне не удалось поднять голову, чтобы посмотреть, где они, но я облегчённо вздохнула – Лея сказала, что Олег рядом с Глебом, значит, совсем близко. И послышался слабый голос Глеба:

– Ну вот, теперь они точно будут знать, что ты и без головы можешь бегать.

Я попыталась подняться, но Лея меня остановила:

– Лежи, Глеб в пяти метрах от тебя, вам пока нельзя рядом находиться, Олаф вас отделил друг от друга энергетически.

– Зачем?

– Чтобы Хранителям помешать, да и защищать вас по отдельности нам легче.

– Они и сейчас пытаются?

– Уже нет, но на всякий случай.

Лея слабо улыбнулась мне и качнулась, Виктор вопросительно взглянул на меня – смогу ли я полежать одна, я кивнула, и он мгновенно исчез с Леей на руках. Но одну меня не оставили, рядом сразу появился Олаф, взял за руку, и энергия опять полилась горячим потоком.

– Как ты себя чувствуешь?

– Уже хорошо, а как Глеб?

– Скоро сможет встать, уже пытается, но Олег его держит.

– Олаф, расскажи, как мы здесь очутились, как всё произошло, я ведь сразу сознание потеряла.

– И хорошо, что потеряла, твой умный мозг его выключил.

– Я только всё время жёлтые глаза видела, они так боль усиливали.

– Так ты опять всё чувствовала? Всю эту сумасшедшую боль?

– Да, а почему так больно? Ведь он энергию забирал, ослабла бы и всё, а так больно было, он что, через свои глаза как-то энергию забирал?

– Может быть, они вообще тайна, никто не знает их настоящих способностей, энергию они ещё ни у кого не забирали, по крайней мере, я о таком не слышал.

– Но мы были внутри дома, как вы нас достали?

– Глеб тебя вынес, Хранители энергетический щит установили, и я его не смог преодолеть. Как он ушёл от Хранителей непонятно, но песня Анжелины помогла, она рядом со мной стояла и вдруг запела, сначала тихо так, едва слышно, а потом всё громче и громче, и вдруг щит спал, почти сразу Глеб вышел с тобой на руках. Тогда я уже и послал ему энергии от всех, кто соединён был к вам.

– Значит, нас спасла песня?

– Получается, что так. Щит спал, как только она запела, видимо, Хранители отвлеклись на неё, и Глеб смог тебя вынести, а дальше уже совсем просто – я поток через вас и послал.

И засмеялся таким смехом, что я тоже усмехнулась – прав Виктор, тот ещё подарок получили Хранители, если им свои мысли посылали те, кто за нас с Глебом переживал и был готов отдать свою жизнь. Да и курица моя тоже веселья добавила.

– А Амир зачем к ним поехал? Мы теперь далеко от них, Хранителей?

– В десяти километрах. Катя, дальше не получилось, да и Хранителям любое расстояние, сама понимаешь, не значит ничего, они перемещаются быстрее мысли. А вас срочно надо было спасать, ты уже синеть начала, да и Глеб тоже... побледнел.

– Ты не ответил, зачем Амир к ним поехал, да ещё и детей взял?

– А я не знаю.

– Как это?

– А так. Он появился неожиданно, Глеб не хотел, чтобы он был... ну, в смысле своей энергией к нам подключался, а тот заявился, да ещё и Мари привез. Схватил за руки Сержа и Мари, мне на ногу наступил, чтобы хоть как-то меня коснуться, так и стояли вместе. Катя, он нам сильно помог, щит так потом и не опустился, уж, не знаю, что он сделал. Это он предложил вас друг от друга положить подальше, лучше увезти в разные стороны, но Глеб не позволил. А когда уже стало ясно, что вы оживаете, он и тебя и Глеба восстанавливал, вы совсем как пустые шарики были.

– Огонь, после темноты вдруг во мне всё загорелось, прямо запылало, а потом уже стало хорошо.

– Это он, у тебя даже румянец появился, только кричала сильно, еле Глеба удержали, хорошо, что Амир с тебя начал. Ну, а потом и Глеба за руку взял, сказал, что потом с ним разбираться будет, когда у того силы появятся.

Неожиданно Олаф замолчал, отпустил мою руку и как-то прошепел:

– Катя, лежи, глаза закрой и лежи.

– Что? Олаф, что случилось?

– Лежи и молчи, что бы ни случилось – молчи.

Я не успела больше ничего сказать, как вдруг какая-то сила подхватила меня и поставила вертикально, только я не стояла, а висела над землей в коконе энергии, и передо мной стоял Хранитель. Олаф висел рядом в таком же коконе, руки прижаты вдоль тела и только глаза горят жёлтым светом гнева и бессилия. Крик Глеба услышала как будто издалека:

– Катя!

Хранитель даже не обернулся на его крик, стоял и смотрел мне в глаза, только уже не жёлтым, а каким-то зеленоватым взором. И несмотря на кошмар состояния неживучести, я вдруг подумала – ага, заразился зеленью моих глаз. И всё: сразу успокоилась, страх неожиданности от появления этого серого ужаса ушёл, я улыбнулась ему спокойной уверенной улыбкой. Неожиданно рядом с Хранителем проявился Амир с Сержем и Мари на руках. Он медленными движениями поставил детей на ноги и, растягивая звуки, произнёс:

– Энергия меняется постоянно.

Видно было, что Хранитель давит на него своей энергией, но Амир как-то справляется с ней, хотя это сопротивление даётся ему с большим трудом. Хранитель ничего ему не ответил, только повернул к нему голову, потом наклонил её и тронул Мари рукой, вернее коснулся пальцами её волос, а она подняла лицо и что-то ему сказала на своём певучем языке. И удивительно – она двигалась легко, не чувствовалось никакого сопротивления, казалось, что Хранитель её не давит своей энергией. Спокойно стоял и Серёжа, даже неприлично шмыгнул носом, утёрся рукавом и радостно улыбнулся мне, мол, не переживай, я с тобой. Я тоже улыбнулась ему, непроизвольно кивнула головой, оказалось, что могу ею двигать в этом коконе, правда, только головой, руки оставались прижатыми к телу очень плотно.

Хранитель опять посмотрел на меня, поднял руку, двинул пальцами, и я почувствовала сильную боль в сердце, такую, что едва сдержалась, чтобы не закричать, однако боль почти сразу прекратилась. На лице Хранителя появилось нечто похожее на улыбку, и он сказал:

– Катерина, человек, жена командора, мы оставляем твою энергию до завершения процесса изменения.

И кокон исчез, я сразу рухнула на землю, но не ударилась, Амир успел подхватить меня на руки и прошептал:

– Молчи.

А я и не могла ничего сказать, спазм сдавил горло, и лишь умоляюще посмотрела на него, Глеб. Он положил меня на что-то очень мягкое и исчез, а рядом оказался Олаф и тоже сказал:

– Молчи, он Глеба поднял.

Я замерла, а Олаф, чтобы я не сделала чего-нибудь, закрыл мне рот ладонью и очень ощутимо надавил, сказал молчать, значит – молчать, он лучше знает. Не было слышно ни одного звука, как будто вокруг меня опять образовался кокон, ну да, Олаф постарался, чтобы не волновалась и не мешала своим волнением Глебу, да и всем, Амиру, например. Зажмурился, я только повторяла про себя: Хранитель его не тронет, у него тоже постоянно энергия меняется, Глеб уже стал совсем другим, он всегда рядом со мной, значит, каждый день меняется, одни скандалы чего стоят. Олаф медленно снял свою ладонь с моих губ и повторил:

– Молчи, не открывай глаза и молчи.

Так я и лежала, крепко зажав глаза и плотно сжав губы, пока не услышала голос Глеба:

– Любимая, посмотри на меня.

Сразу распахнув глаза, я увидела, что Глеб стоит рядом, поддерживаемый Олегом и Олафом. Андрей приподнял меня, и я заплакала, моя рука едва шевельнулась, и жеста не получилось, от этого слёзы полились ручьём. Олаф моих слёз выдержать уже не смог, поэтому заявил:

– Ну, всё, опять рыдать, пора домой, а то утонем все. Виктор подгоняй машину.

Успокоиться у меня никак не получалось, слёзы лились и лились, омывая щёки тёплыми ручейками. Андрюша взял меня на руки, смог только прошептать:

– Катя, уже всё закончилось, домой едем.

Какой он стал, я посмотрела на него и ужаснулась: маска с ввалившимися глазами, даже руки слегка подрагивают, сам едва держится, а несёт меня. Слёзы у меня сразу высохли, и я попыталась пошевелиться:

– Андрюша, я сама...

– Нет.

Больше я не успела ничего сказать, подъехала наша машина, та самая, с открытым верхом и надписью «молодожёны». За рулём сидел Виктор и ослепительно улыбался:

– Катя, я тоже такую машину хочу, я же молодожён.

– Дарю.

Глеб первым сел в машину, едва двигаясь и сощурив глаза от напряжения, было видно, что едва держится, но он сразу протянул ко мне руки и Андрюша положил меня на них. Олег с Олафом отошли от машины, и мне показалось, что они тоже едва стоят на ногах, но оба мне улыбнулись, а Олег сказал Виктору:

– Бери, пока командор дарит, я потом тоже с Арни покатаюсь.

Уже в машине, прижимаясь к груди Глеба, я заметила, что недалеко стоят Анжелина, Амир, Мари, Серёжа и ещё много кого – целая толпа, много разных лиц. Я попыталась помахать им рукой, показать, что всё хорошо, и я им благодарна, но сразу потеряла сознание.

Самуил лечил меня за всех сразу, за себя тоже. Его не взяли на операцию спасения нас с Глебом, хотя Олаф его подключил энергетически, но приказал оставаться дома и готовиться к нашему возвращению. Вот он и подготовился. Когда я пришла в себя, то даже не поняла, где нахожусь, так как вся была обвешана различными проводками и в обе руки поставлены капельницы. Как только я открыла глаза, он радостно наклонился надо мной и заявил:

– Катенька, девочка моя дорогая, всё хорошо, тебе только полежать надо, просто полежать.

Я попыталась спросить его, где Глеб и почему я так лежу, но он только замахал на меня руками:

– Пока молчи, у тебя всё хорошо, но пока помолчи. Глеб скоро приедет, у него всё хорошо, он только день и пролежал, потом совсем восстановился.

Мой вопрос в глазах был таких размеров, что Самуил его сразу понял и погладил меня по руке, успокаивая:

– Катенька, Виктор вас обоих без сознания привёз. Амир помогал, Олаф тоже сам едва держался, они даже толком восстановиться не успевали, всех боевиков собрали, они со всеми энергией делились. Глебу даже...

Самуил махнул рукой, и я поняла, что даже кровь не могла восстановить силы Глеба. Я крепко зажмурила глаза, тяжело вздохнула и опять вопросительно посмотрела на Самуила. Он догадался, о чём я хочу его спросить, тоже вздохнул и ответил:

– Девочка, у всех так проходило восстановление, кто к вам энергетически был подсоединен, Хранители эти как-то очень сильно на всех повлияли. Я Лею не знал уже... не понимал, что делать, а она только улыбается, говорит: Самуил, не волнуйся, я справлюсь сама.

Самуил осознал, что нельзя же мне такие страсти рассказывать, натянуто улыбнулся, весёлым голосом произнёс:

– Но сейчас уже всё хорошо, все уже себя хорошо чувствуют, только тебе ещё надо пару дней помолчать и полежать.

Я уже грозно посмотрела на Самуила, об этом подробнее: почему это мне надо опять молчать и лежать? Он вздыхал, гладил меня по руке, трогал проводки, отворачивался к окну, опять вздыхал, и я уже собралась спросить не глазами, а голосом, когда он решился ответить:

– Катенька, Хранитель что-то с твоим сердцем сделал, оно работает странно, очень непонятно. А иногда оно останавливается, поэтому тебе пока надо помолчать и полежать.

Тяжело сел на стул рядом с конструкцией, на которой я лежала: постелью это назвать нельзя, кресло космонавта, напичканное техникой, такой же космической. Теперь наступила очередь вздыхать мне: да, боль была ужасной, когда Хранитель двигал пальцами, он что-то сделал с моим сердцем, осталось только выяснить – что. Самуил погладил мою руку, встал, подошёл к столу, накапал какой-то жидкости в маленький стаканчик и выпил, криво сморщившись. Я испуганно подняла глаза, впервые увидела, чтобы Самуил пил какое-то лекарство, значит, совсем плохо. Он обернулся ко мне и слабо улыбнулся:

– Катенька, не переживай, всё хорошо, девочка, люди медленнее восстанавливаются. А я оказывается ещё человек... может уже и не совсем, конечно, но дольше чем они восстанавливаюсь.

И сразу я подумала о девочках, Анжелине, Вердо, людях, которые тоже нас спасали. Самуил догадался о моих мыслях, замахал руками:

– Катенька, у них всё хорошо, к ним сразу боевиков приставили, на всякий случай, они и помогли энергии восстановиться. Только Анжелине не потребовалось – она будто и не почувствовала ничего, все слабели, а она нет, только песни пела тихонечко про себя. Да, Катенька, она про какую-то курицу рассказывала, смеялась очень.

Значит, это ей Олег про курицу рассказал, и она как женщина из деревни очень ярко это представила. Я улыбнулась, и Самуил тоже обрадовался, вот и хорошо, девочка улыбается, она повеселела, и жизнь как-то наладится. Он, наконец, убрал капельницы, опять тяжело вздохнул, но ничего сказать не успел, в лабораторию стремительно вошли Глеб, Амир и Аарон. Глеб подошёл ко мне, нежно поцеловал и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.